Вопросы Торгового Права и Практики

Сборник статей

Издание
Ленинградской Товарной Биржи
1926

Ленинградский Гублит № 16618. Тираж 1500 экз.

Типография Торговой Палаты. Ленинград. Полтавская, 12.

СОДЕРЖАНИЕ.

СТАТЬИ.

Об особенностях имущественных договоров Советского права.

§ 1. Договор в децентрализованной и централизованной системе хозяйства.

Договорное соглашение в системе имущественных отношений, построенных на системе децентрализованного хозяйства, имеет свое определенное хозяйственно-техническое назначение. Оно должно служить средством, при помощи которого происходит продвижение товара от производителя к потребителю. Основным в этой функции является договор об отчуждении имущества и специально купля-продажа. Через посредство ряда последовательно заключаемых договоров покупки и продажи продукция от производителя постепенно продвигается по различным категориям торговых посредников (торговцам оптовым, полуоптовым, розничным и т. д.). Движение это должно приближаться к прямой линии по направлению к потребителю, лишь частично уклоняясь в сторону, в случаях обращения к кредиту (залог), задержки в товарных складах и т. п.

Конечно, возможны случаи уклонения от этого нормального пути товарного оборота. Товар при известных условиях может искусственно задерживаться торговыми посредниками (невыпуск на рынок) или уходить в сторону, переходя из рук в руки, но не приближаясь к потребителю. В таких случаях говорят о спекуляции, ажиотаже и других болезненных явлениях децентрализованного товарного оборота. В данном случае мы имеем в виду, однако, только то, что считается за нормальные проявления частного товарного оборота.

Основным орудием его является договор купли-продажи. Но он сопровождается целым рядом других договоров вспомогательного характера (кредитные, транспортные, экспедиционные, страховые, комиссионные и т. д.). Последние направлены с одной стороны на облегчение продвижения товара в силу купли-продажи, а с другой стороны — на урегулирование взаимоотношений, возникающих по этому поводу между отдельными самостоятельными хозяйствами. Совокуп-

ность всех относящихся сюда сделок и договоров составляет то, что называют торговым оборотом.

Основной принцип торгового оборота при децентрализованной системе хозяйства заключается в том, что все отдельные участники его являются формально несвязанными друг с другом. Каждое предприятие само по себе составляет строго организованное целое, имеющее свой внутренний распорядок и план хозяйства. Но в отношениях друг к другу они выступают неорганизованно, не подчиняясь общим регулирующим началам. Каждое действует за свой страх и риск, руководствуясь только собственным интересом и своими предположениями о наиболее для себя выгодных результатах хозяйственных операций.

При такой системе хозяйственной работы основным принципом ее должна явиться, так называемая, договорная свобода участников имущественного оборота. Под нею подразумевается то, что каждый участник оборота является совершенно самостоятельным, автономным в осуществлении своих коммерческих операций. Каждый из них является формально управомоченным на вступление или невступление в имущественно-обязательственное отношение. Точно также на основании формально-автономного волеиз'явления определяется и содержание устанавливаемого сторонами обязательства.

Полную противоположность вышеописанному порядку представляет собою способ распределения продукции при системе централизованного хозяйства. Централизованное производство сопровождается плановым распределением продукции. Производителем является об'единенная хозяйственная организация, действующая по общему установленному плану. Точно также осуществляется и процесс распределения продукции между ее потребителями. Весь сложный торговый аппарат децентрализованного оборота является при таких обстоятельствах излишним. При отсутствии в централизованном хозяйстве самостоятельных производящих и торгующих организаций нет уже надобности в заключении договорных соглашений, направленных на посредничество в обращении товаров.

При системе централизованного производства и распределения продукции договорные соглашения, как способ продвижения продукции - товара к потребителю заменяются урегулированной и осуществляемой по общему плану деятельностью особых общественно-хозяйственных органов. Деятельность этих последних в значительной степени механизируется, так как они не являются самостоятельными агентами оборота продукции. Их задача ограничивается лишь выполнением плана, данного им из хозяйственного центра. Этот последний регулирует и „увязывает“ производство хозяйственных благ, их распределение и снабжение, как отдельные функции единой общественно-хозяйственной организации. По этому деятельность соответствующего-

хозяйственного аппарата имеет характер не договорный, а административно-исполнительный.

Такую, приблизительно, картину внедоговорного распределения продукции представляла собою деятельность распределительных органов при действии „старой экономической политики“ периода „военного коммунизма“.

§ 2. Структура имущественного оборота при системе новой экономической политики.

Гораздо более сложной и своеобразной представляется организация и функции товарного оборота при действующей ныне системе новой экономической политики. С точки зрения норм, регулирующих работу отдельных частей этой системы, она может характеризоваться, как сочетание начал планового хозяйства с оперативной самостоятельностью отдельных участников оборота. Хозяйственная самостоятельность в пределах плановых заданий есть приблизительная общая формула, охватывающая современное советское хозяйство в целом.

Конечно, термин „план“ в данном случае нельзя понимать в смысле плана производства и распределения хозяйственных благ, утверждаемого на данный операционный период (напр. ежегодные производственные планы для государственной промышленности, перспективный план развития данной отрасли хозяйства и т. п.) Здесь план надо понимать в более широком и менее определенном смысле. План для хозяйства Советских Республик в целом — *есть общие пути развития, направление которых в нужную сторону регулируется центральными государственными хозяйственными органами.*

Современный промышленно-торговый оборот слагается из деятельности целого ряда хозяйствующих организаций, расположенных в известном соотношении к регулирующему центру. Эту систему можно представить себе в виде центрального пункта, окруженного рядами концентрических кругов, стоящих ближе или далее от центра и соответственно больше или меньше связанных с ним в своей работе.

Ближе всего к центру расположены государственные хозяйственные организации. Они представляют собою предприятия *плановые в тесном смысле этого слова.* В силу основного постулата своего построения они должны выполнять утвержденный для них на каждый отчетный период план производственной работы. Вместе с тем этот конкретный план каждого отдельного предприятия составляет органическую часть производственного плана хозяйства в общегосударственном масштабе.

В составе государственных предприятий можно различать, по тому же признаку проведения планового начала, два вида госпред-

приятий с некоторыми промежуточными прослойками. Ближе всех к центру из числа госпредприятий стоят те, которые функционируют в бюджетном порядке на основании утвержденной сметы прихода и расхода. Необходимость точного выполнения сметных предположений и оправдания каждой статьи расхода по смете приводит к тому, что бюджетное предприятие превращается в значительной степени только в исполнительный аппарат, автоматически выполняющий действия, прямо вытекающие из утвержденных сметы и плана.

Значительно больше самостоятельности имеют госпредприятия, действующие на началах коммерческого расчета в качестве особых хозяйственных единиц (тресты, синдикаты, государственные паевые товарищества). Обладая отдельною имущественною правоспособностью, они пользуются оперативной свободой в области заключения сделок и договоров. Но эта оперативная свобода имеет плановую обусловленность. Она должна осуществляться в целях и в пределах проведения производственного плана данного предприятия, утвержденного центром. Самый же план составляет органическую часть единого плана государственного хозяйства. Главное отличие данного вида госпредприятий заключается в порядке осуществления производственного плана; в том, что предприятие — самостоятельная хозяйственная единица, осуществляет его в порядке самостоятельной оперативной работы, как заботливый хозяин само разрешая конкретные вопросы текущей работы.

Таков общий принцип построения работы самостоятельных государственных хозяйственных единиц. Здесь возможны, конечно, различные отклонения в зависимости от усиления или ослабления начал централизованного хозяйства. В частности не одинаковы способы установления плана для трестов, синдикатов и государственных акционерных обществ. Граница, проходящая между тем, что осуществляется госпредприятием самостоятельно или по заданиям и указаниям центра, не является окончательно фиксированной и может быть перемещаема в ту или другую сторону. Поэтому в данном случае не приходится говорить о каких-либо правах, закрепленных за данным предприятием, о „приобретенных правах" — по терминологии иностранной цивилистики.

Однако, несмотря на открытую для регулирующего хозоргана возможность значительного воздействия на оперативную работу предприятия, все-же следует признать, что основным принципом построения хозрасчетного предприятия является признание его самостоятельности в осуществлении текущей работы.

Между этими двумя основными группами госпредприятий, т. е. госпредприятий бюджетных, с одной стороны, и „хозрасчетных", с другой — имеются еще промежуточные группы. Сюда, напр., относятся госпредприятия, переведенные на хозяйственный расчет, но не снятые с бюджета, хотя и не связанные точным исполнением сметных на-

значений (сальдо-бюджет). В таком положении находятся отдельные железные дороги ведомства НКПС. Они не являются самостоятельными хозяйственными единицами, представляя собою, так сказать, недоразвившиеся тресты. Признаку совершенной хозяйственной самостоятельности отвечают лишь отдельные подсобные предприятия в составе железных дорог (напр., коммерческие агентства).

При всем разнообразии оттенков в положении отдельных видов госпредприятий, оттенков иногда трудно уловимых, все же их об'единяет общий принцип подчинения плановым началам в смысле *обязанности выполнения утвержденного регулирующим хозорганом производственного плана предприятия.*

В ином смысле следует понимать идею плана в хозяйстве для предприятий, не входящих в систему государственного хозяйства. Таковыми являются кооперативные и частные предприятия. Регулирующие хозорганы не устанавливают для них производственного плана, ни в государственном масштабе, ни тем паче — индивидуального для каждого в отдельности. Производственные планы даются только государственным предприятиям. В отношении кооперативных и частных предприятий план, составляемый центральным хозорганом, может иметь значение только учета места и влияния данных видов промысловой деятельности в общей экономике страны.

Создавая общегосударственный производственный план различных отраслей хозяйства, регулирующие хозорганы должны учитывать значение кооперативных и частных предприятий и степень обслуживания ими потребностей рынка. Тем самым, хотя и косвенно, но все же последние оказываются воспринятыми в общий план хозяйства.

Но, как мы указывали выше, план в хозяйстве можно понимать также в более широком смысле. От плана как *нормы*, следует отличать *план-директиву*. В последнем смысле план есть целевое назначение, стремление достигнуть в хозяйственной работе определенных результатов. Такой широкий план, план — в смысле *указания общего направления и характера хозяйственной работы*, имеется налицо и для данных категорий предприятий (т. е. для кооперации и для частных хозяйств). Эта цель понимается вместе с тем *не в частно-хозяйственном смысле*, как оно подобало бы быть для предприятий децентрализованного хозяйства. Цель, устанавливаемая Советским правом для всякого хозяйства, в том числе и частного, является целью *общественно-хозяйственною.*

Свое выражение принципы хозяйства, как социальной функции, как плана в широком смысле, получили наиболее отчетливое выражение в ст. ст. 1 и 4 Гражд. Кодекса. Имущественная правоспособность предоставляется участникам хозяйственного оборота лишь в целях развития производительных сил страны. При этом имущественные

права охраняются лишь постольку, поскольку они осуществляются в согласии с их социально-хозяйственным назначением.

В советской экономике, при наличии сильного регулирующего хозяйственного центра, такая обусловленность имущественных прав означает реальную необходимость для отдельных предприятий сообразовывать свою работу с целями, поставленными для развития хозяйства страны в целом. Благодаря этому, частные предприятия оказываются вынужденными сделаться, если не органическими (что возможно для кооперации), то механическими частями регулируемого государством хозяйства. Частные предприятия, оставаясь чуждыми по самой своей структуре и природе началам планового хозяйства, поддаваясь извне идущему давлению, оказываются вынужденными согласовывать свою работу с общими принципами и тенденциями регулированного государством хозяйства. Другими словами они поневоле вовлекаются в план общегосударственного хозяйства, понимаемый в широком смысле слова, т. е. подчиняются плану-директиве.

Среди хозяйственных организаций, не являющихся госпредприятиями, следует различать, как указывалось раньше, две группы. Одну составляют кооперативные организации, а другую — частные предприятия. Они отличаются друг от друга по степени своей приближенности к регулирующему центру. Кооперативные предприятия, не получая (также как и частные) конкретных утвержденных регулирующим госорганом производственных планов, все же в большей степени поддаются планирующему воздействию государства. В частности, это выражается в том, что регулирование оказывает не только косвенное давление на кооперативные предприятия (как это в виде общего правила имеет место в отношении частных хозяйств). Практика Наркомторга осуществляет лимитирование цен не только для государственных, но и для кооперативных предприятий. По этому они вместе с госпредприятиями составляют то, что называется „организованной“ торговлей, в отличие от „неорганизованной“ частной торговли. Последняя, если иногда и вовлекается в регулирование оборота, то не в порядке установления лимитов, но посредством *договорных соглашений* об отпуске товаров с обязательством при перепродаже делать накидку не свыше установленного процента.

§ 3. Групповое и междугрупповое договорно-имущественное право.

Вышеприведенный краткий очерк организационных начал торгово-промышленной деятельности различных участников оборота показывает сложность состава хозяйственного организма Советских Республик. Очевидно, что разнообразие проявлений хозяйственной деятельности должно соответствовать различию юридического оформления их взаимоотношений.

Если мы возьмем три основных группы хозяйственных организаций — государственные, кооперативные и частные предприятия, — то должны будем признать, что каждому из них свойственны свои правовые принципы. Это должно иметь место не только в отношении организационных форм (декреты и постановления о трестах, синдикатах, кооперативных организациях, различных видах товариществ и т. д.), но и для правил, регулирующих их имущественный оборот. В частности, принципы *договорного права* должны иметь свои особенности для каждой из этих групп.

Договорный оборот группы государственных предприятий имеет свои особенности. Иногда они сравнительно незначительны, но в иных случаях приходится говорить *об особых видах* договоров, совершенно не свойственных и неприемлемых для группы хозяйств децентрализованного типа. С другой стороны принципы и приемы имущественного оборота между частными предприятиями являются в известных отношениях неприемлемыми для „государственного имущественного оборота".

Таким образом создается положение, при котором имеется налицо несколько имущественно-правовых группировок в зависимости от наличия нескольких типов хозяйства. Собственности государственной, кооперативной и частной (ст. 54 Гражд. Кодекса) должны соответствовать особенности государственного, кооперативного и частного договорного права.

Эти имущественные группировки, имея свои особые организационно-правовые принципы, не могут и не должны являться вполне замкнутыми. Они находятся в состоянии договорного взаимодействия и постоянного имущественного оборота. Последний в особенности обосновывается и вызывается тем, что самою крупною потребительскою массой являются мелкие частные хозяйства города и деревни, противостоящие главной производственной массе государственных промышленных предприятий. В силу таких обстоятельств неизбежно возникновение постоянного и широкого имущественного оборота между государственными, кооперативными и частными хозяйствами. Вместе с тем возникает необходимость создания особого междугруппового имущественно-оборотного права.

Такая картина социально-хозяйственных группировок и создания соответствующих правовых форм групповых и междугрупповых отношений составляет в настоящее время особенность Советского имущественного права. Современные кодексы западно - европейского гражданского права не знают подобного расслоения имущественных отношений. Самое единство их гражданско-правовых систем рассматривается, как крупное социальное достижение, как победа современных демократий над раздробленностью права феодального средневековья с его множественностью сословных и местных прав.

Исторических аналогий в прошлом (даже если подходить к данному предмету со стороны юридической формулировки, а не существа хозяйственных отношений) следует, однако, искать не в Европейском средневековье с его неподвижным укладом и узко ограниченным оборотом. Гораздо ближе с точки зрения техники правовых отношений стоит к этому римское право эпохи создания jus gentium. Это было время развивающегося и оживленного средиземно-морского торгового оборота. С юридической стороны он характеризуется существованием наряду с правом римских граждан (jus civile), еще многих племенных и территориальных правовых систем, вошедших в сферу господства римской республики. Развивающийся товарно-имущественный оборот между отдельными частями государства нарушал первоначальную замкнутость национальных прав и вызывал необходимость в создании особого междуплеменного права (jus gentium). Последнее было общим правом, применявшимся для урегулирования имущественных отношений между представителями различных племенных групп.

Этому периоду (т. е. *времени до того момента*, когда междуплеменное право, jus gentium, об'единило в себе все отдельные правовые группировки и стало фактически единым правом жителей римской империи) соответствует, с точки зрения внешних юридических формул, существующее взаимоотношение прав различных социальных группировок Советского Союза. Современные государственные, кооперативные и частные предприятия точно также не составляют замкнутых имущественных сфер. Поэтому для них в такой же степени необходимо особое *междугрупповое право*, регулирующее их взаимные имущественные отношения.

§ 4. Гражданский Кодекс и общие начала имущественно-договорного права.

В юридической литературе высказывалась, или молчаливо предполагалась, как исходное положение, та мысль, что Гражданский Кодекс является основным законом, определяющим не только структуру основных факторов хозяйственного оборота НЭП'а, но и самые принципы и формы последнего. Таким образом Гражданский Кодекс, по этому мнению, должен считаться за органический закон всего советского имущественного оборота, а не только за Кодекс прав частного оборота, за предел допустимого применения частного хозяйства.

Действительно, в постановлениях Гражд. Кодекса о суб'ектах имущественных прав содержатся правила о юридических лицах, как государственных, так кооперативных и частных. Постановления его об об'ектах права направлены главным образом на определение состава государственных имуществ и особенностей их положения. Затем

в дальнейших постановлениях Гражд. Кодекса имеются отдельные правила, относящиеся до государственных предприятий (напр. ст. 137, 153 и друг.).

Отсюда возможен вывод, что вся особенность в построении государственной промышленности заключается лишь в организационных нормах (правилах о суб'ектах и об'ектах права). Но что функциональные нормы, определяющие деятельность государственных предприятий, способы и формы участия в имущественном обороте страны, являются общими для государственных, кооперативных и частных предприятий. Другими словами—госпредприятия выступают в обороте, как частные лица, на началах частного права.

При такой конструкции положение госпредприятий в обороте не будет, в принципе, отличаться в СССР от положения германских об'единенных государственных предприятий. В Германии государственные предприятия организованы в концерн „об'единенных промышленных предприятий" (Vereinigte Industrie Unternehmungen — „Viag"), находящийся в ведении германского министерства финансов. Но этим государственным предприятиям придана вполне частно-правовая форма. Концерн представляет собою обычного типа *акционерное общество*, владельцем всех акций которого является германское государство. Последнее обстоятельство и составляет основной признак отличия этого акционерного общества от предприятий частно-владельческих. Советские госпредприятия, отличаясь от Viag организационно (поскольку они в основной своей массе не акционированы, а трестированы), участвуют, следовательно, в обороте на одинаковом основании с германскими, т. е. одни по правилам Гражданского Кодекса, а другие по правилам Гражданского Уложения.

Такое приравнивание государственных предприятий, поскольку они участвуют в обороте, к частным лицам является в условиях советской имущественной системы совершенно неправильным. Это неправильно во всяком случае для данного момента. Весьма возможно, что такая идея имелась в виду при составлении Гражданского Кодекса. Во всяком случае для первого периода по переходе к „новой экономической политике" характерную черту составляло предоставление госпредприятий почти на полный произвол рыночных отношений. Связанные планом в области производственной работы, они пользовались автономией в сфере торговой деятельности (как сбыта, так и заготовки). Являясь представителями планированного, централизованного хозяйства в первом случае, они оказывались в положении почти-что децентрализованных предприятий во втором случае. Юридическим оформлением этого факта должно было являться утверждение, что госпредприятия в обороте рассматриваются как частные лица.

В настоящее время для госпредприятий организационный период существования еще не закончился вполне, но во всяком случае уже

наметились общие контуры структурыеспромышленности. Но вместе с тем относится уже к прошлому стадия „анархического“ рыночного состояния госпромышленности. Торговая сторона их деятельности подвергается все более и более решительному планированию.

Если мы возьмем *обязательственно-договорную* часть Гражданского Кодекса, то в ней мы не найдем следов планового хозяйства. В общем и целом обязательственное право Гражд. Кодекса воспроизводит (а в отдельных случаях дословно заимствует) постановления до-революционного Проекта Гражданского Уложения или современных Западно-европейских гражданских кодексов. Частичные поправки к ним, введенные составителями Гражд. Кодекса в его обязательственную часть, не уничтожают и даже не ослабляют существенным образом лежащего в основе его обязательственного права *принципа договорной свободы*. Даже те ограничения, которые укоренились в иностранных законодательствах (напр. в железнодорожной перевозке, складских договорах, страховом деле), не получили никакого выражения в самом Гражд. Кодексе. Все связанные с вышеуказанными отношениями ограничения договорной свободы хорошо известны и нашему имущественному обороту, но Гражд. Кодекс обошел их молчанием. Организационный признак его обязательственного права есть частная автономия договаривающихся сторон.

При такой конструкции обязательственного права Гражданского Кодекса его нельзя признать выразителем основных принципов Советского договорного оборота. Это не есть общее право, долженствующее об'единить имущественный оборот различных социально-хозяйственных группировок Советского права. Тем паче оно не выражает принципов договорного права государственного имущественного оборота.

§ 5. Влияние планового начала на структуру договоров в государственном имущественном обороте.

Для современного имущественного оборота договорная форма составляет универсальное средство продвижения товара от производителя к потребителю. Действующая ныне система не применяет распределения продукции в формах административно-хозяйственных распоряжений. Даже там, где по существу дела имеет место проявление распределительных функций регулирующих хозорганов, — не устраняется договорная форма. Напр., если поступающее в данный район топливоснабжение подвергается разверстке между потребляющими госпредприятиями, то оформляется это все же в виде сделок между органами снабжающими и госпредприятиями—потребителями. Несмотря на то, что при этом количество, цена и другие существенные части сделки являются предопределенными, разверстка может принимать типично рыночную форму *маклерской записки*.

Таким образом разнаряживание прибывшего снабжения между заинтересованными госпотребителями получает характер *хозяйственного мотива*, диктующего необходимость заключения той или иной сделки. Договорное соглашение благодаря этому сохраняет *формальное* значение средства, при помощи которого осуществляется товарный оборот.

Но оставаясь орудием имущественного оборота между госорганами, договор в этом случае оказывается по существу далек от обычного договора частного, децентрализованного хозяйства.

Что представляет собою договорное соглашение в системе планового хозяйства закон точно не определяет. Столь же мало выяснен этот вопрос в теории действующего права. Что же касается практики, то до сих пор встречались лишь единичные случаи, когда возникала необходимость так или иначе ставить и разрешать этот вопрос. При этом всегда в таких случаях оказывалось, что договоры государственного имущественного оборота являются чем-то особенным, отличным от договоров Гражданского Кодекса.

Так, напр., АК СТО в решении по спору между Наркомфином и Госторгом о расчетах по договору о реализации 2-го Госуд. хлебного займа, нашла, что к взаимоотношениям между Наркомфином и Госторгом и другими госорганами, взявшими на себя реализацию хлебного займа, нельзя подходить как к обыкновенным договорам, т. е. *частно-правовым отношениям*, лишенным элемента публично-правового характера. Указанные госорганы выполняли *государственное задание, облеченное в форму договорных отношений*. Госторг выступал здесь *не столько в качестве покупателя облигаций, преследующего свои частные цели*, сколько в качестве госоргана, *принявшего на себя выполнение определенного государственного задания*. По этому АК признала неправильность требования об оплате неразмещенных облигаций займа согласно повышенному курсу дня их возвращения, так как это было бы равносильно премированию за невыполнение возложенного задания.

Другой пример дает практика в области внутрисиндикатских отношений. Имущественный оборот между синдикатом и входящими в его состав трестами осуществляется в обычных договорных формах, т. е. в виде соглашений о купле-продаже или о комиссии. Однако, в основе таких соглашений лежит не автономная воля договаривающихся сторон, а плановые начала, определяемые *уставом синдиката или постановлениями общего собрания* участников синдикатской организации. Благодаря этому синдикатско-трестовский оборот производит на некоторых впечатление одной только „договорной видимости“ или „совершенно ненужной игры“ в договоры (см. Сборник—„Вопросы промышленного права“, стр. 77 след.).

Такая оценка внутри-синдикатских отношений получила отражение и в раз'яснениях Наркомюста, который высказывал мысль, что отношения между синдикатом и его пайщиками-трестами *не должны быть*

подводимы под понятие договоров. (См., напр., раз'яснения от 5 марта 1924 г. № 323/3, 11 августа 1925 г. № 141).

Однако, как совершенно правильно было указано по этому поводу Н. Наумовым (Вестн. Сов. Юстиции 1926 г., № 2) начало плановости и организованности составляет общее явление в разнообразных отраслях Советского хозяйства. В таком случае следует или придти к логическому выводу о необходимости совершенного устранения договора из системы Советского права или поставить вопрос о тех изменениях, которые договор претерпевает под влиянием плановых начал в хозяйстве.

Суждения о неприменимости договорных форм к урегулированным хозяйственным отношениям основаны на том убеждении, что *нет договора без договорной свободы и частной автономии сторон.*

Эту мысль отчетливо выразил Совет С'ездов Биржевой торговли в связи с вопросом о регистрации плановых сделок. Он отмечает, что понятие „плановой сделки“ содержит в себе *некоторое внутреннее противоречие.* С одной стороны самое слово „плановая“ сделка предусматривает наличие заранее обусловленных моментов соглашения, при чем, конечно, эти условия должны касаться основных элементов соглашения; с другой же стороны, сделка (соглашение, договор) может иметь место *лишь при наличии свободного волеиз'явления сторон.* Здесь, по мнению Совета С'ездов необходимо иметь в виду размеры и характер установленных планом условий. Если эти условия охватывают весь круг существенных для совершения сделки моментов (количество, цена, сроки, лицо контрагента), то можно говорить *не о сделке в смысле свободного волеиз'явления, а о распределении в порядке известного плана.* При этом, вспоминая очевидно принцип безвозмездности всякого рода услуг и имущественных предоставлений эпохи „военного коммунизма“, Совет С'ездов добавляет, что *платность* распределения продукции не меняет юридической природы такого распределения и не превращает его в куплю-продажу (Еженедельник Сов. Юстиции 1926 г. № 2).

Действительность, однако, показывает возможность *расщепления договорного содержания и договорной формы.* Это в особенности настойчиво проводится Советской практикой права. Но более разрозненные и ослабленные проявления того же наблюдаются и в иностранных законодательствах.

В системах децентрализованного хозяйства за последние десятилетия образовались более урегулированные отрасли хозяйства. В них принципы договорной свободы начинают подвергаться более или менее значительным ограничениям. В особенности отчетливо проявляется это в договорах железнодорожной перевозки. Для одной стороны—железной дороги—там в сущности не существует договорной автономии, а для другой стороны—грузоотправителя—договорная автономия состоит главным образом в праве заключать или не заключать договора

с заранее урегулированным содержанием. В связи с тем, что в Советской системе государственного имущественного оборота плановое начало имеет преобладающее значение—настоящий вопрос получает соответственно бо́льшую важность. Для иностранного права такие contrats d'adhésion составляют некоторого рода аномалию в общей договорной системе и обычно в таком смысле и понимаются. Но для Советского права вопрос о квалификации таких договоров приобретает уже принципиальную важность.

Мы приводили выше некоторые примеры урегулированных договоров. Число случаев, когда практика Советского права подходила к вопросу об особенностях государственного имущественного оборота, возможно еще увеличить. Во всех этих случаях не давалось сколько-нибудь обобщенной формулы, охватывающей данное явление в целом. Тем не менее в них содержатся некоторые существенные руководящие данные.

То, что подчеркивается как отличительное свойство договоров гособорота, заключается в публично-правовом, плановом начале, основанном на том, что дело идет здесь об организованном хозяйстве. В некоторых случаях организующее начало государственного хозяйства проявляется с особенною силою и отчетливостью. Таковы, напр., так называемые *централизованные и децентрализованные заказы* планового снабжения металлоизделиями.

Такого рода заказы имеют применение в железнодорожном хозяйстве как одной из наиболее организованной и урегулированной отрасли народного хозяйства. Централизация руководства ж.-д. хозяйством в ведении НКПС дает последнему возможность сосредоточить у себя все данные о характере и размерах потребности железных дорог в снабжении металлоизделиями, начиная с болтов и гаек и кончая паровозами и вагонами. С другой стороны металлообрабатывающие тресты, снабжающие железные дороги, сосредоточены в заведывании Главметалла ВСНХ—как органа управляющего и регулирующего.

Благодаря этому создается возможность для двух центральных хозорганов (НКПС и ВСНХ) устранить рыночные отношения между потребителями (различными железными дорогами) и производителями (трестами, вырабатывающими соответствующую продукцию) и заменить их урегулированным снабжением. Это осуществляется в форме договоров централизованного или децентрализованного снабжения.

В обоих случаях центральные органы устанавливают в порядке ведомственного соглашения план государственных заказов для железных дорог на данный отчетный год. Этим планом предусматривается об'ем снабжения, его спецификация, сроки исполнения заказов, предварительные цены (окончательные утверждаются СТО) и прочие основные элементы договорного соглашения.

2

В случае применения формы *централизованного* снабжения договор заключается между ВСНХ и НКПС. Затем каждый из них выдает наряды на выполнение и на получение продукции соответствующим подчиненным хозяйственным организациям. В частности ВСНХ вместе с нарядом выдает и доверенность тресту на получение соответствующих платежей. Ни Главметалл ВСНХ, ни ХМО НКПС не являются—первое производственным, а второе—транспортным, предприятиями; Главметалл не производит никакой продукции, а ХМО—не занимается перевозкой грузов и людей. Они являются регулирующими госорганами, а не торгово-промышленными организациями. Поэтому такая практика может показаться несогласною с нормальными взаимоотношениями между регулирующими и оперативными органами,—в особенности по отношению к трестам, которые на основании декрета 10 апреля 1923 г. обособились в самостоятельные хозяйственные единицы на правах юридического лица.

Однако, вопрос о структуре управления промышленностью, и в частности о том, является ли Главметалл только регулирующим органом или „трестом трестов“, не входит в задачу настоящей статьи. Для нас здесь интересна практика имущественных договоров гособорота. В данном случае имеет место очень отчетливое проявление одной только формальной стороны договорного отношения, за которым стоит плановое распределение продукции. В этом случае происходит определенное стягивание к одному центру хозяйственных функций, распределенных между несколькими производственными организациями. Децентрализация оперативной работы, проявившаяся в создании самостоятельных хозяйственных единиц—трестов, имеет своим результатом соответствующие проявления децентрализации функции распределения, т. е. появление рыночных договоров. Но эта оперативная самостоятельность устанавливалась в пределах планового хозяйства и за регулирующим центром была сохранена возможность сосредоточения у себя и дальнейших правомочий. В частности имущественные договоры, заключаемые госпредприятиями могут подвергаться регулирующему и планирующему воздействию руководящего хозоргана. Форма централизованного заказа составляет крайнее проявление последнего, за которым может последовать лишь полный отказ от договорных приемов в деле распределения продукции.

Децентрализованные заказы представляют собою смягченную форму по сравнению с предыдущей. Они дают больше простора тресту-поставщику и железной дороге—заказчику. Основное отличие состоит здесь в том, что договор в этом случае заключается непосредственно заинтересованными сторонами. Главные основания договоров (т. е. предмет, цена и проч.) и в этом случае устанавливаются центром и им же утверждается типовой договор. Однако сторонам все же предоставляется возможность индивидуализировать отдельные согла-

шения, вносить в них те или другие поправки по конкретным обстоятельствам каждого отдельного случая.

С формальной стороны договоры децентрализованного снабжения представляют собою частный случай применения ст. 49, декрета 10 апреля 1923 г. о государственных трестах. Здесь происходит *занаряоісивание* продукции, осуществляемое, как того и требует ст. 49, путем *обязывания трестов заключить договоры па выработанных центром условиях.* Поэтому здесь, в отличие от централизованных заказов, договор заключается между действительным поставщиком и действительным заказчиком. Центральные же хозорганы не выходят из положения органов планирования и регулирования работы подведомственных госпредприятий. Таким образом *договорная форма* оборота продукции госпредприятий здесь соблюдается. Но *главное содероісание* в обоих случаях дается сверху, оно составляет часть планированного целого.

Приведенные выше примеры из договорной практики Советского права, при всей их неполноте и разрозненности, все же дают основание для некоторых общих выводов. Договор в общеустановленном смысле этого слова означает автономное соглашение двух хозяйствующих суб'ектов, направленное на регулирование имущественных отношений договаривающихся сторон. Такой договор есть орудие оборота товаров при системе децентрализованного хозяйства.

Будучи приложен к организованному хозяйству такой договор очевидно должен подвергнуться изменениям. Чем сильнее проявляются плановые начала в данной общественной организации, тем большие изменения должны произойти во *внутренней* стороне договорного отношения.

Анализируя эти изменения мы видим, что договор, понимаемый обычно как однородный юридический феномен, начинает расслаиваться на два составных элемента — формальный и материальный. *Договор-форма* есть особый порядок действий, направленных на фиксирование хозяйственных взаимоотношений сторон, в частности на оформление перехода права на товары и последствий этого перехода. *Договор со стороны своего содержания* составляет проявление хозяйственной автономии лица. В этом последнем смысле договор, как совершенно правильно некоторыми подчеркивается, есть *частный закон*, который два самостоятельных суб'екта устанавливают между собою на данный случай и с которым должны считаться третьи лица и сама государственная власть. Договор в этом случае есть lex inter partes.

Договор в первом своем значении— *как обряд волеизъявления*— может применяться шире, быть допущеным туда, где нет места для частной автономии сторон. Поэтому, когда в данной общественно-хозяйственной организации начинают развиваться плановые начала и утверждаются принципы централизованного и организованного хозяйства, то воздействие их на составные элементы договора оказы-

вается неодинаковым. Частная автономия лица должна уступать в той или другой мере место авторитету регулирующей данное имущественное отношение власти. Между тем как форма, в которую выливается имущественный оборот, оказывается приспособляемой к видоизмененному содержанию.

В истории права интересный пример этого представляет договор железнодорожной перевозки. Первоначально он считался за обычный договор частного имущественного оборота, приравниваясь то к договору найма имущества, то к найму услуг. С развитием железнодорожного хозяйства и с превращением его в строго организованную и регулируемую публичною властью коммерческую и техническую организацию, транспортный договор получил тот характер несвободного волеиз'явления, который отмечался нами уже ранее.

Такое вытеснение частно-автономного содержания договора с сохранением прежней договорной формы в особенности имеет широкое распространение в Советском имущественном праве. Частное исключение превращается в нем в общую тенденцию развития договорного оборота.

§ 6. Разновидности договоров гособорота.

Давая общую характеристику особенностям Советского имущественного договора, мы должны будем отметить в нем изменение содержания при сохранившейся устойчивости внешнего выражения.

Но так как сама Советская экономика представляет сложное явление, то соответственно неодинаковы те изменения, которые она вносит в структуру имущественного договора.

Раньше мы указывали на три основных группировки имущественных отношений современного оборота по признакам государственного, кооперативного и частного предпринимательства. Соответственно этому приходится различать три типа договорного оборота. Отличия Советского договора, как договора особого хозяйственного содержания сильнее всего дают себя знать в *области государственного имущественного оборота.* Но и здесь договор со стороны его содержания оказывается *не однородным.*

Содержание договорного соглашения является в особенности несамостоятельным в тех случаях, когда таковое установлено заранее в основных своих частях и не может быть изменено соглашением непосредственно оформляющих договор контрагентов. В приведенных выше примерах таких договоров имеет место облечение *планового задания*, исходящего от регулирующего хозоргана, в форму соглашения госпредприятий исполнителей этого планового задания. Здесь, следовательно, *договор-форма* составляет лишь техническое средство планового хозяйства.

Такие типичные *договоры-планы* применяются, однако, далеко не ко всем случаям имущественного оборота между госорганами. Последний в настоящее время не настолько еще урегулирован, чтобы руководящие хозорганы могли в такой степени определять направление и содержание государственного имущественного оборота, чтобы устранить необходимость в индивидуальном приспособлении к обстоятельствам каждого отдельного случая. Примерами последовательно планированных договоров являются упоминавшиеся уже договоры централизованного и децентрализованного снабжения металлоизделиями, а также плановые договоры по снабжению Красной Армии и Флота, договоры для оформления распределения топлива и других предметов снабжения, урегулированные внутрисиндикатские договоры и т. п.

Ослабленную форму таких договоров представляют собою *договоры - задания*. В них содержание определяется соглашением госорганов - контрагентов. Но в самом содержании этом, хотя и не урегулированном непосредственно из центра, все же определенно сказывается его общественное, „публично - правовое“ значение, долженствующее в особенности восприниматься и учитываться сторонами. Выше приводился пример соглашения, представляющего собою договорную форму выполнения государственного задания, а именно: соглашения между Наркомфином и госорганами по поводу реализации хлебного займа.

Однако, преобладающую массу договоров государственного имущественного оборота в настоящее время составляют договоры, которые с первого взгляда можно причислить к чисто рыночным. В них содержание соглашения определяется ближайшим образом началом спроса и предложения, текущими нуждами и потребностями госпредприятий, как самостоятельных в оперативном отношении хозяйственных единиц.

Однако, ошибочно было бы причислять их к типу договоров децентрализованного оборота. Раньше мы указывали на то, что наличие производственного плана не исчерпывает понятия организованного хозяйства и что в широком смысле под планированным хозяйством можно понимать хозяйство обусловленное поставленной ему целью и руководимое в этом направлении регулирующими хозорганами. Точно также в более узкой сфере распределения продукции нельзя исчерпывать понятия планированного товарного оборота договорами, содержание которых предопределено утвержденным планом. В широком смысле планированным является весь государственный товарный оборот.

Общее регулирование товарного оборота имеет несколько источников. Сюда относятся—политика цен, планы кредитования, регулирования сбыта и снабжения. Но в данном случае для нас представляют ближайший интерес не те хозорганы, от которых исходят со-

ответствующие директивы и распоряжения (СТО, Наркомторг, ВСНХ и другие). Нам здесь важен орган, который формулирует общие принципы урегулированного оборота в конкретных судебных решениях. Таковыми являются Арбитражные Комиссии при СТО и ниже стоящих экономических органах. АК является проводником экономической политики Советской власти и органом, создающим соответствующие ей правовые формы.

Положение и правомочия АК отличны от обычных судебных органов, основная функция которых заключается *в применении существующего права*. АК управомочена на то, чтобы, *принимая во внимание общегосударственные интересы, изменять самое содержание имущественных правоотношений*. В силу этого она способна устанавливать новые конкретные правоотношения и в силу своей практики проводить в жизнь *новые правовые принципы*.

По характеру своей функции АК, как судебный орган, ближе всего напоминает не гражданский суд современных правовых систем, но судебную деятельность римского магистрата эпохи формулярного процесса—*претора*. Последний создавал новое право, давая иск или отказывая в этом, поскольку то или иное отношение к спорному праву диктовалось *экономической политикой* того времени. Из его судебной работы выростало новое право, преторское право, jus honorarium.

Сходное значение имеют полномочия, предоставленные АК (ст. 5 Пол. АК СТО, ст. 10 АК РСФСР). Основываясь на них она, подобно римскому претору устанавливает свои основные начала для разрешения спорных вопросов. Например,—договор, не оформленный по правилам Гражданского Кодекса, не действителен, но если стороны его осуществили, то АК будет считаться с ним, как с договорным соглашением, чтобы не разрушать установившегося хозяйственного положения. В формулах преторского права это будет гласить: judicium dabo juris Sovetici corrigendi gratia. Другой пример,—если данный участок или строение включены формально в уставный капитал треста, но тем не менее не образуют составную производственную часть предприятия, то АК признает обоснованность иска, пред'явленного со стороны Откомхоза (или иного подлежащего органа), т. к. формальное содержание устава не должно покрывать отсутствия материального правомочия. Judicium dabo juris Sovetici supplendi gratia. Третий пример,—стороны могут устанавливать штрафные пени и неустойки, но по Советскому закону недопустимо чрезмерное и неоправдываемое обстоятельствами обременение должника; поэтому АК, в развитие его, освобождает ответчика от чрезмерных пеней и неустоек и недопускает одновременного взыскания того и другого. Judicium dabo juris Sovetici adjuvandi gratia.

Конечно, АК не может отменять действующих законов (praetor jus tollere non potest). Но своими решениями она устанавливает прак-

тику Советского имущественного права на основе общих начал Советского законодательства, экономической политики Советской власти и соображений об общегосударственных интересах. Все это может привести к отказу в защите формального права, несоответствующего вышеуказанным началам, превращение его nudum jus Quiritium.

За трехлетний период своего существования практика АК далеко еще не успела оформиться, выработаться в систему положений, подобных edictum perpetuum. Мы имеем только сборники отдельных решений и некоторые формулировки тех основных начал, которыми считала необходимым руководствоваться АК в своей работе (см. Отчет АК в Еженедельнике Советской Юстиции за 1925 г. № 52).

Тем не менее из того немногого, что АК высказывала в качестве общих положений, можно представить себе общую характеристику системы имущественно-договорных отношений среди участников гособорота. Мы можем ее понимать как систему сотрудничества самостоятельно хозяйствующих в пределах плановых заданий госорганов. Это есть система солидаризма, а не система всеобщей борьбы, bellum omnium contra omnes.

В связи с этим, автономное самоопределение сторон в договорных соглашениях получает целевое назначение. Таковое стоит вне и выше частных целей и интересов контрагирующего госпредприятия. При разумном понимании своих интересов, последние совпадают в конечном результате у обоих сторон. Поэтому договорам государственного имущественного оборота должна быть свойственна внутренняя самоурегулированность, являющаяся отражением или воплощением директив, исходящих из центра.

Этой внутренней, долженствующей быть урегулированности оборота соответствует ряд мероприятий извне, дающих определенное направление договорной практике. Сюда относятся упоминавшиеся уже ранее: лимитирование цен, кредитные планы, регулирование отпуска товаров и т. д.

Все это приводит к выводу, что чисто рыночный подход к договорам чужд стоящей на пути правильного понимания своих задач практике государственного имущественного оборота.

Поэтому из двух элементов договора: *формы и частного самоопределения*,—для данного вида имущественного оборота *характерен главным образом первый элемент*.

§ 7. Особенности кооперативного и частного договорно-имущественного оборота.

Обращаясь ко второй группе имущественных оборотных сделок, т. е. к договорному праву кооперативных организаций, мы начинаем уже выходить из сферы имущественных отношений, состоящих под ближайшим воздействием планирующего центра.

Здесь, в данный по крайней мере момент не приходится говорить о „планах снабжения“, об обязанности заключения договоров для их осуществления и т. д. Но отсюда еще не вытекает того, что мы имеем дело с оборотом вполне децентрализованного хозяйства. Налицо имеется целый ряд обстоятельств, которые с разных сторон устанавливают социальные связи кооперативного товарного оборота с планируемым хозяйством.

Раньше уже указывалось на то, что кооперативная торговля рассматривается, как торговля „организованная“. Она вовлечена в орбиту торговой политики, проводимой Наркомторгом. Лимитирование цен, контингенты отпускаемой в оборот продукции, направление, даваемое товарному обороту и т. д. одинаково распространяются как на государственные, так и на кооперативные торговые органы. Поэтому кооперация приобщается к аппарату, при помощи которого происходит размещение товаров среди потребителей.

Внешним выражением этого, формою осуществления, являются договорные соглашения. Как отмечалось выше, разрабатываемые центром планы не являются обязательными для кооперативных организаций. Последние не обязаны заключать соответствующих договоров, как это имеет место, напр., при децентрализованном снабжении металлоизделиями между госорганами. Но все-таки такая „организованность“ налагает свой особый отпечаток на совершаемые договоры.

Затем, следует учитывать также и то обстоятельство, что кооперативные организации, не ниже губернского масштаба, подсудны АК по спорам, возникающим у них с госучреждениями и госпредприятиями. Правда, и в данном случае это правило не имеет принудительного значения. Эти споры рассматриваются АК лишь при условии согласия на то со стороны кооперативной организации. Однако, поскольку они идут на такую подсудность, они распространяют на себя все те специальные правовые последствия, которые связаны с деятельностью АК и которые были отмечены раньше.

Наконец, необходимо учитывать значение тех новых начал в области кооперативной работы, которые намечаются в связи с созданием Паритетной Комиссии ВСНХ и Центросоюза.

Задача последней определяется, как *проведение в жизнь планового строительства народного хозяйства и овладение стихией рыночных отношений.* Паритетная Комиссия должна возможно безболезненно ликвидировать трение и конфликты, вызываемые заключением и выполнением генеральных типовых договоров, нормализировать взаимоотношения госпромышленности и кооперации, согласовывая планы реализации продукции госпромышленности с нуждами кооперации, корректируя планы размещения товарной массы, устанавливая товарный сортамент и т. д. Соответствующие функции на местах должны выполнять местные Паритетные Комиссии. Учреждение Паритетных Ко-

миссий, датируемое началом 1926 г., не может еще дать ощутительных результатов и обнаружить свое влияние на товарный оборот. Однако, принципы, заложенные в основу этого нововведения показывают совершенно отчетливо тенденции развития в сторону дальнейшего усиления планового начала в кооперативном товарном обороте.

Приведенные примеры относятся не столько ко внутрикооперативному обороту, сколько к обороту между кооперацией и государственными торгово-промышленными органами. Мы видели, что в этих случаях кооперация рассматривается, по общему правилу, как некоторая организованная группа, а не только, как собирательное понятие, об'емлющее в себе взаимно не связанные хозяйственные единицы. Кооперация мыслится законодателем, как одно из средств к построению народного хозяйства на социалистических основаниях, следовательно— как форма организованного хозяйства. Эта организованность создается посредством союзных об'единений отдельных кооперативных организаций, восходящих от первичной ячейки через ряд последовательных ступеней до центральной организации по данной отрасли кооперации.

Такая кооперативная организация в настоящем своем состоянии далека еще от плановых начал, получающих осуществление в организации государственного оборота. Однако, все же взаимоотношения отдельных кооперативных организаций и их об'единений не могут быть поставлены на один уровень со взаимоотношениями участников оборота при децентрализованной системе хозяйства. У них нет общего плана хозяйства в собственном смысле этого слова, но есть общность поставленной цели, общность методов работы и ее согласованность. Поэтому взаимоотношения между кооперативными организациями определяются не противоположностью интересов (и связанной с этим борьбою), но общностью конечного результата работы.

Учитывая эти обстоятельства, а также и то, что кооперативные организации постепенно втягиваются в общую систему государственного планированного хозяйства, мы можем выделить кооперативный имущественный оборот в особую группу договорных отношений. Она является промежуточной между государственным и частным оборотом. Примыкая ближе к первому она характеризуется особенностью не договорных форм, но содержания договорного отношения. Если для гособорота договор характеризуется признаком *плана* или *государственного задания*, то для кооперативной организации содержание договора определяется признаком выполнения *общественного задания.*

Третья группа имущественных сделок—договоры частных лиц, представляют собою „неорганизованный“ товарный оборот. Отдельные попытки включения в план снабжения с принятием на себя определенных обязанностей в деле размещения товарной продукции, предпринятые более организованными частными предприятиями (напр., об-

ществами взаимного кредита), представляют собою редкие исключения. Анализ социально-хозяйственной природы таких явлений в настоящее время был бы преждевременным. Все же прочие формы частного товарного оборота составляют проявление принципа системы децентрализованного хозяйства с лежащей в его основе идеей формальной договорной свободы. Здесь *в виде общего принципа*, применяется правило, что договор есть *автономное из'явление частной воли* контрагентов, направленное на установление, изменение или прекращение имущественного правоотношения и в частности—на отчуждение товаров.

К этому следует добавить, однако, некоторые оговорки. Даже при системе децентрализованного хозяйства имеются налицо в целом ряде современных частно-капиталистических государств некоторые ограничения формального принципа частной автономии. Раньше мы уже о них говорили и приводили в пример договоры железнодорожного транспорта.

Для имущественных договоров частного оборота по Советскому праву эти исключения принимают уже более широкий характер. Это именно имеет место тогда, когда частный оборот входит в соприкосновение с организованным государственным хозяйством. Не только тогда, когда частный предприниматель желает отправить свой груз по государственной железной дороге, но и во многих других случаях, когда он заключает сделку с госорганом—ему приходится выполнить то, что французские юристы назвали contrat d'adhésion. Отпуск товара, открытие кредита и т. д. частному лицу производится на установленных в плановом порядке началах. Частный контрагент, противостоящий этой организованной силе, не может „торговаться“, ему остается только согласиться на предложенные условия или отказаться от совершения сделки. Положение его в этом случае оказывается совершенно сходным с положением грузохозяина, который должен или согласиться на тарифы и прочие условия железнодорожной перевозки или отправить груз гужом.

Благодаря этому имущественный оборот между частными и государственными предприятиями подвергается определенному воздействию планированного хозяйства, а вместе с тем и договоры этого *междугруппового* оборота *содержат в себе ограничение принципа договорной свободы.*

В более смягченной форме связанность воли контрагентов имеется и в обороте *между одними только частными лицами.* Приводившиеся уже ранее ст. 1 и 4 Гражд. Кодекса, превращая промысловую деятельность частного предприятия в социально-хозяйственную функцию, создают некоторую несвободу деятельности не только в отношении государственных, но также и частных предприятий. Неосновательный отказ в заключении договора может рассматриваться при известных

условиях, как невыполнение социальной функции, влекущее согласно ст. 1 Гражд. Код. отказ в правовой охране предпринимателя.

Законодатель не идет так далеко, чтобы налагать на предпринимателя обязанность заключения договоров и не определяет обязательного их содержания. Дело ограничивается лишь общей директивой, указывающей на то направление, в котором должна развиваться деятельность частного капитала, допущенного к участию в хозяйственном строительстве страны. Однако, не следует упускать из виду, что в области договорного оборота юридически возможно более прямое и непосредственное воздействие регулирующих хозорганов. Предоставленное Наркомторгу право установления предельных цен распространяется как на государственные и кооперативные, так и на частные предприятия. При этом возможное регулирование продажных цен распространяется на все стадии оборота товара, т. е. на сделки оптовые, полу-оптовые и розничные. Фактически Наркомторг далеко не использует предоставленных ему полномочий. Поэтому товарные цены частного оборота в виде общего правила являются свободными. Тем не менее следует для общей характеристики частного договорного права учитывать вышеуказанные конкретные правомочия Наркомторга и все вообще конструктивные особенности Советского имущественного строя. Поэтому *договорное право частного оборота у нас не идентично с договорной системой последовательно децентрализованного хозяйства.*

Из сказанного, конечно, не следует того, что частное предприятие в Советской системе изменило свою внутреннюю природу. Она осталась прежней, так как на нее *только извне* наложен ряд ограничений в целях подчинения ее задачам Советского строительства. Идея частной автономии составляет попрежнему основной принцип частного хозяйства. Но у нас на нее наложены бо́льшие ограничения, так как у нас частное хозяйство находится в „социалистическом окружении".

§ 8. Идея планированного хозяйства, как общий регулятор Советского договорного права.

Мы видим из всего изложенного ранее, что отдельные социально-хозяйственные группировки, на которые распадается в настоящее время Советский договорный оборот, имеют свои типы договорных отношений. Из их общей характеристики, приведенной выше, нетрудно усмотреть, что договорное право Гражданского Кодекса так, как оно выражено в его обязательственной части, не отражает договорной действительности. Даже договоры частного оборота являются в большей степени ограниченными в интересах планового хозяйства, чем это можно было бы заметить, не выходя за пределы кругозора обязательственного права Гражданского Кодекса.

Очевидно, поэтому, что договорные отношения междугруппового характера, т. е. сделки между госпредприятиями и кооперацией или частными предприятиями и т. д. не могут довольствоваться принципами обязательственного права Гражданского Кодекса. Даже если мы возьмем Гражданский Кодекс в целом, т. е. с его ст. ст. 1 и 4, то все же это недостаточно для признания его *общим правом* Советского имущественного оборота, так как он не в состоянии отразить особенностей договорной практики гособорота.

Мы видели, как особенности Советской хозяйственной системы приводят к тому, что общепринятое понятие договора в смысле волеиз'явления сторон, основанного на принципе частной автономии сторон, претерпевает существенное изменение. Элементы формальные и материальные расчленяются. Первые остаются без каких-либо существенных изменений. Между тем материальное содержание договора начинает подвергаться воздействию принципов планированного хозяйства. Планирующие органы начинают вкладывать в договорную форму содержание, независящее от контрагирующих суб'ектов.

Сложность Советской хозяйственной структуры и различия во взаимоотношениях централизованного и децентрализованного хозяйства приводят к тому, что воздействие планового начала оказывается далеко неодинаковым. Оно колеблется между полным аннулированием автономии контрагентов и, мало заметным в конкретных случаях, но чрезвычайно значительным в целом, общим воздействием на направление хозяйственной работы в сторону интересов планового хозяйства.

Общие руководящие принципы Советского имущественного оборота в целом следует искать в основных положениях планового хозяйства. При современной кон'юнктуре это последнее *ведет наступление на децентрализованное хозяйство* и его лозунги имеют решающее значение. Поэтому обобщающие начала договорного права следует искать не в нормах, заимствованных от систем часть хозяйства, но в тех общих правовых положениях, которые устанавливает практика планированного хозяйства.

Б. Мартынов.

Организационно-правовые формы регулирования товарооборота.

Регулирование товарооборота является одной из основных задач, от правильного разрешения которых зависит осуществление хозяйственной смычки города с деревней, пролетариата с крестьянством.

Как перебросить мост между работающей по плану госпромышленностью и стихийно-разрозненными, мелкими товаропроизводителями, в каких пределах допустимо регулирование обоих укладов в целях содействия их продвижению по путям социалистического строительства, в какие организационно-правовые формы должны вылиться, как регулирующие органы, так и товаропроводящая сеть, соединяющая город с деревней?

Жизнь давала различные ответы на эти вопросы, изменяющаяся экономическая основа общества видоизменяла реальное соотношение классовых сил, модифицируя и правовые институты, которые, возникнув на экономической основе, в свою очередь оказывали, по выражению Энгельса, „обратное действие“ на структуру общества.

Как развивался этот процесс?

Уже в исторических тезисах 4 апреля 1917 года Ленин указал на решающее значение хозяйственной смычки между рабочим классом и крестьянством.

VI с'езд большевиков, наметивший в августе 1917 года задачи грядущего Октября в резолюции „об экономическом положении“ наряду с другими хозяйственными директивами—национализацией банков и синдицированных предприятий, планомерным регулированием производства и распределения и установлением рабочего контроля,—провозгласил необходимость „организации правильного обмена между городом и деревней,—опирающегося на кооперативы и продовольственные комитеты в целях снабжения города необходимыми продуктами сельского хозяйства, а деревни необходимыми фабрикатами, сельско-хозяйственными орудиями, машинами и т. д.“.

Директивы с'езда начали выполняться с самых первых шагов Советской власти.

Так—26 октября 1917 года издан декрет о земле, 14 ноября 1917 года—о рабочем контроле, 14 декабря 1917 года—о национализации банков и т. д.

Пункт 1 „положения о рабочем контроле“ гласил: „в *интересах планомерного регулирования* народного хозяйства во всех промышленных, торговых и др. предприятиях вводится рабочий контроль над производством, куплей, продажей продуктов и сырых матерьялов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятий“. Далее, Положение предусматривало организацию Всероссийского Совета Рабочего Контроля, на обязанности которого, между прочим, лежало „согласование деятельности Рабочего Контроля со всеми другими учреждениями, ведущими дело организации народного хозяйства“.

Каковы же были эти „другие учреждения“?

Старые министерства—Торговли и промышленности, Продовольствия, Земледелия и Финансов, преобразованные в Народные Комиссариаты, „заведывающие отдельными отраслями государственной жизни“ и сеть различных чрезвычайных междуведомственных комиссий и совещаний (центральный продовольств. комитет, совещание по топливу, транспорту, металлу и пр.).

Организация рабочего контроля на местах создала капилярную сеть для проведения планомерного регулирования народного хозяйства, для завершения же системы необходимо было вызвать к жизни „сердце“,—об’единяющий, планирующий и регулирующий орган.

Таким органом явился Высший Совет Народного Хозяйства, созданный Положением от 5 декабря 1917 года. Согласно этому Положению на ВСНХ была возложена „организация народного хозяйства и государственных финансов“. Для выполнения этой задачи, ВСНХ, во-первых, должен был вырабатывать общие нормы и планы регулирования экономической жизни страны, и во-вторых, согласовывать и об'единять деятельность центральных и местных регулирующих органов. Таким образом при возникновении ВСНХ по возложенным на него функциям вполне соответствовал своему наименованию, и по выполняемой им роли напоминал ныне действующий СТО.

Эти две регулирующих системы—ВСНХ и рабочий контроль—
4 взяли на себя всю тяжесть организации народного хозяйства в первый период революции.

Во-первых, плановую организацию народного хозяйства, проводимую путем постепенного обобществления хозяйственных „командных высот“ и управления ими и, во-вторых, регулирование и контролирование частного капитала в тех областях, которые не поддаются государственному управлению.

Декларация прав, утвержденная III С’ездом Советов в январе 1918 года, провозгласила: „как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог и пр. средств производ-

ства и транспорта в собственность советской рабоче-крестьянской Республики, подтверждается советский закон о рабочем контроле и ВСНХ".

В дальнейшем переход средств производства и транспорта в руки Республики осуществляется последовательным рядом декретов: 14 декабря 1917 года национализируются банки, 26 января 1918 года—торговый флот, 15 февраля—зернохранилища, 20 июня—нефтяная промышленность и, наконец, 28 июня 1918 года—этот период расширения базы государственного хозяйства завершается декретом, национализирующим железнодорожный транспорт и крупнейшие промышленные предприятия всех видов.

Одновременно проводится ряд законодательных мероприятий, имеющих целью обеспечить действительное осуществление контроля над частным капиталом.

Так напр., 27 июля 1918 года издаются декреты о регистрации торговых и промышленных предприятий, о торговых книгах, о порядке перехода по частным сделкам торговых и промышленных предприятий, и одновременно организуются на местах новые регулирующие органы—губернские отделы Народного Комиссариата Торговли и Промышленности.

Однако, революционная действительность разбила намеченный план, стихийно расширив базу и ускорив образование централизованного государственного хозяйства.

На местах проявилась революционная самодеятельность, и национализация развернулась со стихийной неудержимостью, опрокинув все плановые предположения и поставив центральную власть перед совершившимися фактами.

Уже положение о ВСНХ от 8 августа 1918 года отражает создавшуюся экономическую обстановку, возлагая на ВСНХ, кроме „регулирования и организации всего производства и распределения, также и обязанность „управления всеми предприятиями Республики".

Кульминационный пункт процесса национализации промышленности достигается в постановлении ВСНХ от 29 ноября 1920 года, распространившем национализацию на все предприятия с числом рабочих свыше 5 при механическом двигателе и свыше 10—без механического двигателя.

Таким образом, после этого декрета, лишь небольшие кустарные мастерские остались в частной собственности. Государство стало единоличным собственником почти всей промышленности, монопольным распределителем почти всей городской продукции.

Задачи управления были настолько сложны и ответственны, что невольно отодвинули на второй план задачи планирования. ВСНХ, из об'единяющего и регулирующего органа, постепенно превращался в комиссариат промышленности. Централизация управления привела

к созданию главков и центров, управляющих отдельными крупными областями промышленности, на местах — создались губсовнархозы, проводящие директивы ВСНХ.

В каких же формах осуществлялась хозяйственная связь между этой централизованной и национализированной государственной про* мышленностью и сельскими товаропроизводителями, по каким артериям проникал в город хлеб и как организовывалось снабжение деревни промтоварами?

Задача должна была разрешаться в условиях хозяйственной разрухи, вызванной войной, истощенных производственных рессурсов, опустошенных полей, железной блокады, гражданских войн, подорванных средств сообщения, обесценения денег, ослабленных хозяйственных связей, т. е. в обстановке тяжелого экономического кризиса.

Еще от временного правительства Советская власть унаследовала хлебную монополию. Эта монополия после Октябрьской революции была значительно углублена: декретом от 30 ноября 1917 года об’явлена монополия на сельско-хозяйственные машины и орудия, 2 апреля 1918 года — в целях усиления хлебных заготовок, на Наркомпрод, возложена организация товарообмена, при чем самочинный обмен товаров на хлеб об’являлся уголовным преступлением, и, наконец, 9 мая 1918 г., Советская власть, подтвердив неуклонное проведение хлебной монополии и твердых цен, предоставила Народному Комиссару Продовольствия чрезвычайные полномочия по борьбе с деревенской буржуазией, укры* вающей хлебные запасы: все, имеющие излишки хлеба и невывозящие их на ссыпные пункты, об’являлись „врагами народа“.

Для проведения в жизнь об’явленной „продовольственной диктатуры“ было необходимо создать органы контроля на местах. Таковыми явились образованные по декрету 12 июня 1918 года Комитеты Деревенской Бедноты, на коих было возложено, как распределение хлеба, сельско-хозяйственных орудий и предметов первой необходимости, так и оказание содействия местным продовольственным органам в из’ятии излишков из рук кулаков.

Однако, эти меры сурового административного воздействия не дали ожидаемых результатов: в деревне по прежнему ощущался острый недостаток в промтоварах, город так же остро нуждался в хлебе.

Для преодоления создавшегося положения, сперва была об’явлена монополия на ряд товаров — спички, свечи, рис, кофе, ткани и др., а потом был издан декрет 10 августа 1918 года „об обязательном товарообмене“, который стремился регулировать товарооборот таким образом, чтобы в деревне отпуск промтоваров производился только в обмен на хлеб.

Решительный удар свободному товарообороту нанес декрет от 21 ноября 1918 года „об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства“,

возлагавший на Наркомпрод „в целях замены частно-торгового аппарата“ заготовку всех продуктов и предметов первой необходимости и организацию планомерного снабжения ими населения. Этим же декретом устанавливался порядок закрытия частных торговых предприятий, при чем губисполкомам было предоставлено право закрывать розничные магазины. К началу 1920 года сперва в Ленинграде, а потом и в других городах розничная торговля была ликвидирована.

Необходимо подчеркнуть, что экономические и политические соображения уже 9 апреля 1918 года вызвали декрет „о национализации внешней торговли“, по которому в составе Народного Комиссариата Торговли и Промышленности был учрежден Совет Внешней Торговли, проводящий „план товарообмена с заграницей“.

Централизирующий размах коснулся и кооперации: декрет от 20 марта 1919 года возложил на кооперацию выполнение государственного планового распределения по заданиям и под контролем советских органов и установил единую организацию потребительских распределителей—потребительскую коммуну, обязав каждого гражданина приписаться к одному из распредпунктов. Процесс подчинения кооперации государственному планирующему началу был завершен декретом 27 января 1920 г. „об об'единении всех видов кооперации“ в одно целое—Центросоюз.

Декретом от 7 сентября 1920 года в общий хозяйственный план была втянута и кустарная промышленность, получившая задание выполнять заказы только по нарядам Кустпрома и только через Кустпром снабжаться сырьем.

В области транспорта была уничтожена платность и свобода перевозок, которые проводились исключительно по плановым нарядам. Благодаря этому в руках государства оказался мощный проводник хозяйственной связи, внеплановое же продвижение нормированных товаров пресекалось заградительными отрядами.

Вся экономическая основа общества круто изменилась. На одном из с'ездов совнархозов Нарком Финансов заявил: „Финансам в социалистическом обществе существовать не полагается, а потому прошу извинить меня и за существование финансов и за мое собственное выступление“. Обесцененные деньги сами себя изживали; рядом декретов были установлены, как бесплатность продовольствия и предметов первой необходимости, так и оказываемых государством услуг; в конце 1920 года заседала междуведомственная комиссия, вырабатывавшая небывалый в истории безденежный бюджет; экономисты составляли проекты замены денег новой трудовой единицей.

Централизирующее начало проникало во все мельчайшие поры страны: взяв на себя „всенародное питание“, власть требовала от населения „всенародного труда“, вводя обязательную трудовую повинность.

Частно-правовые отношения исчезли.

С'езд советских юристов, собравшихся в 1920 году, мог найти чуть-ли не единственное частно-правовое отношение — наем пастуха в деревне.

Централизация производства и распределения убила свободный товарооборот, и отняла у Комиссариата Торговли и Промышленности все его основные функции, кроме функций „товарообмена с заграницей". Поэтому декретом от 11 июня 1920 года этот комиссариат был переименован в Народный Комиссариат Внешней Торговли; вместе с тем было установлено монопольное право НКВТ на ведение внешней торговли.

В специальном органе, регулирующем внутреннюю торговлю, никакой надобности, очевидно, не было. Но нужно было заполнить пробел, образовавшийся в системе регулирующих хозяйство органов, в связи с изменением функций ВСНХ, особенно в виду постановления IX с'езда Партии о „неуклонном проведении единого хозяйственного плана".

Этот пробел был призван восполнить Совет Труда и Обороны.

Возникнув 30 ноября 1918 года, как орган об'единяющий деятельность военных и других ведомств, в целях наиболее успешной обороны Республики, об'явленной 2 сентября 1918 года „вооруженным лагерем", Совет Рабочей и Крестьянской обороны в апреле 1920 года, в виду перехода к мирному хозяйственному строительству, был преобразован в Совет Обороны и Труда, а затем в Совет Труда и Обороны. VIII с'езд Советов 23 декабря 1920 г. принял положение о СТО, согласно которому СТО, действуя в качестве комиссии Совнаркома, имеет задачей „согласование и усиление деятельности ведомств в области обеспечения обороны страны и хозяйственного строительства", а также „установление хозяйственного единого плана и направление работ экономических наркоматов согласно этому плану".

Организация СТО, призванного планировать народное хозяйство и регулировать проведение в жизнь намеченного плана организационно завершает рассматриваемый период.

Процесс централизации, как мы видели, в области промышленности шел от рабочего контроля над производством к поголовной национализации промышленности и организации планового государственного снабжения и распределения, в области же сельского хозяйства от контроля над распределением через продразверстку к регулированию производства, и должен был завершиться созданием единого посевного плана и плана севооборота, проводимого посевкомами, как это было намечено декретом, принятым VIII с'ездом Советов 29 декабря 1920 года.

„Военный коммунизм был вынужден войной и раззореньем. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролета-

риата политикой. Он был временной мерой. Правильной политикой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелко-крестьянской стране, является *обмен* хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянству".

Так намечена Лениным,—в брошюре о „продовольственном налоге",—основа *новой экономической политики.*

Программу НЭП'а наметил IX с'езд партии в постановлении: „о замене разверстки натуральным налогом". В этом постановлении было указано, что продразверстка заменяется натуральным налогом „для обеспечения правильного и спокойного ведения хозяйства на основе более свободного распоряжения земледельцами своими хозяйственными рессурсами и для укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности". В постановлении предусматривалось, что все излишки, остающиеся после выполнения налога, могут быть использованы для обмена на промтовары, с тем однако, что обмен может быть допущен только в пределах местного хозяйственного оборота. Таким образом, первоначально намечалось, что хозяйственная смычка города с деревней будет осуществляться преимущественно путем централизованных заготовок, свободный же товарообмен допускался лишь в пределах местного оборота.

Во исполнение указанных директив, 15 марта 1921 года состоялось постановление президиума ВЦИК'а „о замене разверстки натуральным налогом", а 23 марта был опубликован соответствующий декрет.

Размер налога на ближайший год определялся в 240 миллионов пудов, тогда как по продразверстке подлежало из'ятию 423 миллиона пудов и, следовательно, оставался значительный фонд для развития товарооборота.

Майская конференция РКП (б) подтвердила, что „основным рычагом нашей экономической политики признается товарообмен". „Правильное взаимоотношение между пролетариатом и крестьянством... невозможно без установления систематического товарообмена или продуктообмена между промышленностью и земледелием". С этого времени пределы товарооборота начинают постепенно расширяться. Декретом от 24 мая 1921 года были разрешены обмен, покупка и продажа продуктов, остающихся у населения после выполнения натурального налога, продукция же государственной промышленности поступала в „товарообменный фонд" для производства товарообменных операций; 19 июля 1921 года было разрешено производить свободную продажу и обмен, при чем, однако, первоначально порядок открытия торговых заведений был разрешительный. В дальнейшем, стихийное развитие процесса привело к отмене первоначальных стеснительных и ограничительных условий: начав с местного оборота, рынок сельскохозяйственных продуктов расширился до всесоюзного масштаба; товарообменные операции со стеснительным обязательным эквивалентом

отжили и заменились товароденежными сделками; разрешительная система на производство торговых операций заменилась простой выборкой патента. Отменена была и государственная монополия на сырье.

По мере того, как продукция сельского хозяйства становилась товаром, острее ощущалась необходимость в увеличении оборота промтоваров.

Еще в марте 1921 года Ленин говорил: „что за свобода оборота, ежели нечего оборачивать, и что за свобода торговли, ежели нечем торговать“.

НЭП, изменив экономическую основу сельского хозяйства, должен был перекинуться в промышленность.

Первым шагом в этом направлении был декрет от 17 мая 1921 года „о руководящих указаниях органов власти в отношении мелкой и кустарной промышленности“, согласно которому отменялись наряды Кустпрома и предоставлялась для мелкой и кустарной промышленности свобода заготовок, производства и сбыта; этим была пробита первая брешь—в одну из отраслей промышленности ворвался свободный товарооборот. Декрет от 5 июля 1921 года „об аренде предприятий“ наметил и организационные формы для дальнейшего расширения мелкой промышленности.

Осенью 1921 года НЭП проявился уже и в крупной промышленности.

Вехи были намечены наказом Совнаркома „о проведении в жизнь начал новой экономической политики“ от 9 августа 1921 года и постановлением СТО „о мерах по восстановлению крупной промышленности“ от 12 августа 1921 года. Согласно этим постановлениям託 госпромышленные предприятия, оставаясь в общем на плановом снабжении и выполняя наряды центра, получают право „для пополнения недостающих рессурсов“ производить самостоятельные заготовки за счет обмена своей продукции. Итак, продукция госпредприятий стала товаром пока только частично, но, как и в сельском хозяйстве, процесс на этом не остановился. Работа госпредприятий по нарядам постепенно все более и далее сокращалась и, наконец, сделалась исключением; госпромышленность начала закупать все необходимые для производства предметы на вольном рынке и также свободно продавать свою продукцию. Вместе с тем, госпредприятия переводятся на начала хозяйственного расчета, и в новых организационных формах начинают работать как коммерческие предприятия,—так создается трестирование. (Первый устав треста был утвержден президиумом ВСНХ 1 октября 1921 года).

Снова меняется экономическая обстановка: разрушается централизованная система снабжения, отменяются пайки, продукты питания и первой необходимости становятся товарами, государственный бюджет, который к началу 1921 года чуть было не сделался безденежным,

становится „сугубо денежным“ и властно требует равновесия: увеличения доходов и уменьшения расходов. 5 августа 1921 года восстанавливается принцип платности, железнодорожный транспорт раскрепощается, плановые наряды исчезают, налоги, взимание которых 3 февраля 1921 года было приостановлено, с июля 1921 года постепенно восстанавливаются, трудовая повинность заменяется трудовым договором, проблема урегулирования денежного рынка выдвигается на первый план: в октябре 1921 года учреждается Госбанк. Экономика страны становится на новые рельсы, новые экономические отношения требуют правового оформления. Декрет от 22 мая 1922 года „об основных имущественных правах“ делает первый шаг в этом направлении.

Период ликвидации „военного коммунизма“ закончился в 1922 году, но уже IX-й с'езд Советов, заседавший в конце 1921 года, в резолюции „о новой экономической политике“ констатировал, что правильность НЭП'а вполне подтверждена „намечающимся оживлением хозяйственного оборота“, и подчеркнул, что характерными чертами нового периода являются: 1) образование внутреннего рынка и 2) развитие денежного обмена.

IX с'езд Советов указал, что рабоче-крестьянская власть должна взять в свои руки регулирование рынка и денежного обращения путем систематических, основанных на точном учете процессов рынка, экономических мероприятий.

На какие же органы возложены эти задания?

Хозяйственным главным штабом остается СТО, местными органами которого являются ЭКОСО, призванные согласовывать деятельность местных органов экономических наркоматов. При СТО действует общеплановая комиссия, предусмотренная декретом от 17 марта 1921 года. Эти органы планируют и регулируют все народное хозяйство.

Регулирование промышленности выполняется ВСНХ, который об'единяет работу переведенных на хозяйственный расчет трестированных государственных предприятий, управляемых децентрализованно.

Регулирование финансов, путей сообщения и внешней торговли осуществляется соответствующими наркоматами.

В этой системе регулирующих органов еще пока нет органа, регулирующего рынок, но рост товарооборота и его все увеличивающееся значение в общей системе хозяйства, приводят к его созданию.

Уже 6 октября 1921 г. президиум ВСНХ пришел к выводу о необходимости регулирования торговых операций, при чем, однако, высказался против создания отдельного органа регулирования, считая достаточным создание такового в составе ВСНХ. Однако, законодательство пошло другим путем, и задача регулирования торговли была

возложена на „комиссию по внутренней торговле", образованную по положению, утвержденному 9 мая 1922 года.

В августе 1922 года постановлением СТО были учреждены товарные биржи, имеющие своей задачей выявлять отношение спроса и предложения, облегчать и упорядочивать товарообмен и связанные с ним торговые операции. Возложив на биржи обязанность регистрировать и внебиржевые торговые сделки госпредприятий, законодательная власть использовала биржу, как орган учитывающий товарооборот и способствующий регулированию.

Заседавший в апреле 1923 года XII с'езд РКП(б) мог отметить, что „первые признаки начинающегося хозяйственного возрождения страны—налицо". Вместе с тем, с'езд подчеркнул начавшееся с августа 1922 года резкое расхождение цен между сельско-хозяйственной и промышленной продукцией („ножницы") и указал, что для борьбы с этим угрожающим явлением необходимо *расширить рамки рынка* и *правильно организовать сбыт*. Далее, с'езд определенно указал на кооперацию, как на основного посредника между госпромышленностью и сельским хозяйством. В связи с увеличением товарооборота, с'езд признал необходимым заменить в деревне натуральный налог денежным и предрешил введение единого сельско-хозяйственного налога. Намечая все указанные мероприятия, он подчеркнул крайнюю важность об'единяющего плана и этим придал особое значение Госплану.

В мае 1924 года XIII с'езд РКП (б) „с удовлетворением констатировал, что дело оформления Союза ССР с успехом закончено".

С'езд признал, что разрешение проблемы смычки города с деревней тесно связано с правильной национальной политикой.

Уже в декларации об образовании СССР признано, что восстановление народного хозяйства оказалось невозможным при раздельном существовании республик и, что об'единение Советских республик в одно союзное государство должно обеспечить, между прочим, и внутреннее хозяйственное преуспеяние этих республик.

В конституции СССР установлено, что к ведению верховных органов Союза в области народного хозяйства относится: установление основ и общего плана всего народного хозяйства Союза, определение отраслей промышленности и отдельных предприятий, имеющих общесоюзное значение, руководство внешней торговлей и заключение концессионных договоров, установление системы внутренней торговли, единой денежной и кредитной системы, утверждение единого государственного бюджета, руководство транспортным делом и установление общих начал землеустройства и землепользования.

Во исполнение требований конституции СССР, 21 августа 1923 года опубликовано „Положение о СТО СССР, согласно коему на СТО возлагается осуществление хозяйственно-финансового плана СССР и ру-

ководство наркоматами в области хозяйственных мероприятий и мероприятий по обороне. При СТО действует Государственная Плановая Комиссия, которая в своей работе по разработке единого перспективного плана государственного хозяйства опирается на плановые комиссии союзных республик.

Регулирование отдельных отраслей народного хозяйства осуществляется отдельными наркоматами, при чем по положению 12/XI—23 года Наркомвнешторг и Наркомпуть являются общесоюзными, — едиными для всего СССР—наркоматами и имеют при союзных республиках своих уполномоченных, а ВСНХ и Наркомфин — об'единенными наркоматами, при чем органами осуществляющими их задания на территории союзных республик, являются одноименные народные комиссариаты этих республик.

Участие иностранного капитала в торговом обороте СССР регулируется Главконцескомом при СНК СССР (декрет от 21/VIII-23 года).

Регулирующими органами союзных республик являются Экосо и соответствующие Наркоматы.

Выше было отмечено, что XII с'езд РКП (б) указал на „ножницы", как на явление, подрывающее правильное развитие товарооборота.

В сентябре 1923 года расхождение цен достигло высшего предела, цены на промтовары в два раза превысили довоенные, цены же на сельско-хозяйственные продукты равнялись лишь половине довоенных. „Ножницы" были одним из первых серьезных испытаний, на котором возможность регулирования товарооборота в стране мелких товаропроизводителей вполне подтвердилась. Регулирующие меры— увеличение вывоза хлеба за-границу, уменьшение накладных расходов, снижение цен на промтовары, расширение для крестьян кредита дали благоприятные результаты: раствор „ножниц" постепенно стал уменьшаться.

XIII партконференция, собравшаяся в январе 1924 года, подвела итог создавшейся экономической обстановке: „возникшие в борьбе за обладание рынком и установление единых цен синдикаты явились непосредственными проводниками этой политики высоких цен. Эта политика являлась несомненным результатом использования монопольной организации отдельных отраслей промышленности, при недостаточном развитии регулирующих органов". Далее, партконференция указала, что, в дальнейшем, необходимо: „в гораздо большей степени согласовывать политику цен с главнейшим крестьянским рынком и темп развития промышленности согласовывать строже, чем до сих пор, с общим ходом расширения емкости крестьянского рынка".

Начатая кампания по снижению цен первоначально оказала сдерживающее влияние на товарооборот, при чем обнаружилось резкое расхождение оптовых и розничных цен, чрезмерно высокие надбавки

в розничной торговле к оптовым ценам сводили на нет значение для товарооборота снижения отпускных цен.

В связи с указанным положением возник вопрос о необходимости принять меры к урегулированию розничной торговли. Этот вопрос был предметом обсуждения апрельского пленума ЦК РКП (1924 г.), признавшего желательность расширения кооперативно-розничной торговли и допустимость госрозницы в тех областях, где кооперативная торговля еще недостаточно развита; вместе с тем пленум указал, что кооперативная и государственная розничная торговля должна отпускать товары по регулированным ценам.

Состоявшийся в мае 1924 года XIII С'езд РКП вновь вплотную подошел к укреплению смычки между городом и деревней, указав, что для этого необходимо наладить торговую связь города с деревней путем улучшения аппаратов госпромышленности и госторговли, развития кооперации в деревне, снижения цен на товары, улучшения качества продукции и предоставления крестьянству льготного кредита.

Выдвинув, таким образом, задачи регулирования товарооборота на первый план, С'езд отметил необходимость создания особого наркомата внутренней торговли.

9 мая 1924 года было утверждено положение об об'единенном Наркомвнуторге.

К предметам ведения Наркомвнуторга, между прочим, относятся: составление общего перспективного плана развертывания внутреннего торгового оборота СССР и согласования его через Госплан с общим планом народного хозяйства СССР, регулирование внутреннего торгового оборота, разработка мероприятий, содействующих развитию и организации внутреннего рынка с обеспечением преобладающего влияния государственной и кооперативной торговли в торговом обороте, разработка вопросов рационализации и организации внутренней торговли, руководство состоящими в его ведении предприятиями и общее руководство торговой политикой госпредприятий, не находящихся в его ведении, общее руководство всеми учреждениями, способствующими развитию внутреннего торгового оборота, установление и регулирование оптовых и розничных цен на некоторые товары разработка общесоюзного законодательства по внутренней торговле и т. д.

Новый комиссариат, продолжая политику своего предшественника, регулировал товарооборот и предохранял „ножницы“ от нового расхождения, подрывающего материальную основу смычки города с деревней.

Твердая валюта и сжатие „ножниц“ создали базу для повышения покупательской способности деревни и этим расширили возможность дальнейшего развертывания госпромышленности и госторговли. 1924 год был годом признания de-jure СССР рядом крупных капита-

листических держав. Это признание не могло не отразиться на углублении торговых связей с мировым хозяйством. Втягиваемое в мировое хозяйство советское народное хозяйство должно было теснее сомкнуть свои ряды, *хозяйственно* укрепить смычку города с деревней—лозунг „лицом к деревне“ явился ярким выразителем задачи момента.

Вся хозяйственная обстановка властно диктовала необходимость дальнейшего вовлечения деревни в народное хозяйство страны, развертывания НЭП‘а в деревне.

Основные директивы в связи с новой экономической полосой формулированы XIV партконференцией летом 1925 года: для развития производительных сил деревни необходимо изжить остатки военного коммунизма, отбросить методы административного руководства, упорядочить землепользование и землеустройство, рационализировать взимание налогов, создать стимулы для „накопления“. Параллельно с развитием НЭП‘а в деревне, необходимо развивать промышленность, поставив вопрос о расширении ее основного капитала. Наконец, вновь подчеркнуто значение кооперации, как основного посредника между госпромышленностью и деревней.

1925 год вызвал новые хозяйственные затруднения и вновь поставил проблему наиболее рационального регулирования оборота. Как мы видели выше, „ножницы“ были сдвинуты отчасти экспортом хлеба. Хороший урожай 1925 года сделал экспорт хлеба нерентабельным и отразился на с‘ужении намеченного экспортного плана. С‘ужение экспорта отразилось на с‘ужении импорта, в частности импорта оборудования и замедлило дальнейшее развертывание промышленности. Кроме того, при реализации урожая были допущены организационные ошибки.

18 ноября 1925 года постановлением ЦИК и Совнаркома СССР организационные формы регулирования товарооборота претерпели коренное изменение—образован новый наркомат торговли „Наркомторг“, путем слияния Наркомвнешторга и Наркомвнуторга.

Эта реорганизация вызвана развитием народного хозяйства, обусловившего рост, как внутренней, так и внешней торговли и потребовавшего *единства регулирования товарооборота.*

Вопросы товарооборота заняли видное место в резолюциях и XIV с‘езда РКП.

С‘езд, подчеркнув необходимость обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, для чего необходимо держать курс на индустриализацию страны, образовывать резервы для экономического маневрирования, развертывать промышленность и толкать вперед сельское хозяйство, вновь указал на *необходимость способствовать росту товарооборота*, увеличивая скорость его, использовывая все рессурсы, соблюдая строжайшую экономию и следя, при разворачивании про-

мышленности, за строгим соответствием этого развития с емкостью рынка.

„Только этим путем может быть достигнута поставленная во главу угла задача всемерного обеспечения победы социалистических хозяйственных форм над частным капиталом, укрепления монополии внешней торговли, роста социалистической госпромышленности и вовлечения, под ее руководством и при помощи кооперации, все большей массы крестьянских хозяйств в русло социалистического строительства".

Таковы намеченные с'ездом экономические задачи данного периода.

Дальнейшую конкретизацию задач в области регулирования товарооборота можно почерпнуть из приказа по Наркомторгу от 6 февр. 1926 года. В этом приказе указано, что ближайшей задачей Наркомторга является регулирование экономических отношений между городом и деревней с одной стороны и отношений СССР с международным рынком с другой стороны, а так как от правильного разрешения этих задач в значительной мере зависит укрепление смычки рабочих и крестьян, а также ход и темп социалистического строительства, то Наркомторг, по словам приказа, создавая единый аппарат руководства всем товарооборотом страны, и облегчая этим направление его по социалистическому руслу, является одним из важнейших орудий социалистического строительства.

Ближайшими и основными задачами Наркомторга в области регулирования внутреннего товарооборота являются: организация рынка для выполнения плана заготовок хлеба и сырья, политика цен, как в области сельского хозяйства, так и в области промышленности, в частности, борьба за приведение розничных цен на промтовары в соответствие с оптовыми ценами промышленности, обеспечение правильного распределения товарных масс, улучшение и рационализация всего торгового аппарата страны и, наконец, содействие кооперации, улучшение ее организации для превращения кооперации действительно в образцовый аппарат обслуживания товарооборота.

Задача планирования и регулирования Союзного народного хозяйства в целях неуклонного его продвижения к социалистическому строю в условиях, с одной стороны, капиталистического окружения, а с другой—стихийной разрозненности деревенских товаропроизводителей—задача гигантская.

Организационно - правовые формы при таких сложных условиях не находятся сразу, а выковываются в процессе борьбы, срывов и достижений.

Мы проследили постепенное развитие основных работающих органов в области планирования и регулирования народного хозяйства Союза и в регулировании товарооборота.

Однако, не надо забывать, что „командные высоты“ народного хозяйства требуют не только планирования и регулирования, но и непосредственного управления.

Найденные в процессе развития принципы „централизации регулирования при децентрализации управления“, нашедшие наиболее яркое правовое оформление в декрете от 10 апреля 1923 года „о трестах“, требуют дальнейшего развития, уточнения и углубления.

Проблема организации товаро-проводящей сети, проблема наиболее рациональной организации непосредственно торгующих госпредприятий и увязка их деятельности с кооперацией, выдвигается на первый план. Практически, вопрос сводится к тому, как продвинуть товар от вырабатывающего его промышленного заведения до потребителя, не увеличивая, без крайней необходимости, количества посредствующих звеньев, удорожающих товар и, в то же время сохранить регулирование рынка при помощи не только центральных регулирующих органов, но и щупальцев на местах, выполняющих в повседневной оперативной работе общие директивы.

Организационный разнобой в этом отношении еще не изжит. Сложная система самостоятельно торгующих заведений, трестов, синдикатов [1]), торгов, акционерных обществ, должна быть по возможности об‘единена и рационализирована.

Этой задаче безусловно поможет новый закон о торговой регистрации, которая выявит все торгующие предприятия и оформит их с организационно-правовой точки зрения. Большую пользу в этом направлении сможет принести вновь образованный совет синдикатов, который поможет сглаживать неизбежные трения, возникающие в повседневной работе синдикатов и торгов. Надо только пожелать, чтобы структура синдикатов и торгов получила скорейшее правовое оформление. Можно также ожидать ценных результатов от работы, недавно образованной „паритетной комиссии президиума ВСНХ СССР и правления Центросоюза“, ставящей себе целью установление „единого фронта“ в деле „проведения в жизнь планового строительства народного хозяйства и овладение стихией рыночных отношений“. Стремясь к оздоровлению товарооборота, эта комиссия своими ближайшими задачами считает: 1) безболезненную ликвидацию трений и конфликтов, вызываемых заключением и выполнением договоров и 2) нормализацию взаимоотношений на почве согласования планов реализации продукции госпромышленности с нуждами кооперации

---

[1]) Большое значение может иметь принципиальное решение совещания ревизионных комиссий ВСНХ СССР о целесообразности передать все торговые функции синдикатам в тех отраслях промышленности, где они имеются. (Торг.-Пр. Газета, 9 марта 1926 г., № 56).

(Циркуляр ВСНХ и Центросоюза; Торгово-Пром. Газета от 13 февраля 1926 года).

Неуклонное проведение директив XIV с‘езда, строгий режим экономии, поднятие производительности труда, улучшение качества изделий, рационализация товаро-проводящей сети, кооперирование деревенских масс,—все это вместе является необходимыми предпосылками для укрепления товарооборота. Не административный нажим, а только постепенное увеличение и укрепление товарооборота и осторожное регулирование всей системы народного хозяйства в гибких организационных формах могут создать действительную хозяйственную смычку между пролетариатом и крестьянством.

Ю. Б. Кричевский.

Право удержания и зачета в банковской практике СССР.

I.

Банковское право удержания и зачета является наиболее ярким примером тех трудностей, которые возникают в судебной и хозяйственной практике на почве неполноты хозяйственного законодательства СССР и несоответствия общегражданских норм специальным условиям банкового оборота. Правила банков по учетно-ссудным и товарно-комиссионным операциям резервируют за ними право обратить в покрытие задолженности клиента *по любой из* совершаемых им в банке операций все ценности клиента, находящиеся *по какому бы то ни было основанию* во владении или распоряжении банка. Указанное право банка распространяется как на *заложенные* товары и ценности— в обеспечение *всех* требований банка к клиенту, а не только требований по онкольному счету или ссуде, так и на ценности и товары, поступившие в банк *независимо от залоговых операций*—также в отношении всех, в том числе и обеспеченных *специальным* залогом, претензий.

При всем разнообразии формул, даваемых правилами отдельных банков, они могут быть сведены к двум основным редакциям. Образцом одной из них может служить § 9 типового договора по целевым подтоварным кредитам, приложенного к циркуляру Гос. Банка от 24/XI 1924 г., № 3: „*Все ценности*, как-то: текущие счета, векселя, товары и пр., принадлежащие клиенту и находящиеся по какому-бы то ни было основанию в учреждениях Гос. Банка, а также заложенные Гос. Банку товары, где-бы они ни находились, *обеспечивают кредит* и могут быть обращены на покрытие задолженности клиента распоряжением Гос. Банка *без особого на то постановления судебных органов*" [1]).

---

[1]) Ту же формулу повторяет § 6 типового договора по целевым вексельным кредитам („Вестник Финансов", 1924 г., № 22/112). Ср. прим. к § 11 правил по специальным текущим счетам под процентные бумаги, разосланных Правлением Гос. Банка к руководству филиалов при циркуляре от 24/XI 1925 г., № 34: „Все суммы, товары и ценности, принадлежащие клиенту и находящиеся в учреждениях Гос. Банка по какому бы то ни было основанию, *обеспечивают* кредит по онкольному счету, открытому на основании сих правил" („Вестник Финансов", 1925 г., № 24/206).

Иначе говоря, правила Гос. Банка применяют в интересующем нас случае тот же термин „обеспечение“, который они применяют и к самому залогу товаров (ср. § 6: „Обеспечением по настоящему кредиту является товар...“).

Аналогичную формулу дает § 4 правил Всекобанка о подтоварных ссудах: „В случае, если банк не выручит сполна от продажи заложенных товаров причитающиеся ему деньги..., то заемщик отвечает перед банком всем своим остальным имуществом..., при чем, если в обладании банка окажется *иное, кроме заложенного, имущество* заемщика, то оно считается *обеспечивающим и настоящую ссуду*. Равным образом, *заложенные* по заявлению заемщика *товары* в силу настоящего обязательства служат для банка *обеспечением по всем могущим оказаться долгам заемщика банку*“ (ср. § 7 типового обязательства клиентов Промбанка по подтоварным ссудам, § 11 типового обязательства клиентов Промбанка по спец. тек. счету под товары и товарные документы, § 7 правил Промбанка по покупке и продаже товаров).

Иначе формулируют то же право банка правила Внешторгбанка по специальным текущим счетам: при неуплате долга банку, сверх права реализации представленных в залог товаров и ценностей, „предоставляется право впредь до окончательного погашения долга по специальному счету *удерживать* всякие находящиеся в банке по каким бы то ни было основаниям суммы и ценности заемщика и обращать таковые на погашение долга по специальному счету“ (§ 7; ср. § 14 устава Внешторгбанка). И далее: „если заемщик“, кроме долга по онколю, „состоит должным банку по каким-бы то ни было другим операциям и основаниям, то по полном погашении долга по специальному счету, банку предоставляется *право удержать и зачесть* как остаток денег, так и ценностей, обеспечивающих специальный текущий счет, до полного погашения всякого долга заемщика банку“ (§ 16; ср. § 11 устава Внешторгбанка) [1]). Равным образом, и § 11 правил Промбанка по специальным текущим счетам, обеспеченным векселями и долговыми обязательствами, предоставляет банку, в случае неисправности клиента, „право до окончания реализации обеспечения счета *удерживать всякие* находящиеся у него *суммы и ценности* собственника счета для обращения таковых на погашение... долга“,-§ 13 тех же правил—„право обратить *как остаток денег* по сему счету, *так и обеспечение* таковогo, на полное погашение всякого иного долга собственника счета банку“ (ср. §§ 12 и 13 правил Всекобанка о специальных текущих счетах под товары).

Таким образом, речь идет уже не об „обеспечении“, а об „удержании“ или „удержании“ и „зачете“. И если одни банки (Гос. Банк,

---

[1]) Ср. § 6 типового обязательства клиентов Внешторгбанка по срочным ссудам под товары и др. ценности.

Внешторгбанк, Всекобанк) ограничиваются применением одной из указанных формулировок, то другие (Промбанк) охотно пользуются то той, то другой x)-

Прежде чем перейти к юридическому анализу резервируемых за банками прав, нужно подчеркнуть *полное тождество нх социально-хозяйственного назначения.* Как бы ни конструировать эти права, все они имеют своей целью создать для банка дополнительную (сверх обычной—по их залоговым операциям) гарантию обеспеченности и ликвидности банковских активов. Эта гарантия заключается в возможности быстрого—без обращения к суду—и преимущественного перед другими кредиторами покрытия всех претензий банка к неисправному клиенту. Правовых средств к такому покрытию может быть несколько. Простейшее из них—*зачет,* применимый, однако, лишь при условии *однородности* встречных требований той и другой стороны (ст. 129 п. „6“ ГК). Поскольку претензии банка, за редким исключением, носят *денежный* характер, он может осуществить свое право зачета лишь по отношению *к денежным суммам,,* находящимся на текущем счету клиента или причитающимся последнему от банка по какому-либо другому основанию. Из известных нам банковских правил лишь правила Внешторгбанка и Промбанка специально упоминают о зачете (ср. § 16 правил Внешторгбанка по специальным текущим счетам и § 6 правил Промбанка по учету векселей). Не подлежит, однако, никакому сомнению, что тот же зачет имеют в виду не только правила, говорящие об „удержании“ сумм неисправного клиента (ср. § 11 правил Промбанка о спец. тек. счетах под векселя), но и §§ 9 или 6 цитированных выше типовых договоров Гос. Банка—с их оговоркой о *„текущих счетах*“ (не специальных, а простых), „обеспечивающих“ открытый клиенту целевой кредит под товары и подлежащих обращению „на покрытие задолженности клиента без особого на то постановления судебных органов“ (о пределах применения зачета—см. ниже). Но по отношению *к товарам, процентным, бумагам и иным ценностям,* банк может достичь того же эффекта лишь на основании *залогового права* или *Нрава удержании* (jus retenlionis). Цитированные формулы Гос. Банка и других банков об „обеспечении“, казалось-бы, должны быть отнесены прежде всего, к залоговому праву, как институту, уже известному советскому законодательству, а не к праву удержания, которое до настоящего

’) Правила советских, банков почти текстуально воспроизводят соответствующие правила до-революционных банков (ср. §§ 3 и 8 Петроградского Частного Банка о спец. тек. счетах под %% бумаги, § 4 таковых же правил Московского Частного Банка, § 4 правил Русско-Французского Банка о ссудах под товарные документы). Как и современные банковские правила, одни из них пользуются термином „обеспечение“, другие же говорят о праве удержания и зачете. Примером наиболее развернутой и юридически точной формулы о праве удержания и зачета может служить § IÜ правил Петроградского Банка о спец. тек. счетах, обеспеченных векселями; ср. § 2 типового обязательства клиентов Русско-Французского Банка по спец. тек. счету под %% бумаги.

времени получило признание лишь в очень ограниченных пределах и, строго говоря, не в виде подлинного права удержания, а в виде зачета (ср. ст. 8 прим. декрета СНК от 2/I 1923 г. о коммивояжерах гос. предприятий и ст. 275[19] ГК УССР—в редакции декрета ВУЦИК и СНК УССР от 16/XII 1925 г. о договоре комиссии).

Германские банки, располагающие широким правом удержания в силу §§ 369—372 HGB (das kaufmännische Zurückbehaltungsrecht) предпочитают—по причинам, которых мы коснемся ниже,—включать в свои соглашения с клиентами *особую оговорку о залоговом праве* на все ценности клиента, которые могут оказаться во владении банка (Pfandrechtsklausel). При этом германские юристы считают вполне достаточной ту „определенность" или „определимость" возможных об'ектов залогового права, которая создается формулой: „вещи и ценности, которые в процессе деловых отношений поступят во владение банка [1]). С точки зрения сов. законодательства действительность подобного соглашения вызывает, однако, серьезные сомнения. Необходимым условием возникновения договорного залогового права является „индивидуализация" закладываемого имущества (ст. ст. 91 и 92 ГК). В применении к банковскому залогу та же ст. 92 ГК идет на некоторое расширение способов „индивидуализации", допуская из'ятие для кредитных учреждений из общей нормы об оставлении у должника заложенного имущества (родовых вещей) лишь под замком и печатью кредитора. Тем самым закон открывает возможность залога товара с оставлением его на ответственном хранении банка, в частности, залога товара „в обороте" или „в переработке" [2]). Но и при указанных формах залога производится своего рода „индивидуализация" заложенного имущества путем точного описания и оценки его в реестре, прилагаемом к обязательству клиента [3]).

---

[1]) *Neustätter*, Kontokorrent—Bedingungen der Banken, 1921, S. 49—58; ср. *Rozumek*, Das Kreditgeschäft im Bankbetriebe, 1923, S. 205—206.

[2]) Верхсуд УССР отказался признать за Гос. Банком и „Украiнбанком" право на прием в залог „товаров в обороте", так как при этой форме залога отсутствует, по мнению Верхсуда УССР, предписанная ст. ст. 91 и 93 ГК „индивидуализация" заложенных товаров (определение ГКК от 11/VII 1925 г.—ВСЮ, 1925 г., № 17, стр. 680—683). На более правильную точку зрения стал Верхсуд РСФСР, признавший в определении и от 12/X 1925 г., что „при развивающемся обороте этот вид залога товаров вполне допустим" („Судебно-Арбитражный Бюллетень КТА", 4/II 1926 г. № 3). Ближайший анализ этой интересной проблемы выходит за рамки настоящей статьи.

[3]) Цивильно-правовой эффект подобной „индивидуализации" будет отличаться от эффекта нормальной „индивидуализации" тем, что при отсутствии печати и замка банка или каких-либо отметок на заложенных в банке товарах (напр., на сложенных в лесу штабелях экспортного леса) сужается возможность противопоставить залоговое право банка третьему добросовестному приобретателю заложенного товара (ст. 98 ГК) или последующему добросовестному залогодержателю. Лишь Гос. Банк и банки, приравненные к гос. учреждениям, могут противопоставить свое залоговое право и добросовестному приобретателю оставленных на ответственном хранении должника товаров—

Мы думаем, что здесь лежит предел „индивидуализации“ и что вне специальных из'ятий из общегражданского закона нельзя признать силы договора о залоге за общей оговоркой об „обеспечении“ *всех*—настоящих и будущих—требований банка *всеми*—настоящими и будущими—ценностями клиента, которые *по какому-либо основанию* могут поступить во владение банка. Ссылка на „текучесть“ залогового обеспечения по специальному текущему счету (on call) не может служить аргументом к расширению залогового права за указанные выше пределы. Правда, и там и тут имеется общее соглашение о залоговом праве на имеющие поступить во владение банка ценности—в обеспечение его будущих требований к клиенту. Но *при онколе*: 1) каждый об'ект поступает во владение банка в силу *специально* выраженной воли сторон, направленной *именно на установление залогового права* банка на *данный* об'ект; 2) происходит необходимая *„индивидуализация“ каждого об'екта* обеспечения—даже в случае оставления его на ответственном хранении должника—путем его точной описи в реестре и оценки; 3) залоговое право устанавливается *исключительно в обеспечение заемных обязательств* клиента, *возникающих в пределах специального текущего счета*. В своей совокупности эти моменты создают достаточно резкое отличие договора о специальном текущем счете от общей оговорки „об обеспечении“ типа германской Pfandrechtsklausel.

Банковские правила—ни сами по себе (как акты автономного правотворчества), ни в качестве подписанных клиентами обязательств или договоров с банками—подобных из'ятий устанавливать не могут, ибо расширение залоговых прав банков затрагивает не только интересы банков и клиентов, но и интересы кредиторов последних и всего *вещно-правового оборота в целом*. Некоторые сомнения могли бы возникнуть лишь в отношении Гос. Банка, важнейшие операционные правила которого утверждаются НКФ СССР (ст. ст. 29 и 36 Положения о Гос. Банке), и в отношении тех банков, которые в подтверждение своих прав могут сослаться не только на операционные правила, но и на соответствующие постановления своих *уставов*. Вопреки высказанному в литературе мнению о „правотворческой силе“ утвержденных НКФ СССР операционных правил Гос. Банка [1]), мы думаем, что утверждение таковых НКФ СССР *не придает им силы специального закона*, отменяющего в отношении Гос. Банка действие общих норм Гражд. Кодекса. Для подобной диспенсации существует определенный порядок, одним из примеров которого может служить утверждение из'ятий

---

resp. последующему добросовестному залогодержателю их. Только по отношению к этим банкам и может быть принято положение *В. Г. Давидовича*: „Банк не теряет права на старшинство в случае перезалога имущества“ (Комментарий к Гражд. Кодексу под ред. *А. Л. Малицкого*, 1925 г., стр. 101).

[1]) Проф. *М. М. Агарков*, Проблемы законодательного регулирования банковских операций, „Вестник Финансов“, 1925 г., № 11—12, стр. 71.

из действующего законодательства Советом Народных Комиссаров СССР или РСФСР для уставов акционерных обществ (ст. ст. 323-а и 323-в ГК РСФСР в редакции декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 21/IX 1925 г.—Собр. Узак., № 67, ст. 553). Аналогичный порядок должен применяться и к операционным правилам, если бы тот или иной банк желал получить соответствующие из'ятия из общего законодательства. Вне этого операционные правила Гос. Банка, не взирая на их утверждение НКФ СССР, являются теми же *актами автономного правотворчества*, которые имеют значение источника права лишь *в пределах внутренних взаимоотношений* банков с их клиентами и *лишь при условии их соответствия* принудительным нормам *общегражданского законодательства*. Лишь в меру этого соответствия они обязательны для третьих лиц (в частности, для кредиторов банковских клиентов) и для суда.

Что же касается уставов, то последние лишь в виде редкого исключения содержат постановления по интересующему нас вопросу. § 11 устава Внешторгбанка предоставляет банку „право все находящиеся у банка обеспечения (представленные клиентом по залоговым операциям—А. В.) *удерживать* впредь до производства должником окончательного расчета *по всем его долгам банку*" (ср. § 16). Поскольку устав Внешторгбанка утвержден СНК СССР (16/XII 1924 г.), эта норма является *специальным законом* [1]), равно как специальным законом может быть признан и § 25 утв. СТО 2/IX 1922 г. нормального устава обществ взаимного кредита: „по взысканиям своим с членов общество имеет право *удерживать* соответствующие суммы как из их обеспечений, так и из их вкладов и текущих счетов, принадлежащих задолжавшему члену" [2]). Сложнее вопрос о формально-правовой

---

[1]) Поскольку устав Внешторгбанка является специальным законом в силу особого порядка его утверждения, мы можем оставить вне рассмотрения чрезвычайно спорный вопрос об юридической силе уставов, утвержденных в общем порядке. Отсылаем интересующихся этим вопросом к ст. *Н. Н. Р.*, Обращение взыскания третьим лицом на имущество должника, заложенное в банке, („Право и Жизнь", 1925 г., № 6, стр. 43—49), со всеми положениями которого мы, впрочем, согласиться не можем. Лично мы никогда не считали и не считаем индивидуальных уставов акционерных обществ, утвержденных в общем порядке, специальными законами (см. наше „Слияние акционерных компаний", 1914 г., стр. 302—325 и ст. „Акционерная компания" в „Финансовой Энциклопедии", 1924 г., стр. 13). Судебная и административная практика (как до-революционная, так и советская) неизменно, однако, признавала акционерный устав специальным законом—см. определения ГКК Верхсуда РСФСР от 27/VIII 1924 г. и 5/II 1925г. по делам Промбанка и Всекобанка и раз'яснение НКЮ РСФСР от 25/XI 1924 г., №1374/3, акц. обществу „Транспорт"; ср. раз'яснение Верхсуда РСФСР от 18/I 1926 г., признавшего устав кредитного товарищества „специальным законом *для членов товарищества*". Остается ждать, как отразятся на этой практике декреты ЦИК и СНК СССР от 24/IV 1925 г. и ВЦИК и СНК РСФСР от 21/IX 1925 г.

[2]) „Сила сепаратного закона, обязательного к точному исполнению" признана за названным уставом, в частности, НКЮ РСФСР и НКФ РСФСР (циркуляр НКФ РСФСР от 23/I 1925 г., № 551 — „Вестник Финансов", 1925 г., № 34/124).

силе § 55 утв. НКФ 14/IX 1922 г. примерного устава кредитного и ссудо-сберегательного товарищества: „по претензиям своим к членам товарищества и другим должникам товарищество вправе *удерживать* следуемые ему суммы как из имущества, служащего обеспечением этих претензий, так и из сумм, причитающихся задолжавшему по вкладу или находящихся на его текущем счету". Лишь учитывая ярко выраженный *нормативный характер* этого акта, изданного еще до Гражд. Кодекса—в период менее строгого разграничения между законодательными и административно-правовыми актами—и косвенную санкцию его в постановлении СТО от 10 XI 1922 г., возложившем на НКФ установление „общих оснований деятельности" кредитных учреждений и выработку для них „основных положений, нормальных и примерных уставов" (Собр. Узак., № 76, ст. 943), можно дать перевес материально-правовым элементам над формально-правовыми и признать за примерным уставом силу специального закона.

Приведенными примерами и ограничивается, однако, уставная практика. Уставы других банков говорят, напротив, о выдаче остатка реализованной от продажи заложенных ценностей суммы клиенту без упоминания об удержании этого остатка на покрытие прочих претензий к тому же клиенту (ст. 29 п. 2 Положения о Гос. Банке, § 22 устава Промбанка, § 31 устава Всекобанка). Тем не менее, операционные правила этих банков в такой же мере признают за ними право „удерживать" суммы и ценности клиента, как и правила Внешторгбанка. Мы только что указали, что юридическая сила подобных постановлений, поскольку они не опираются на нормы специального закона—устава, покоится на их соответствии общегражданскому закону. Мы становимся поэтому перед вопросом: имеются-ли в советском законодательстве опорные пункты, к которым можно было бы „примкнуть" банковское право удержания.

II.

Гражд. Кодекс РСФСР не только не знает права удержания, но и не дает никаких отправных пунктов, которые могут быть использованы в качестве „общих начал советского законодательства" (ст. 4 ГПК) для построения *банковского* права удержания. В частности, для этой цели не может быть использована и ст. 139 ГК, предоставляющая каждому из контрагентов в двустороннем договоре право „отказать противной стороне в удовлетворении до получения встречного удовлетворения, если из закона, договора или существа правоотношения не следует обязанность одной стороны исполнить свое обязательство раньше другой" (exceptio non adimpleti contractus). Правда, господствующее течение в зап.-европейской литературе подводит excep-

tio n. a. c. под общее понятие права удержания [1]). Наибольшие основания для этого дает *германское* гражданское уложение, которое свои постановления об exceptio n. a. c. вплотную примыкает к нормам об общегражданском праве удержания. § 273/I BGB предоставляет должнику, имеющему против своего кредитора требование, возникшее „из того-же правового отношения" (aus demselben rechtlichen Verhältniss) право отказаться от исполнения своего обязательства (право удержания—Zurückbehaltungsrecht) впредь до исполнения встречного обязательства. То же право § 273/II признает за лицом, обязанным к выдаче вещи другому лицу, если оно имеет против последнего требование о возмещении произведенных на эту вещь издержек или понесенных через нее убытков (так наз. debitum cum re junctum). Согласно § 274/I, ссылка ответчика на принадлежащее ему право удержания влечет за собой присуждение должника к исполнению его обязательства лишь под условием одновременного исполнения (Zug um Zug) обязательства, лежащего на его кредиторе. Последний, однако, может предотвратить осуществление его противником права удержания, представив ему какое-либо иное *реальное* обеспечение (§ 273/III) [2]). Те же самые начала отказа от исполнения впредь до встречного удовлетворения и присуждения к одновременному исполнению (Zug um Zug) §§ 320/I и 322/I применяют и к *двусторонним договорам*—с исключением, однако, возможности представления обеспечения взамен „удержанного" исполнения (§ 320/I in fine) [3]). Таким образом, получается трехчленное построение: 1) exceptio n. a. c. в двусторонних договорах—без возможности замены „удержанного" исполнения другим обеспечением (§§ 320/I и 322/I), 2) удержание исполнения обязательства, основанного „на одном и том же правовом отношении"—с возможностью подобной замены (§ 273/I и III) и 3) удержание вещи в силу debitum cum re junctum (§ 273/II).

Аналогичное сближение мы найдем и во *французском* праве. Гражданский и Торговый Кодексы не регламентируют права удержания, как *особого* института, но ограничиваются разрозненными постановлениями, предусматривающими отдельные случаи применения права удер-

---

[1]) *Enneccerus*, Lehrbuch des bürgerlichen Rechts, Bd. I 2, 1923, S. 71, 91; *Windscheid-Kipp*, Lehrbuch des Pandektenrechts, Bd. II, 1906, S. 324, 449; *Planiol*, Traité élémentaire de droit civil, t. II, 1923, n° 2516 et 2520. *Contra-Thur*, Allgemeiner Teil des schweizerischen Obligationenrechts, Hbd. II, 1925, S. 468—469; *Eccius*, Retentionsrecht in *Holzendorff's* Rechtslexikon, Bd. III, 1881, S. 460—461; *М. М. Катков*, Понятие права удержания в римском праве, 1909, стр. 157—158.

[2]) Но не поручительство (§ 273/III in fine). За недостатком места мы оставляем вне рассмотрения ряд других ограничений, коим BGB подвергает осуществление права удержания (ср. § 273/II и *Enneccerus*, Bd. I 2 S. 71—73).

[3]) Обеспечение допускается лишь в том случае, если одна из сторон обязана исполнить первой, имущественное же положение другой стороны значительно ухудшается и притязание исполнившей стороны подвергается серьезному риску (§ 321).

жания (droit de retention), часть коих скорее должна быть отнесена к exceptio n. a. c., чем к праву удержания в собственном смысле (ср. art. 1612 C. civ.). Специальной нормы об exceptio n. a. c. Code civil [1]) не дает, доктрина же подводит таковую под общее понятие права удержания, противополагая ей—в качестве второго вида права удержания—удержание вещи в обеспечение debitum cum re junctum [2]).

Казалось-бы, опыт западно-европейских правовых систем должен был нас предостеречь от категорического утверждения, что exceptio n. a. c. ст. 139 ГК не может быть использована для построения *банковского* права удержания в СССР. Дело, однако, не в классификации родственных явлений (с точки зрения научной классификации можно было бы и не возражать против подведения exceptio n. a. c. под общее понятие права удержания), а в том, насколько это „родство" позволяет *нормы об одном из видов* права удержания *применить*—в порядке аналогии закона или аналогии права („общие начала советского законодательства"—ст. 4 ГПК)—*к другому его виду.* Именно в этом—центр тяжести всей проблемы *банковского* права удержания. Воспользуемся той же трехчленной схемой германского гражданского уложения, чтобы проиллюстрировать нашу мысль на позитивном материале наиболее полно развитой правовой системы.

Exceptio n. a. c. в двусторонних договорах исходит из *тесной взаимозависимости оснований* (causae) обязательств той и другой стороны. Обещанное каждым из контрагентов исполнение является *эквивалентом* для другого. Взаимные обязанности сторон *одинаково существенны* для сделки и именно на этой сделке основаны. Отсюда—и самая exceptio n. a. c., и невозможность предотвратить ее осуществление представлением другого обеспечения (§§ 320/I и 322/I), ибо для контрагента важно получить *условленное* удовлетворение, лучшим же путем к тому является *отказ в условленном контр-исполнении*, которого ждет противная сторона и неполучение которого скорее всего может побудить ее к исполнению договора. Для осуществления права удержания в порядке § 273/I уже не требуется ни тесной взаимозависимости обоих обязательств, ни их происхождения из единого договора: достаточно их возникновения „из одного и того же правового отношения". Таковое может быть налицо и в том случае, когда притязания обоих контрагентов возникают *из разных договоров*, если только они по их цели, намерениям сторон и воззрениям оборота образуют какое-то *хозяйственное единство*, стоят во внутренней—хозяйственной или житейской—связи. Дело суда—установить наличие или отсутствие этой связи (Кон-

---

[1]) Exceptio n. a. c. может быть обоснована, однако, на art. 1184 C. civ. (*Planiol*, t. II, 1923, n° 949 et 2520).

[2]) *Planiol*, t. II, n° 2515—2516, 2520—2536; ср. *Thaller et Percerou*, Traité élémentaire de droit commercial, 1925, n° 1983. Менее определенна точка зрения *Baurg-Lacantinerie*, Précis de droit civil, t. II, 1925, n° 1356 et 799—800.

nexität) [1]). Она будет во всяком случае налицо там, где ретентор отказывает в выдаче вещи до возмещения ему сделанных на эту вещь издержек или понесенных через нее убытков (§ 273/II)—вот почему по отношению к этому случаю (debitum cum re junctum—третий член намеченной выше схемы BGB) закон не упоминает особо о необходимости „одного и того-же правового отношения". И здесь связь требования ретентора с удерживаемым им имуществом может возникнуть как на почве единого договорного отношения (издержки поклажепринимателя по ремонту хранимой вещи—§§ 693, 694 и 273) так и вне всякого договорного отношения (издержки незаконного владельца чужой вещи—§ 1000). Поскольку, однако, эта связь может возникнуть в обоих предусмотренных § 273 случаях на почве одного и того же договора, различие между правом удержания и exceptio n. a. c. не всегда легко провести. Но оно все же должно быть проведено, ибо, пред'являя иск к своему должнику—ретентору, противная сторона может парализовать его возражение, основанное на праве удержания, представлением другого обеспечения (§ 273/III), чего она не может сделать в случае возражения, вытекающего из двустороннего договора (§ 320/I in fine) [2]).

Вот один из возможных примеров. Покупатель, требующий от продавца проданную ему вещь до уплаты покупной цены, не может парализовать возражения продавца представлением иного обеспечения, ибо это возражение представляет собой exceptio n. a. c. (ср. §§ 433, 440, 320 и 322) [3]). Напротив, поклажедатель в праве представить поклажепринимателю, удерживающему вещь до возмещения произведенных на нее издержек, какое-либо реальное обеспечение и тем самым добиться передачи ему вещи *до оплаты этих издержек* (§§ 693 и 273). Аналогично и наймодатель может добиться возврата удерживаемой нанимателем *движимой* вещи [4]) представлением реального обеспечения *вместо* уплаты ему соответствующего вознаграждения за понесенные им расходы или убытки (§§ 556 и 273). В первом случае покупатель

---

[1]) *Enneccerus*, Bd. I 2, S. 71; у него же—практика имперского суда (S. 71—72).

[2]) В вопросе о *распределении доказательств* право удержания отличается от exceptio n. a. c. тем, что ретентор должен доказать существо и размер своего встречного притязания, тогда как при exceptio n. a. c. то и другое сделает его противник, обосновывая свой иск против ретентора (*Thur*, II. S. 548).

[3]) *Enneccerus*, в своем стремлении подвести exceptio n. a. c. под общее понятие права удержания, основывает право *продавца* удержать вещь до уплаты покупной цены на § 273/I, приравнивая его к праву ссудо-или-поклажепринимателя, не получающего удовлетворения по своим контрпритязаниям к ссудо- или- поклажедателю (Bd. I 2, S. 71[2]). Если бы это было так, покупатель был бы в праве, вместо условленной цены, представить реальное обеспечение и получить вещь—вывод явно противоречащий § 320/I и хозяйственному назначению договора купли-продажи.

[4]) В отношении недвижимости его право удержания исключено специальным постановлением закона (§ 556/II).

не может заменить уплаты покупной цены реальным обеспечением по той причине, что его обязанность к уплате этой цены образует собой *эквивалент* обязанности продавца по сдаче вещи, во втором и третьем случае—поклажедатель и наймодатель могут вернуть вещь путем замены денежного платежа реальным обеспечением по той причине, что этот денежный платеж—эквивалент лишь произведенных поклажепринимателем или нанимателем издержек на вещь, *но не их обязанности по возврату вещи.* И обратно: поклажедатель и наймодатель могут отказаться от возмещения издержек до возврата им вещи именно в силу права удержания по § 273/I, а не в силу по exceptio n. a. c. по §§ 320/I и 322 I [1]).

Итак и в пределах общегражданского оборота нельзя нормы об exceptio n. a. c. распространять на все случаи неисполнения каких-либо обязательств даже из двусторонних договоров, не говоря уже о встречных притязаниях ретентора, вытекающих *из другого договора* или возникающих *вне договорных отношений* спорящих сторон. Неудивительно, что и представители господствующего течения, подводя exceptio n. a. c. под общее понятие права удержания, считают необходимым оговориться, что она представляет собой „особое право удержания, для которого существуют поэтому и некоторые особые правила" [2]).

Еще резче должны быть разграничены exceptio n. a. c. и так наз. „купеческое" право удержания (§§ 369—372 HGB). Германское торговое уложение еще более расширяет рамки связи (Konnexität) между удерживаемым имуществом и притязанием ретентора, устанавливая право удержания *движимых вещей и ценных бумаг* в обеспечение всех требований *одного купца к другому*, возникших из *двусторонних торговых сделок* [3]). Здесь уже не требуется ни „одного и того же правового отношения" (§ 273/I BGB), ни связи притязания ретентора с удерживаемой вещью (§ 273/II BGB): достаточно возникновения требования

---

[1]) Ср. утверждение *Thur*'а о неприменимости постановлений §§ 82—83 SchwOR об exceptio n. a. c. к таким неравномерно двусторонним договорам (contractus bilaterales inaequales), как ссуда или поклажа. В швейцарском праве jus retentionis более четко отграничено от exceptio n. a. c., чем в германском. § 895 ZGB имеет в виду лишь удержание движимых вещей и ценных бумаг, а не всякого исполнения (Leistung) вообще—иначе говоря регламентирует лишь так наз. „вещное" право удержания, направленное на удержание *чужой вещи* (ср. § 273/II BGB) и оставляет вне законодательной регламентации так наз. „обязательственное" право удержания, при котором ретентор отказывается от исполнения лежащего на нем обязательства, *не связанного с выдачей чужой вещи* (ср. § 273/I BGB). К этим последним случаям должны по аналогии применяться нормы о праве удержания (§§ 895—898 ZGB), а не §§ 82—83 Schw OR (*Thur*, II S. 468—469).

[2]) *Enneccerus*, Bd. I 2, S. 91[5].

[3]) Речь идет именно о двусторонних торговых сделках, т. е. о сделках, которые являются *торговыми* для обоих контрагентов, а не только о синаллагматических договорах (*Müller—Erzbach*, Deutsches Handelsrecht, II Teil, 1924, S. 411; *Lehmann*, Lehrbuch des Handelsrechts, 1908, S. 567).

в области *торговых отношений двух купцов* и поступления вещи во владение ретентора *по воле должника* и *на основании торговой сделки* (§ 369 HGB) [1]). Равным образом, и *швейцарское* гражданское уложение, требуя для осуществления *общегражданского* права удержания „связи" (Zusammenhang) притязания ретентора с удерживаемым имуществом, по отношению к *торговому* обороту презумирует эту связь во всех тех случаях, когда владение удерживаемым имуществом и притязание ретентора вытекает *„из деловых отношений„* (aus geschäftlichem Verkehr) двух *купцов* (§ 895 ZGB) [2]). Вряд ли нужно доказывать, как велико различие между неразрывной связью двух притязаний в едином синалагматическом договоре и простым фактом возникновения двух требований в процессе деловых отношений двух купцов.

Однако, и широкие рамки германского торгового уложения оказались стеснительными для германских *банков*, и последние значительно расширили их в порядке заключаемых ими с клиентами особых соглашений. Дело в том, что „купеческое" право удержания может быть осуществлено лишь: 1) против купца, 2) по притязаниям, возникшим из двусторонней торговой сделки, 3) по отношению к движимым вещам и ценным бумагам, поступившим во владение ретентора с согласия клиента [3]) и на основании торговой сделки, при чем и по отношению к ним оно может быть исключено приказом должника, данным до или при передаче вещи, либо соответствующим обязательством ретентора, 4) лишь на основании исполнительного листа или соответствующего ему акта, 5) если, наконец, должник не воспользовался своим правом предотвратить право удержания иным реальным обеспечением (§§ 369 и 371 HGB). Против клиента—не-купца банк может осуществить лишь общегражданское право удержания (§ 273 BGB)—без права удовлетворения в порядке, установленном для залогодержателей [4]), и лишь по комиссионной сделке—более сильное законное залоговое право (§ 397 HGB) [5]).

---

[1]) *Wolff*, Die Ware (V. Das kaufmännische Zurückbehaltungsrecht) in *Ehrenberg*'s Handbuch des Handelsrechts, Bd. IV 1, 1917, S. 76 ff:, *Müller—Erzbach*, Bd. II, S. 409—414; *Lehmann*, S. 564—571; *Elzbacher*, Deutsches Handelsrecht, 1925, S. 318—324.

[2]) Ср. *Curti*, Schweizerisches Handelsrecht, 1909, S. 25, 66—67; *Tuhr*, II S. 468—469.

[3]) По мнению *Müller—Erzbach*'а, это постановление вообще подлежит ограничительному толкованию, как лишающее право удержания всякого практического значения (Bd. II, S. 413). За ограничительное толкование и *Wolff*, Die Ware, S. 96—97.

[4]) Удовлетворение по правилам, установленным для залогодателей, дает лишь „купеческое" право удержания (§ 371 HGB). Среди лиц, пользующихся общегражданским правом удержания, эту привиллегию имеет—при известных условиях—лишь владелец чужой вещи по поводу произведенных им на нее издержек (§§ 1000 и 1003 BGB).

[5]) Это последнее, однако, ограничено специальным постановлением Bankdepotgesetz'а (§ 8), допускающим удержание банком ценных бумаг, депонированных в нем другим банком (обычно местным) и принадлежащих клиентам последнего,—лишь в обеспечение требований, возникших в связи именно с *данными* бумагами (*Riesser*, Das Bankdepotgesetz, 1924, S. 119 ff; *Wolff*, Die Ware, S. 85—86).

В целях устранения указанных стеснений банки включают в свои соглашения (Geschäftsbedingungen, Kontokorrentbedingungen) [1] с клиентами—как с купцами, так и с не-купцами—оговорку о залоговом праве банка на все ценности клиента, поступившие во владение банка или на его хранение в процессе деловых отношений с клиентом или „на каком-либо ином основании", при чем это право распространяется и на ценности, поступившие во владение банка случайно, не только без ведома клиента, но иногда и против его воли. Вместе с тем банковские соглашения устанавливают залоговое право банка не только в обеспечение требований, возникающих из деловых отношений банка к клиенту, но и в отношении всех остальных его требований—независимо от основания возникновения таковых. Наряду с оговоркой о залоговом праве и, большей частью, в связи с ней, банки включат в свои соглашения с клиентами столь же широко формулированную оговорку о праве удержания (Zurückbehaltungsklausel). При наличии залогового права, обеспечивающего *все требования* банка и распространяющегося *на все ценности* клиента, право удержания имеет, однако, второстепенное значение и используется лишь в тех случаях, когда банк по каким-либо причинам не может воспользоваться более сильной Pfandrechtsklausel (напр., по отношению к страховому полису). Кроме того, банковские соглашения содержат ряд других оговорок (в частности, о зачете — Aufrechnungsklausel), направленных на расширение прав банка по сравнению с теми полномочиями, которыми он обладает на основании общегражданских законов [2].

Стремление банков выйти за рамки общегражданского закона, в общем и целом, не встречает сколько-нибудь серьезных возражений ни в судебной практике, ни в литературе. Последняя вносит лишь некоторые поправки к слишком общим формулам банков, указывая, напр., на необходимость из'ятия из под действия общей оговорки о залоговом праве ценностей, находящихся в сейфах или занесенных на особый счет по явно выраженному желанию клиента, на невозможность распространения залогового обеспечения на требования, возникшие вне деловых отношений банка к клиенту и т. п. [3]. Но самый принцип расширения залоговых прав или права удержания банка, повторяем, не вызывает никаких возражений.

Французское законодательство в вопросе о связи (connexité) требования с удерживаемым имуществом не выходит за пределы синналаг-

---

[1]) Термин „Kontokorrent" не имеет в данном случае технического значения, ибо указанные соглашения банков выходят за рамки §§ 355—357 HGB. Германские юристы определяют их, как *Bankier (Bank)—Vertrag (Neustätter*, S. 19, 71, *Müller—Erzbach*, Bd. II, S. 618).

[2]) *Neustätter*, S. 49—56, 58—62; *Rozumek*, S. 205—206, 313—316; *Müller—Erzbach*, Bd. II, S. 617—618; *Lehmann*, S. 567.

[3]) *Neustätter*, S. 53—56.

матических договоров и debitum cum re junctum [1]). Общего права удержания, обеспечивающего всю совокупность требований, возникших на почве деловых отношений двух деятелей торгового оборота, ни законодательство, ни судебная практика не устанавливают. Нет особых норм и для банковского права удержания [2]).

Несколько шире развернут институт удержания в *английском* праве, различающем „специальное" (special or particular lien) и „общее" право удержания (general lien). Первое ограничивается об'ектами, в отношении коих возникло данное требование (иными словами, применяется принцип debitum cum re junctum). Второе распространяется на все другие об'екты данного контрагента и может быть осуществлено в обеспечение всех требований, возникших из сделок того-же рода или даже из деловых правоотношений данных контрагентов вообще. „Общее" право удержания возникает либо в силу закона, либо в силу торгового обычая, либо, наконец, в силу специального соглашения сторон. По отношению к *банкирам* английские юристы презумируют право удержания во всех случаях, когда оно не исключено специальным соглашением или обстоятельствами, относящимися к данному имуществу или сделке. Так, напр., судебная практика признала, что право удержания не распространяется на имущество, переданное банку для определенной цели, несовместимой с этим правом, в частности, на ценности, находящиеся в сейфе [3]).

---

[1]) Исключением является лишь art. 2082 C. civ, воспроизводящий указ имп. Гордиана (C. VIII 26. l. 2—3) и не требующий какой-либо связи (connexité) требования с удерживаемым имуществом. Art. 2082 предоставляет кредитору по залогу, имеющему к должнику, кроме обеспеченного залогом требования, другое—необеспеченное—требование более позднего происхождения, но с более ранним сроком исполнения, право удержать заложенную вещь впредь до погашения этого второго требования (об exc. Gordiana в римском праве—см. *Girard*, Manuel élémentaire de droit romain, 1911, p. 775; *Dernburg*, Pandekten, Bd. I, 1902, 7 Aufl., S. 673—674; *М. М. Катков*, Понятие права удержания в римском праве, 1909, стр. 162—171). По утверждению Planiol'я, являющегося принципиальным противником exc. Gordiana, art. 2082 почти не применяется на практике (n⁰ 2442). За ограничительное толкование art. 2082 высказывается и *Baudry—Lacantinerie*, t. II n⁰ 1338. Между тем, именно для банков он открывает возможность удержания заложенного в них имущества в покрытие других (не обеспеченных залогом) претензий к тому же клиенту.

[2]) Неудивительно поэтому, что курсы гражданского права уделяют праву удержания большее внимание, чем курсы торгового права, курсы же банковских операций иногда вообще обходят его молчанием (*Planiol*, t. II, n⁰ 2515 - 2536 cf 2288; *Baudry—Lacantinerie*, t. II, n⁰ 1355—1360; *Thaller—Perceron*, n⁰ 1983, 1054, 1144, 1943 et 1956; *Lyon-Caen et Renault*, Manuel de droit commercial, 1924, n⁰ 495 et 1219; *Lacour et Bouteron*, Précis de droit commercial, t. I, 1925, n⁰ 806, 954 et 998; t. II, 1925, n⁰ 2102; t. III, 1924, n⁰ 806, 954 et 998; t. IV, 1924, n⁰ 2102; ср. *Terrel et Lejeune*, Traité des opérations commerciales de banque, 1923, p. 191—193). *Lyon-Caen et Renault* совершенно не упоминают о праве удержания в специальной главе своего многотомного курса, посвященной банковским операциям Traité de droit commercial, t. IV, n⁰ 766 s. s.).

[3]) *Jenks*, Digeste de drsit civil anglais, t. I, 1923, p. p. 661—666, 118—119. 151—152. 161—162, 169: *Schirrmeister,—Prochownik*, Das bürgerliche Recht Englands,

III.

Итак, общегражданские нормы об одновременном исполнении обязательств, вытекающих из синналагматических договоров (ст. 139 ГК), не могут послужить отправным пунктом для построения *банковского* права удержания. Даже отказываясь от разграничения равномерно и неравномерно двусторонних договоров и искусственно распространяя exceptio n. a. c. на обязательства, не эквивалирующие друг друга (напр., на обязательство выдачи депонированной вещи и обязательство возмещения произведенных на нее издержек) [1]), нельзя извлечь из ст. 139 ГК никаких выводов [2]) для *банковского* права удержания, главное назначение которого заключается в возможности удержания товаров и ценных бумаг в обеспечение требований, возникших из совершенно различных, а не из одного и того же договора.

Столь же мало им могут послужить и специальные нормы о залоговом праве и праве удержания комиссионеров и коммивояжеров. Прим. к ст. 8 положения о коммивояжерах гос. предприятий от 2/I 1923 г. предоставляет коммивояжеру, инкассирующему причитающиеся гос. предприятию платежи, „право немедленно *удерживать* из этих платежей причитающееся ему *вознаграждение*" (Собр. Узак. № 1, ст. 19; см. также § 11 типового договора, опубл. в № 39 „Экон. Жизни" от 21/II 1923 г.). Введенная декретом ВУЦИК и СНК УССР о договоре комиссии от 16/XII 1925 г. в ГК УССР ст. 275[19] наделяет комиссионера правом „*удерживать* вытекающие из договора комиссии *денежные требования* к комитенту из всех поступивших к нему за счет комитента сумм" (ср. ст. 275[26] ГК УССР). Поскольку и в том и в другом случае дело идет об „удержании" *денежных сумм* в покрытие *денежных же требований*, пред нами—*зачет* двух однородных требований комиссионера и комитента, приводящий к полному погашению этих требований (в размере компенсируемой суммы), *а не удержание* имущества комитента в обеспечение требований к нему комиссионера, которое ведет

Bd. II. 6. Lief., 1913, S. 344—351, 440—444, 480—482, 514—515, 535—538; *Stevens*, Elements du droit commercial anglais, 1909, p. p. 228—229, 451—452, 470—483; *Kuhn*, Grundzüge des Englisch—Amerikanischen Privat-und-Prozessrechts, 1915, S. 163—164.

[1]) Австрийское гражданское уложение запрещает лицу, владеющему чужой вещью, удерживать ее у себя по прекращении предоставленного ему права—в обеспечение какого-либо своего требования к собственнику; разрешается лишь—при известных условиях—внесение вещи в депозит суда или просьба о наложении секвестра на недвижимость (§ 471). Возможность распространения действия exceptio n. a. c. здесь исключается, таким образом, категорическим предписанием самого закона.

[2]) На недопустимость использования ст. 139 ГК для осуществления права удержания указывает и проф. *В. Н. Шретер,* Внутренняя торговля, 1926 г., стр. 185. Иначе—проф. *И. Б. Новицкий,* Обязательства из договоров, 1924, стр. 45.

к погашению требований комиссионера лишь в случае реализации удержанного им имущества [1]).

В отличие от § 434 SchwOR, предоставляющего комиссионеру „право удержания (Retentionsrecht) как комиссионного имущества, так и вырученной от его продажи цены" и тем дающего повод к внешнему об'единению права удержания и зачета, украинский закон дает две отдельных статьи, из коих одна устанавливает *законное залоговое право* на „имущество комитента, состоящее, *согласно договору комиссии*, в фактическом владении комиссионера или в его распоряжении" (ст. 275[18]) и другая — указанное выше право „удержания" денежных требований комиссионера из поступивших к нему за счет комитента сумм (ст. 275[19]). Между тем, об „удержании"—в точном смысле этого слова — можно было бы говорить не в отношении *требований самого комиссионера к комитенту*, а в отношении *требований, вытекающих из заключенной* комиссионером за счет комитента *сделки*. О подобных требованиях говорит, напр., § 399 германского торгового уложения, предоставляющий комиссионеру право преимущественного (перед комитентом и др. кредиторами) удовлетворения из них — наряду с законным залоговым правом в отношении комиссионных товаров (§§ 397 и 398). Характерно, что то же уложение ничего не говорит об удержании *денежных сумм*, поступивших к комиссионеру за счет комитента. С того момента, когда требование по комиссионной сделке реализовано в виде денежной суммы, поступившей к комиссионеру, эта последняя *обезличивается* [2]) и, поступая в собственность комиссионера, создает на стороне комитента *денежное требование к комиссионеру*, с которым и зачитывается денежное требование самого комиссионера—*по общим началам о зачете*. Таким образом, наделяет-ли законодательство комиссионера законным залоговым правом (§ 397 HGB, ст. 275[18] ГК УССР) или правом удержания (§ 434 Schw OR), это право относится *только к товарам и ценным бумагам*, но не к денежным суммам, *уже* поступившим в распоряжение комиссионера. Формула проекта итальянского торгового уложения, устанавливающего в пользу комиссионера право удержания лишь в отношении вещей и ценных бумаг

---

[1]) Мы не можем поэтому согласиться с утверждением *А. С. Ратнера*, квалифицирующим предоставленное комиссионеру ст. 275[19], как *право удержания* (Договор комиссии в законодательстве УССР, ВСЮ, 1926 г., № 4) или с таким же утверждением проф. *В. А. Краснокутского* (Договор комиссии, 1925 г., стр. 36 — 37) в отношении аналогичной статьи проекта НКВнуторга СССР. Правильное разграничение зачета и права удержания в применении к договору комиссии дают проф. *А. Г. Гусаков*, Конспект лекций по торговому праву, 1912, стр. 432—435, и *Хр. Бахчисарайцев*, *К. Граве* и *П. Эйбушитц*, Вопросы законодательства по внутренней торговле, 1925, стр. 227 — 228. Менее ясна точка зрения *В. Ф. Попова*, Советское законодательство о внутренней торговле, 1925, стр. 96 и 101.

[2]) Ср. раз'яснение пленума Верхсуда УССР от 30/XI 1925 г. об обезличении денежных сумм, вносимых в виде залога в депозит суда (ВСЮ, 1926 г., № 3, стр. 126).

(§§ 503 и 500; ср. § 505), в этом отношении заслуживает безусловного предпочтения перед краткой, но юридически неточной формулой швейцарского обязательственного закона [1]).

Таким образом, и законодательство о коммивояжерах и комиссионерах не дает никаких „общих начал" для построения института права удержания. Но ст. ст. 275^{1-27} ГК УССР, являющиеся предвестником общесоюзного закона о договоре комиссии и в основном воспроизводящие соответствующий проект б. НКВнуторга СССР, сдвигают все-же вопрос с мертвой точки. Поскольку банки совершают ряд комиссионных операций по покупке и продаже товаров и по поручению и производству платежей (ср. ст. 275^{1} ГК УССР) украинский закон может получить применение и к банковским операциям—но лишь в отношении тех требований, которые возникают *в связи с комиссионными операциями*, и лишь в отношении имущества, поступившего во владение или распоряжение банка *„согласно договора комиссии"* (ст. 275^{18} ГК УССР). Иначе говоря, законное залоговое право банка—комиссионера будет принадлежать ему лишь при наличии „известной связи" (Konnexität) определенной части его требований с определенной частью имущества клиента, находящегося в „фактическом владении" или „распоряжении" банка. Можно ли в порядке аналогии распространить законное залоговое право банка и на остальные его претензии к клиенту, равно на остальное имущество последнего, поступившее во владение банка? Мы дали бы на это отрицательный ответ. Не потому, что закон о договоре комиссии наделяет комиссионера залоговым правом, а не правом удержания. Между законным залоговым правом типа Besitzpfandrecht, которое осуществляется лишь при условии владения соответствующим об'ектом и прекращается с утратой владения им, и „купеческим" правом удержания, предоставляющим ретентору возможность удовлетворения из удерживаемого имущества на основаниях, установленных для залогодержателей, нет резкого различия. В пределах настоящей статьи мы лишены возможности подробнее остановиться на этом вопросе. Укажем лишь на один факт, наглядно вскрывающий всю условность и неустойчивость грани между тем и другим правом. Германское торговое уложение наделяет комиссионера, возчика, экспедитора и владельца товарного склада законным залоговым правом (§§ 397, 410, 421 и 440), швейцарский обязательственный закон—правом удержания (§§ 401, 434, 440 и 485), итальянское торговое уложение—тем же преимущественным правом на удовлетворение (privillegio spe-

---

[1]) Денежная сумма может быть об'ектом удержания лишь в двух случаях: 1) в обеспечение не-денежного требования ретентора, 2) в обеспечение денежного же требования, *если* данная денежная сумма поступила к ретентору в запечатанном конверте или в качестве индивидуально-определенных денежных знаков (ср. *Wolff*, Die Ware, S. 87—88; Das Geld, S. 627; *Lehmann*, S. 568). *Wolff* допускает возможность зачета—при известных условиях- даже и для этого последнего случая (Das Geld, S. 636).

ciale), которым гражданское уложение наделяет залогодателя (§§ 362, 380, 412 Cod. di com; § 1958 Cod. civ.), а цитированный выше проект итальянского торгового уложения — правом удержания, снабженным тем же самым privillegio speciale (§§ 503, 500 и 539) [1]. Между тем германское торговое уложение, швейцарский обязательственный закон и итальянский проект конструируют „купеческое" право удержания на совершенно одинаковых началах. Поэтому провести грань между законным залоговым правом и „купеческим" правом удержания можно лишь на позитивном материале каждой отдельной страны [2], при чем и этот анализ в большинстве случаев лишний раз покажет всю условность разграничения обоих прав.

Итак, нормы о законном залоговом праве комиссионера не могут послужить „общими началами советского законодательства" для построения *банковского* права удержания не потому, что то и другое право резко различаются по своей юридической природе. Дело не в этой последней, а *в ограничении* залогового права *об'ектами*, поступившими

---

[1] Швейцарское и итальянское законодательства не охватывают всех регулируемых германским законом отношений, что, однако, существа дела не меняет. Мы оставляем в стороне *французское* законодательство, в котором право удержания тесно переплетается с преимущественными правами на удовлетворение (privilléges) типа законных залоговых прав, и *английское* право, в котором специальное и общее право удержания (special and general lien) охватывает и право удержания, и законное залоговое право (ср. *Planiol*, t. II, n⁰ 2521 et 2588; *Thaller-Perceron*, n⁰ 1137; *Schirrmeister-Prochownik*, Bd. II, Lief. 6, S. 443—444).

[2] В *римском* праве jus retentionis носило чисто *дефензивный* характер, являясь лишь средством побудить противную сторону к исполнению лежащего на ней обязательства, и не заключало в себе права на удовлетворение из удерживаемого имущества в порядке, установленном для удовлетворения залогодержателей (*Girard*, pp. 343, 529 et 775; *Dernburg*, Bd. I, S. 323, 535, 673). Тот же дефензивный характер право удержания сохранило и во *французском*, в меньшей мере, в *английском* праве (см. нашу ст. „Банковские операции и законодательство о них" в „Вестнике Финансов", 1926 г. № 3; литературные указания даны выше). Напротив, „купеческое" право удержания, развившееся в XVI в. *в Италии* и в XVII в. *в Германии*—прежде всего, в применении к договору торговой комиссии включало в себе *и право удовлетворения* из удержанного имущества. В одних государствах Германии оно являлось подлинным законным залоговым правом, в других — залоговые функции соединялись с ним лишь на случай конкурса над имуществом должника. Разнообразие залоговых прав в отдельных германских государствах побудило составителей Всеобщего германского торгового уложения 1861 г. отказаться от превращения „купеческого" права удержания в законное залоговое право и создать из него *особый* правовой институт (§§ 313—316), весьма близкий к тем законным залоговым правам типа Besitzpfandrechte, которыми уложение наделило комиссионера, возчика и экспедитора (§§ 374, 382, 409 ADHGB). См. исторические экскурсы у *W. Endemann*, Handbuch des deutschen Handels-See-und-Wechselrechts, Bd. II, 1882, S. 92 ff.; *Lehmann*, S. 564—566; *Müller-Erzbach*, Bd. II, S. 440; *Elzbacher*, S. 318. Лично мы считаем более правильной точку зрения швейцарского обязательственного закона и проекта итальянского торгового уложения, конструирующих соответствующие права названных деятелей торгового оборота, как право удержания, и устанавливающих для них необходимые из'ятия из общих норм о „купеческом" праве удержания.

во владение комиссионера *„согласно договора комиссии", и требованиями,* возникшими *в связи с комиссионными операциями* (ст. 275[18] ГК УССР). Иначе говоря, мы вновь возвращаемся к тому же принципу „специализации" или „индивидуализации" залога, который стоит и на пути к признанию силы *договорного* залогового акта за приведенными выше формулами банковских типовых договоров и подписываемых клиентами обязательств. Еще более тесную связь требования, в покрытие которого кредитору предоставляется реализовать имущество должника, с этим имуществом мы находим в ст. 68 Устава жел. дор., в ст. 16 декрета ЦИК и СНК СССР от 4/IX 1925 г. о документах, выдаваемых товарными складами, в ст.ст. 3 и 4 декрета 2 VIII 1922 г. о сроках хранения товаров в таможнях или в ст. 16 постановления СТО от 6 III 1923 г. и ст. 1 декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 30/IX 1924 г. об отпуске и оплате леса на корню (Собр. Узак., 1923 г., № И, ст. 136; 1924 г., № 81, ст. 121). Как бы ни конструировать указанные права жел. дороги, товарного склада, таможни или лесного органа: как законное залоговое право, как право удержания или как не подпадающее под признаки того и другого особое право на преимущественное удовлетворение !), их одинаково мало можно использовать для построения института общего права удержания, 1) охватывающего *всю* совокупность требований, возникающих на почве деловых отношений двух участников хозяйственного оборота (банка и клиента), и 2) распространяющегося на *все* ценности одного из них, попавшие по какому-бы то ни было основанию во владение другого.

IV.

Мы тщетно пытались найти в общесоюзном и республиканском законодательстве какие-либо „основные начала", опираясь на которые судебная практика могла бы в порядке ст. 4 ГПК подвести легальное основание под банковское право удержания. Но, может быть, мы „ломимся в открытую дверь" и блуждаем в напрасных поисках тех путей, которые самой практикой уже давно найдены? Обратимся к решениям Верхсудов РСФСР и УССР, в коих вопрос о банковском праве удержания и связанном с ним праве зачета получил прямое или косвенное разрешение.

В 1923/1924 г.г. „Ленинградкоопшвей" приобрел акции Ленинградского коммунального банка, оплатив их частью наличными деньгами, частью путем перечисления сумм с специального текущего счета в том же банке. После об'явления „Ленинградкоопшвея" несостоятельным должником, банк отказался исполнить требование ликвидационной комиссии о перечислении акций на имя трех гос. трестов—кредиторов

!) Ср. раз'ясненне НКЮ РСФСР от 28/VII 1925 г., № 11в/43, НКПС по поводу ст. 68 Уст. ж. д.

„Ленинградкоопшвея", заявив, что он удерживает их в погашение задолженности последнего по специальному текущему счету. Ленинградский губсуд 21/I 1925 г. признал акции собственностью „Ленинградкоопшвея", подписанные последним правила специального текущего счета об'явил не имеющими „обязательной силы"—в виду их противоречия требованиям ст. 101 ГК и ст. 266 ГПК—и обязал банк выдать акции истцу. По кассационной жалобе банка Верхсуд РСФСР 29/V 1925 г. отменил решение губсуда, об'явив неправильным его утверждение о необязательности для „Ленинградкоопшвея" подписанных им правил и признав за банком право при открытии кредита „установить обеспечение всем имуществом (клиента), находящимся у него" [1]). Не усматривая из дела нарушения порядка удовлетворения кредиторов, установленного ст. 101 ГК и ст. 266 ГПК, и учитывая, что большинство акций „оплачено средствами банка из текущего счета", Верхсуд заключает: „поэтому, *не устанавливая, что акции эти являются залогом у банка* [2]), но имея в виду основное соц.-хоз. назначение ст. 345 ГК и § 19 устава банка, заключающееся в недопустимости распыления основного капитала банка, нельзя сделать вывода, что банк не вправе в обеспечение полной оплаты основного капитала оставить у себя имущество неаккуратного пайщика, в чем бы оно ни состояло" (ЕСЮ, 1925 г., № 44—45).

Итак, начав с утверждения, что банк при открытии кредита „в праве установить обеспечение всем имуществом (клиента), находящимся у него" и отвергнув залоговой характер этого „обеспечения" в отношении ценностей (акций), не являющихся *специальным* обеспечением открытого клиенту кредита (счет „Ленинградкоопшвея" был обеспечен покупательскими векселями), Верхсуд РСФСР не счел, однако, возможным ограничиться простой ссылкой на обязательность банковских правил и перенес центр тяжести на соц.-хоз. обоснование своего решения: на „недопустимость распыления основного капитала банка". С этой целью привлечена и ст. 345 ГК, запрещающая акционерному обществу покупку за свой счет и прием в залог собственных акций—за исключением тех случаев, когда общество делает это в предотвращение потерь при взыскании со своих должников, а также § 19 устава банка, ссылка на который едва ли не излишня, так как он повторяет запрет ст. 345 ГК без сделанного в ней из'ятия—между тем как именно это из'ятие и имело значение для дела.

---

[1]) § 1 правил о специальном текущем счете под залог векселей предоставлял банку в случае неисправности клиента „обратить взыскание на всякое иное имущество заемщика *с зачислением* (в счет) следуемого долга денежных сумм или ценностей заемщика, которые к этому времени окажутся в обладании банка *по всякого рода операциям*".

[2]) Курсив всюду наш. *А. В.*

Признаем, однако, всю обоснованность мотива о недопустимости распыления основного капитала банка и остановимся лишь на тех *юридических средствах*, которыми оно могло быть предотвращено. Из трех теоретически возможных прав: залогового права, права удержания и права зачета—первое было совершенно справедливо отвергнуто самим Верхсудом („не устанавливая, что акции эти являются залогом у банка. . . "). Для второго — мы видели — действующее законодательство не дает никаких легальных оснований. Вопрос осложнялся тем, что акций в „натуре" вообще не существовало и что имелись лишь временные свидетельства (квитанции), находившиеся даже, насколько мы могли установить, в руках ликвидационной комиссии, а не банка. Если это так, спор об акциях должен был бы вестись в плоскости осуществления „Ленинградкоопшвеем" его права на передачу своих членских прав в порядке ст. 344 ГК, а не в плоскости права удержания. При нахождении же временных свидетельств—по какой-либо причине—в руках банка, Верхсуд имел бы все основания поставить на очередь вопрос о праве удержания, *если бы* для того имелись какие-нибудь опорные пункты в действующем законодательстве. Но их нет—и перед судом оставалась лишь третья эвентуальность: *право зачета*. Именно на эту точку зрения и стал губсуд в своем вторичном решении по данному делу, признав акции банка „ценной биржевой бумагой, представляющей определенную денежную ценность" и потому годной к зачету с однородными денежными требованиями банка к „Ленинградкоопшвею" (определение Ленинградского губсуда от 30/IX—3/X 1925 г.). Искусственность мотивировки губсуда не требует доказательств, но у него не оставалось иного выхода, поскольку он не мог или не хотел ограничиться простой ссылкой на банковские правила и стремился привести их хоть в какое-либо соответствие с общими нормами Гражд. Кодекса.

Возможно, что на мотивы губсуда оказало влияние определение Верхсуда РСФСР от 15/VI 1925 г. по аналогичному делу ликвидационной комиссии „Ленинградкоопшвея" с Всекобанком, которым Верхсуд признал, что, „поскольку передача паев может произойти с разрешения правления и совета, у пайщика—в случае отсутствия такого разрешения—остается лишь право требовать *денежного эквивалента* своих паев, на последнее же имущество банк во всяком случае имеет право обратить взыскание согласно п. 5 правил открытия специального текущего счета („Определения ГКК Верхсуда РСФСР за 1925 г.", вып. I, № 131). Правда, слово „зачет" не было произнесено Верхсудом—вопреки ссылке на ст. 129 ГК со стороны поверенного банка, но действительный смысл решения Верхсуда ясен. Повторяя почти буквально мотивы своего определения от 29/V 1925 г. и воздерживаясь лишь от отрицания залогового права на паи, Верхсуд, в приведенной заключительной части своего определения, сводит право банка на обращение стои-

мости паев в покрытие его претензий к клиентам *именно к праву зачета*. На ту же точку зрения—с полной определенностью и со ссылкой на ст. 129 ГК УССР—стал и Верхсуд УССР в определении от 5 VI 1925 г. по аналогичному делу ликвидационной комиссии ВОЕНПО Киевщины с „Українбанком", признав, что „требование истца... заключается в требовании от ответчика „Українбанка" паевого капитала в сумме 7.650 р.—стоимости 153 паев, т. е. требовании определенной денежной суммы" (ВСЮ 1925 г., № 13, стр. 537—538).

Применение ст. 129 ГК к расчетам с пайщиками *кооперативных* банков, уставы коих предусматривают возможность возврата выбывающим пайщикам денежного эквивалента их паев (ср. §§ 13 и 14 устава Всекобанка и § 18 устава „Українбанка"), не вызывает возражений, но распространение тех же начал на расчеты *акционерных* банков с их акционерами нельзя не признать извращением и института зачета, и основных начал акционерного права.

К тому же проблема права удержания отнюдь не исчерпывается случаями возможной ликвидации отношений банков с их акционерами или пайщиками. Тот же Верхсуд УССР 11/VII 1925 г. категорически отверг ссылку Гос. Банка на соответствующие пункты залогового обязательства его клиента, заявив: указание Гос. Банка, „будто все ценности должника, находящиеся в кассе и складах Банка, служат во всей своей совокупности обеспечением всех обязательств должника Банку по онкольному счету [1]), *противоречит* тому же требованию *индивидуализации заложенного имущества* (ст. 91 ГК), как устанавливающее в пользу Банка *генеральную ипотеку* на всякого рода имущество должника, раз должник имеет в Банке онкольный счет и какое-либо его имущество по какому-либо основанию (напр., по договору хранения, либо простого текущего счета) оказалось в складе или кассе Банка, *каковой генеральной ипотеки наше законодательство... не признает*" (тем же определением Верхсуд УССР отверг указанное право и по отношению к „Українбанку" — ВСЮ 1925 г., № 17, стр. 680—683).

В значительно более благоприятном для Гос. Банка духе высказался Верхсуд РСФСР—в определении от 10/X 1925 г. по делу Гос. Банка с ликвидационной комиссией „Коопшвея", препроводившей в Гос. Банк на инкассо векселя, валюта коих была вслед за тем зачтена Гос. Банком в погашение его претензий к „Коопшвею"—вопреки просьбе комиссии держать инкассированные суммы в ее распоряже-

---

[1]) Гос. Банк ссылался на пп. 8 и 10 залогового обязательства, согласно которому все ценности должника, находящиеся в кассе и на складах банка, служат во всей своей совокупности обеспечением всех обязательств должника по онкольному счету. В деле имел, однако, место обратный случай: попытка Гос. Банка использовать заложенные у него товары в покрытие задолженности клиента не только по онколю, но и по *векселям*.

нии. Верхсуд признал за Гос. Банком право *преимущественного удовлетворения* не только из заложенного у него имущества (после покрытия претензий, указанных в ст. 101 ГК), но и из всякого другого, находящегося у Банка, имущества должника, если последним дана *специальная подписка*, предусмотренная утв. НКФ операционными правилами Банка. Но тем же определением Верхсуд отказал Гос. Банку в праве на преимущественное удовлетворение из имущества клиента, находящегося в банке по специальному договору, а не в силу залога, и в праве зачета сумм, инкассированных по векселям, переданным банку *не самим должником, а ликвидационной комиссией* по его делам. В этом последнем утверждении суд руководствовался не только тем, что ликвидационная комиссия имеет своей задачей получение и распределение имущества должника между кредиторами *в порядке очередности*, установленной законом, но и тем, что банк в отношении векселей, переданных ему на инкассо ликвидационной комиссией, является лишь доверенным, обязанным исполнить договор поручения в соответствии с указаниями доверителя. В противном случае, заключает Верхсуд, векселя были бы переданы на инкассо в другой банк („Фин. Газ"., 22 декабря 1925 г., № 291).

Итак, несмотря на все ограничения Верхсуд РСФСР признал все же за Гос. Банком право обратить в покрытие его претензий не только заложенное, *но и иное имущество клиента*—при наличии специальной подписки последнего, на практике отбираемой у клиента по каждой активной операции банка. Однако, и в этом определении Верхсуд оставляет открытым вопрос о природе признаваемого им за Гос. Банком права на преимущественное удовлетворение из „иного" (сверх заложенного) имущества клиента. Между тем, не определяя природы принадлежащего банкам в отношении не-заложенного, но находящегося в их владении имущества клиента, нельзя сколько-нибудь приблизиться к разрешению тех *практических* вопросов, которые с осуществлением этого права связаны. В них же заключается вся острота и сложность проблемы.

V.

В пределах нашей затянувшейся статьи мы можем лишь в самых общих чертах наметить возможное решение—de lege lata и de lege ferenda—важнейших практических вопросов, связанных с банковским правом удержания и зачета. Мы начнем с зачета, как института, признанного Гражд. Кодексом.

1. Ст. 129 п. „б" ГК ограничивается бланкетным допущением „зачета встречного однородного требования, срок коему наступил". В отличие от зап.-европейских законодательств, устанавливающих ряд ограничений зачета (§§ 393—395 BGB, § 125 SchwOR, § 1293 C. civ.), ст. 129 ГК никаких из'ятий из общей нормы о зачете не оговаривает.

Необходимость подобных из'ятий вряд ли можно, однако, оспаривать. Так, напр., право зачета безусловно отпадает при наличии соответствующего соглашения о том сторон или одностороннего заявления одной стороны (ср. § 126 SchwOR). В приведенном деле Гос. Банка с „Коопшвеем" право зачета можно было бы считать исключенным уже по одному тому, что, передавая векселя на инкассо, ликвидационная комиссия совершенно определенно поручила Гос. Банку держать инкассированные суммы в ее распоряжении. Вряд ли можно оспаривать также недопустимость зачета по отношению к денежным суммам, переданным клиентом банку *исключительно для целей размена* [1]), или к ценностям, поступившим в банк на хранение в запечатанном конверте. Равным образом, банк не может зачесть своих претензий, вытекающих из банковских операций против требования его служащего или рабочего о заработной плате (напр., претензий по ссуде, выданной служащему под залог облигаций кооперативного займа): пределы *внесудебного* зачета против требования о заработной плате ограничены случаями порчи материалов и орудий труда, предусмотренными ст. 83 КЗоТ, подобно тому, как и пределы *судебного* зачета ограничены 20% излишка, получаемого сверх минимума заработной платы (ст. 289 ГПК) [2]). Для банков, однако, имеет практическое значение не вопрос об ограничениях зачета против требования о заработной плате *служащих самого банка*, а вопрос о тех ограничениях, коим право зачета может подвергнуться *в случае несостоятельности клиента*, неудовлетворившего обращенных к нему требований его рабочих.

2. Поскольку законодательство СССР—за исключением ст. 101 ГК и ст. 266 ГПК [3])—не устанавливает особого порядка ликвидации отношений несостоятельного с его кредиторами и должниками, банк сохраняет право на зачет и против несостоятельного должника, как

---

[1]) Ср. *Enneccerus*, Bd. I 2, S. 210.

[2]) О неприкосновенности заработной платы—см. *К. М. Варшавский*, Трудовое право СССР, 1925, стр. 80—82 и 119—122; ср. *И. Войтинский*, Трудовое право СССР, 1925, стр. 105 и 306—307; *С. И. Раевич* в Комментарии к ГК РСФСР, 1925 г., стр. 112; проф. *В. М. Гордон* в Комментарии к ГК под ред. *А. Л. Малицкого*, 1925 г., стр. 124. Циркуляр НКФ от 23/I 1925 г., № 550, о способах взыскания кассовых просчетов несколько расширяет возможность зачета (в пределах тех же 20%), но лишь при условии согласия на то самого служащего и лишь в отношении просчетов (ср. *Е. Колотухин*, Возмещение нанявшимся ущерба, „Рев. законность", 1926, № 5—6, стр. 13—15).

[3]) Мы оставляем в стороне ст. 16 декрета ЦИК и СНК СССР от 4/IX 1925 г. о документах, выдаваемых товарными складами, как норму сингулярного характера. Равным образом, мы принуждены оставить вне рассмотрения вопрос о тех изменениях, которые должны быть внесены в связи с декретами ВУЦИК и СНК УССР от 7/X 1925 г. о ликвидации гос. предприятий, смешанных обществ и кооперативных организаций (см. ВСЮ 1925 г., № 23 и дополнения к Комментарию ГПК союзных республик, под ред. проф. *А. Л. Малицкого*, 1926, стр. 48), так как не имеем в своем распоряжении *полного* текста названных декретов.

это было признано и в цитированных выше определениях Верхсуда РСФСР от 15/VI 1925 г. и Верхсуда УССР от 5/VI 1925 г. (ср. решения ВАК РСФСР по делу Башорлеса—„Судебно-Арбитражный Бюллетень", 4/II 1926 г., № 3, ВАК РСФСР по делу ликв. комиссии „Госселькожа"—„Промышленность и Право", 1926 г., № 1, стр. 64, и АК ВСНХ СССР по делу „Льноджута"—„Торг.-Пром. Газета", 1926 г., № 13) [1]). Раз'яснение пленума Верхсуда РСФСР от 29/VI 1925 г. (прот. № 10) о порядке взыскания по судебным решениям при существовании ликвидационной комиссии (ЕСЮ, 1925 г., № 28, стр. 978), равно как и определение ГКК Верхсуда РСФСР от 8/IX 1925 г. (ЕСЮ, 1925 г., № 40, стр. 1284) не дают никаких указаний по данному вопросу. Приведенное выше определение Верхсуда РСФСР от 10/X 1925 г. указывает, в числе мотивов отказа Гос. Банку в праве зачета, на передачу ему векселей на инкассо „*не должником, а ликвидационной комиссией*, которая имеет своей задачей получение и распределение имущества должника между кредиторами в порядке очередности, установленной законом". В сопоставлении с другими пунктами того же определения эту отсылку к общему „порядку очередности" вряд ли можно, однако, понимать в смысле исключения права зачета после назначения ликвидации по делам должника.

3. Наибольшие сомнения вызывает вопрос, может ли право зачета быть использовано банком в тех случаях, когда прочего имущества клиента не достаточно для оплаты претензий по заработной плате и по алиментам. Здесь возможны два решения. Либо можно пойти *формально-логическим* путем и, ссылаясь на погашение требования „в силу одного факта наличия встречных требований (ipso jure compensatur)" [2]), на невозможность—при отсутствии специальных норм о несостоятельности—произвольного ограничения прав кредитора на зачет, предоставленных ему ст. 129 ГК, на отсутствие каких-либо оговорок о зачете в ст. 93 КЗоТ и ст. 266 ГПК и т. д.,—допустить зачет и при наличии неудовлетворенных требований к банковскому клиенту его рабочих и алиментаторов. Либо можно пожертвовать этими формально-логическими соображениями в защиту тех интересов, в пользу коих само государство поступается своими притязаниями к несостоятельному должнику и в отношении привиллегированного удовлетворения коих действующее законодательство до настоящего времени не сде-

---

[1]) Такова же точка зрения *германского* (§§ 53—56 KO) и *швейцарского* законодательств (§ 123 Schw OR), устанавливающих ряд специальных норм для зачета при несостоятельности должника. На иной точке зрения стоит—при отсутствии определенных указаний в законе—*французская* юриспруденция (*Baudry-Lacantinerie*, t. II, n° 434; *Planiol*, t. II, n° 576).

[2]) *И. Брауде*, Проблемы зачета в ГК, („Право и Жизнь", 1924 г. № 10, стр. 73—75).

лало *ни одного из'япшл* i). Мы думаем, что Верхсуд РСФСР, признавший приоритет ст. 93 КЗоТ над таким специальным законом, как съ 36 Положения о Iос. Банке (раз'яснение пленума Верхсуда от 2/II 1925 г. ЕСЮ, № 8), имеет не меньшие основания воспользоваться отсутствием *прямого* указания в законе („недостатком узаконений“) для признания того-же приоритета ст. 93 КЗоТ и в данном вопросе. Для гос. предприятий, переведенных на хоз. расчет, подобное ограничение зачета может быть обосновано и ссылкой на ст. 287 ГПК, резервирующую от взысканий „средства, потребные для выдачи заработной платы за истекшее время и за две недели вперед“—подобно тому, как выше указанной ссылкой на ст. 289 ГПК может быть обосновано ограничение зачета 20% заработной платы самого рабочего. В порядке ст. 5 вв. зак. к ГК, действие ст. 287 ГПК должно быть несомненно распространено и на кооперативные, и на частные предприятия '). Не будем отрицать известной произвольности предлагаемого нами решения, разрывающего установленную ст. 266 ГПК и ст. 101 ГК очередность и не находящего себе опоры в ст. 129 ГК Удовлетворительное решение проблемы возможно лишь в законодательном порядке. Но пока его^нет—путь, которым шел Верхсуд РСФСР в вопросе о ст. 36 Положения о Iос. Банке, представляется единственно отвечающим общему духу советского законодательства.

4. Остается последний вопрос—о возможности зачета требований, *срок коим еще не наступил.* Германское (§ 54 КО) и швейцарское законодательства (§ 123 Schw OR) допускают зачет таковых в случае конкурса над имуществом должника. На почве действующего законодательства СССР такой зачет невозможен 3), и банк может пред'являть свои требования к зачету против несостоятельного клиента лишь по мере наступления их срока ^). Равным образом, действую-

->) Первой попыткой подобного из'ятия является раз'яснение ИКЮ РСФСР от 28/VI1 1925 г., № П-в/43, НКПС, о преимущественном праве железных дорог на удовлетворение из ценности провозимых ими грузов в порядке ст. 68 Уст. ж. д. Это раз яснение, не оговаривающее преимуіцествеппости претензий по заработной плате как в части своих мотивов, так и по своим конечным выводам возбуждает серьезные сомнения.

J) За распространение действия ст. 287 ГПК на кооперативные и частные предприятия высказывается и *А. Е. Семенова,* Очерки советского трудового права, 1925 г., стр. 75.

О *Contra* Верхсуд УССР, допустивший возможность зачета включенных в ликвидационный баланс претензий ликвидируемого предприятия и к ликвидируемому предприятию. сроки комм еще не наступили (определение ГКК от 5/VI 1925 г.—ВСЮ As 13, стр. 537—538).

^ *л)* За недостатком места мы лишены возможности подробнее остановиться на вопросе о том крайнем моменте, к которому должен наступить срок пред'являемого банком к зачету требования. При отсутствии специальных указаний в законе, таковым должен быть признан день действительного расчета ликвидационной комиссии с банком. Происходит ли зачет в силу закона (как утверждают сторонники французской системы зачета—ср. проф. ***А. Г. Гоихбарг,*** Хозяйственное право РСФСР, т. 1, 1924,

щее законодательство не дает никаких оснований *к валютировке* не-денежных требований кредитора к несостоятельному должнику (ср. §§ 54 и 69 германского конкурсного устава), что дало бы банку возможность зачесть находящиеся в его распоряжении суммы и в покрытие своих не-денежных требований к клиенту, если бы таковые у банка оказались.

Законодательное регулирование поставленных выше вопросов может идти в двух направлениях: в порядке общегражданского и торгового законодательства, с одной стороны, и специального банкового законодательства, с другой. Необходимо развить слишком бланкетную формулу ст. 129 ГК о зачете и указать, происходит ли он ipso jure или по заявлению одной из сторон [1]), установить перечень тех привиллегированных требований, против которых не допускается осуществление права зачета и т. д. В общем законе о несостоятельности, появится ли таковой в виде особого Положения или в виде дополнительных статей ГПК, должен быть разрешен вопрос о пределах допустимости зачета при несостоятельности должника (в частности, должна быть категорически исключена возможность зачета при наличии неудовлетворенных претензий по заработной плате и алиментам), о зачете требований, срок коим не наступил (нет оснований препятствовать таковому, поскольку будут признаваться просроченными вообще все обязательства несостоятельного должника), о валютировке требований не-денежного характера и т. д. Если общегражданское и торговое законодательство достаточно полно разрешит намеченные проблемы, вряд-ли явится какая-либо потребность в дополнительном их регулировании в особом—банковском—законе, будет ли им Кредитный Устав СССР или специальная новелла о банковских операциях. Лишь при отсутствии надлежащей регулировки зачета в общегражданском законодательстве или при наличии разноречивых постановлений в законодательстве отдельных союзных республик будет ощущаться потребность в более полной регламентации этого вопроса в порядке *общесоюзного банкового* законодательства.

стр. 163 и *С. И. Раевич* в Комментарии к ГК РСФСР, 1925 г., стр. 173) или по заявлению одной из сторон (как утверждают сторонники германской системы—ср. проф. *В. М. Гордон* в Комментарии к ГК под ред. *А. Л. Малицкого*, 1925 г., стр. 124), значения не имеет, так как и в том и в другом случае требования признаются погашенными—в соответствующей сумме—с того момента, когда они *впервые стали годными к зачету* (ср. art. 1290 C. civ., §§ 387—389 BGB, § 124 SchwOR). Эта „годность" должна быть, во всяком случае, налицо к моменту действительного расчета банка с клиентом—но нет оснований требовать, чтобы она имелась к какому-либо более раннему моменту.

[1]) Второе решение представляется нам более целесообразным. Сами французские юристы признают, что art. 1290 C. civ. о зачете ipso jure обязан своим происхождением ложной интерпретации римских источников: интерполяции соответствующего рескрипта Марка Аврелия (*Planiol*, t. II, 1923, nº 590). Ср. также проф. *Н. Г. Вавин*, Зачет обязательств, 1914, стр. 30; проф. *И. Б. Новицкий*, Обязательное право, 1925, стр. 82.

VI.

Если по отношению к банковскому зачету мы могли—хотя бы и с риском быть обвиненными в чрезмерном использовании ст. 4 ГПК—предложить ряд решений de lege lata, то по отношению к банковскому праву удержания мы считали бы—по приведенным выше соображениям—совершенно невозможным дать какое-либо решение, оставаясь на почве *действующего* права. Мы видели, что и Верхсуд РСФСР не решился поставить вопроса о праве удержания именно в плоскости права удержания или в плоскости признания банковских правил *единственным* источником права для его разрешения, а пытался обосновать свои определения на соображениях иного порядка (см. цит. выше определения ГКК от 29/V и 15/VI 1925 г.). Дело, однако, не только в *принципиальной* невозможности найти для банковского права удержания какую-либо „легальную базу" в общем законодательстве Союза или отдельных союзных республик. Самый беглый анализ тех *практических* трудностей, которые повлекло бы за собой признание судами банковского права удержания, может показать, что „принципиальное" признание такового лишь усложняет, а не упрощает задачу суда. Наметим важнейшие из тех практических вопросов, которые в этой плоскости могут возникнуть.

1. Банковские правила распространяют право удержания *на все без исключения имущество клиента*, которое *по какому-бы то ни было основанию* может поступить во владение или распоряжение банка. Совершенно очевидно, однако, что право удержания не должно распространяться ни на ценности, находящиеся в сейфе или переданные банку в запечатанном конверте [1]), ни на ценности, поступившие во владение банка против воли клиента (напр., на товарные документы, переданные банку экспедитором вопреки приказу клиента о пересылке их непосредственно самому клиенту), ни на ценности, по отношению к коим клиент до или при передаче их дал банку исключающий право удержания приказ, либо сам должник принял на себя обязательство распорядиться ими определенным образом—напр., переслать их третьему лицу по поручению клиента (ср. § 369 HGB и § 895 ZGB) [2]). Западноевропейские законодательства идут еще дальше и допускают возможность осуществления „купеческого" права удержания вообще лишь по отношению к движимым вещам и ценным бумагам, поступившим во владение ретентора *с согласия должника* (§ 369 HGB и § 895 ZGB). Как мы уже имели случай отметить, банки крайне тяготятся этим

[1]) Это ограничение, введенное по нашему предложению в проект Кредитного Устава СССР, разработанный Институтом Экономических Исследований НКФ СССР, воспроизведено и в проекте Валютного Управления НКФ СССР.

[2]) Это последнее ограничение может быть устранено лишь для случаев несостоятельности банковских клиентов, как это и оговаривают особо § 370 HGB и § 897 ZGB.

ограничением, лишающим их возможности использовать право удержания по отношению к ценностям, поступившим во владение банка *случайно*, а также по отношению к об'ектам, не подпадающим под понятие „движимых вещей“ и „ценных бумаг“, в частности, к страховым полисам, фактурам, квитанциям и др. деловым документам клиента, находящимся в руках банка.

2. Правила банков резервируют за ними право удержания в отношении *всех без исключения претензий*—независимо от основания возникновения таковых. Западно-европейские законодательства допускают „купеческое“ право удержания лишь в отношении претензий, возникших из двусторонних торговых сделок (§ 369 HGB) или из деловых отношений сторон вообще (§ 895 ZGB). В порядке тех же соглашений с клиентами германские банки выговаривают право удержания и в отношении претензий, возникших вне их операционной деятельности (напр., из общегражданских или личных отношений банкира с данным клиентом)[1]. По отношению к советским банкам может возникнуть вопрос, в праве ли банк осуществить право удержания в отношении требований, возникающих *не из банковских операций*, а из найма клиентом помещения в доме банка или продажи банком клиенту части своего инвентаря и т. п. Казалось-бы, даже при самой широкой конструкции банковского права удержания, оно должно было бы осуществляться лишь в отношении требований, вытекающих из банковских операций, а не из всех возможных—хотя бы и носящих „деловой“ характер—отношений банка с данным клиентом.

Если в указанном отношении будущий закон о банковских операциях должен с'узить универсальные формулы действующих банковских правил, то в другом отношении он может, напротив, пойти на известное расширение их. Мы имеем в виду осуществление права удержания в обеспечение требований, *срок коим еще не наступил*,—при несостоятельности банковского клиента. Как и в вопросе о зачете, мы не видим оснований отказывать в этом праве банку, поскольку будет допущено общее из'ятие из нормального порядка ликвидации имущественно-правовых отношений кредитора и должника: признание просроченными всех обязательств должника со дня его несостоятельности. Трудность заключается не в этом, а в определении того момента, с которого ретентор в праве осуществить право удержания в обеспечение требований, срок коим не истек. Швейцарское гражданское уложение говорит в данном случае о „неплатежеспособности должника“ (§ 897), германское торговое уложение—об об'явлении конкурса над имуществом должника, о приостановке им платежей и о безуспешности обращения взыскания на его имущество (§ 370). Проект Кредитного Устава СССР,

---

[1]) *Neustätter*, S. 53—56.

разработанный Институтом Экономических Исследований НКФ СССР [1]), в применении к банковскому праву удержания давал формулу: „если должник об'явлен несостоятельным или является фактически таковым". Контр-проект Валютного Управления НКФ СССР заменил ее другой: „если должник приступил к ликвидации своих дел или приостановил платежи по своим обязательствам" [2]). На страницах „Вестника Финансов" мы имели уже случай подробно мотивировать наши сомнения в целесообразности предложенной Валютным Управлением поправки [3]). Отметим лишь следующее. Если формула о „ликвидации" охватывает и добровольную ликвидацию, то она вообще не приемлема, так как нет оснований нарушать планомерный ход ликвидации дел должника при отсутствии признаков фактической несостоятельности—тем более, что сам закон считается с возможностью длительной, даже многолетней ликвидации (ср. ст. ст. 366 и 309 ГК). Против клиентов же, ликвидирующих свои дела при условиях, угрожающих интересам банка—кредитора, последний должен быть защищен оговоркой о „фактической несостоятельности". Мы предпочитаем эту бланкетную формулу другим—в частности, формуле о „приостановке платежей"—потому, что она охватывает и эту последнюю и вместе с тем дает банку возможность осуществлять право удержания при наличии других признаков несостоятельности, ближайшее определение круга коих составляет задачу будущего закона о несостоятельности и судебной практики.

3. Цитированные выше типовые договоры Гос. Банка по целевым кредитам категорически резервируют за ним право реализовать все товары и ценности клиента *„распоряжением Гос. Банка, без особого на то постановления судебных органов"*. Правила других банков менее категоричны, но общий их смысл не оставляет никаких сомнений в намерении банков сохранить за собой то же право *вне-судебной экзекуции удерживаемого имущества* клиента, каким они обладают в отношении *заложенных* товаров и ценностей (такова и банковская практика). Следует ли сохранить эти полномочия за банками и в будущем—или же необходимо придать банковскому праву удержания тот дефензивный характер [4]), какой оно имеет во французском или английском праве?

Социально-хозяйственное назначение банковского права удержания сводится не только к максимальной обеспеченности банковских

---

[1]) См. составленную нами об'яснительную записку ко второй редакции проекта в „Вестнике Финансов", 1925 г., № 6: „Основные проблемы банкового законодательства".

[2]) Проф. *М. М. Агарков*, цит. статья, стр. 79.

[3]) См. нашу ст. „Банковские операции и законодательство о них" в „Вестнике Финансов", 1926 г., № 3, стр. 72—73.

[4]) Такова, повидимому, точка зрения авторов проекта Валютного Управления НКФ СССР—ср. *М. М. Агарков*, цит. ст., стр. 79: „Право удержания не предоставляет кредитору возможности получить преимущественное перед другими кредиторами удовлетворение из стоимости заложенного (?) имущества, а дает ему только право удерживать это имущество впредь до погашения его требования".

активов, но и к их максимальной *ликвидности,* с чем мало вяжется *пассивное выжидание* того воздействия, которое осуществление права удержания окажет на неисправного клиента. Банк заинтересован именно в том, чтобы получить причитающиеся ему *деньги* из вырученной от реализации удержанного имущества суммы, а не держать эти *товары и ценные бумаги* в своих складах и кассах. Германское законодательство дает эту возможность не только банку, но и каждому деятелю торгового оборота вообще (§ 371 HGB). Еще дальше идет швейцарское законодательство, допускающее реализацию удержанного имущества как для торгового, так и для общегражданского оборота (§ 898 ZGB). Нет никаких оснований отказывать в подобном праве и банкам СССР. Сомнения могут возникнуть лишь в вопросе о том, следует-ли реализацию удерживаемого имущества подчинить особым правилам или можно распространить на нее общий порядок реализации банковских залогов.

Германское и швейцарское законодательства, предоставляя лицу, осуществляющему право удержания, возможность реализовать удерживаемое имущество на основаниях, установленных для залогодержателей, требуют, однако, в из'ятие из общих норм об экзекуции залога <§§ 1233 ff. BGB), чтобы ретентор *предварительно получал исполнительный лист,* или соответствующий ему акт против своего должника (§ 371 HGB, § 898 ZGB). Об'яснительная записка к германскому торговому уложению мотивировала это ограничение тем, что залоговое право (не исключая и законных залоговых прав) возникает только в отношении тех требований, которые имеют отношение к вещи или для которых вещь заранее предназначена—по воззрениям оборота—служить залоговым обеспечением, в то время, как по отношению к удерживаемым вещам и претензиям, в обеспечение коих они удерживаются, не требуется никакой связи. Вместе с тем, и необходимые предпосылки для осуществления права удержания обычно не легко могут быть установлены *). Германские юристы указывают, однако, что и требования ретентора должны находиться в известной „деловой связи“ с удерживаемыми ценностями, что и последние—по тем же воззрениям оборота — заранее предназначены служить обеспечением требований ретентора (именно, на признании .этих воззрений оборота и основано наделение ретентора правом удовлетворения из удержанного имущества) и что предпосылки осуществления залогового права часто так же трудно установить при залоге, как и при удержании вещей 2).

Германские банки, как мы видели, исключают эту необходимость либо путем подмены права удержания более сильным залоговым пра-

!) Цит. по ст. *Wolff*'a, Die Ware, S. 111.

-) *Wolff,* Die Ware, S. 112.

вом (Pfandrechtsklausel), либо расширением своих полномочий, связанных с правом удержания, в порядке договорных соглашений с своими клиентами [1]). Можно спорить о том, насколько допустим отказ от требования исполнительного листа или судебного приказа в отношении остальных участников торгово-промышленного оборота, осуществляющих право удержания в сфере торгового оборота. Лично мы думаем, что в обстановке не вполне установившегося еще делового оборота СССР было бы преждевременно идти на подобное расширение „внесудебной защиты" для *любого* участника торгового оборота. Но по отношению *к банкам* возможно и иное решение. Правовые отношения банков с их клиентами выливаются в гораздо более *четкую форму*, чем отношения деятелей того же торгового оборота по обычным торговым сделкам. Банковские претензии, в осуществление коих банк экзекутирует удержанное имущество, обычно носят более определенный и бесспорный характер, чем претензии, вытекающие из других сделок торгового оборота. Важно лишь, чтобы экзекуция банками всякого имущества—как специально заложенного, так и просто удержанного—производилась в порядке и при условиях, максимально гарантирующих интересы клиента и делового оборота в целом (в частности, других кредиторов клиента). Соответствующие правила об экзекуции банковских залогов были выработаны Институтом Экономических Исследований НКФ СССР при ближайшем участии представителей ленинградских банков (в виде приложения к проекту Кредитного Устава СССР) и с некоторыми изменениями воспроизведены в проекте Валютного Управления НКФ СССР. Если эти правила будут распространены и на реализацию *удержанного* имущества, нет оснований требовать предварительного получения банком исполнительного листа или судебного приказа для таковой. За неправильное использование банком права удержания он ответит перед клиентом на общих основаниях. Можно, в крайнем случае, установить для клиента, имущество которого было удержано и экзекутировано без законных оснований, право на преимущественное удовлетворение при несостоятельности банка.

4. Остается последний вопрос—наиболее сложный теоретически и важный практически: *о ранге права удержания* в ряду других преимущественных прав при *несостоятельности* клиента. Французские юристы, отрицая за ретентором право на преимущественное удовлетворение (droit de préference), признают, однако, за ним право не выдавать вещи до полной оплаты его претензий, как по отношению к конкурсному управлению (ср. art 578 C. com.), так и по отношению

---

[1]) *Wolff*, являющийся принципиальным противником приведенной нормы, высказывается за действительность соглашения контрагентов об осуществлении права удержания без обращения к суду (Die Ware, S. 112). Того же мнения, повидимому, *Müller-Erzbach*; он отмечает, однако, что эта точка зрения не всеми разделяется (Bd II, S. 414).

к другим кредиторам должника. Иначе говоря, они наделяют ретентора фактически тем же преимуществом, в котором они отказывают ему юридически, и тем самым приравнивают право удержания—по его конечному эффекту—к залоговому праву [1]). Равным образом, и английские юристы, отказывая ретентору в праве продажи удерживаемых ценностей должника, разрешают ему все же противопоставлять право удержания третьим лицам и в случае несостоятельности должника [2]).

Таким образом, придавая праву удержания чисто дефензивный характер и в то же время разрешая противопоставлять его третьим лицам, требующим выдачи удерживаемого имущества,—без каких либо из'ятий из этой общей нормы на случай несостоятельности клиента [3]), мы ни в какой мере не избежим трудностей, связанных с вопросом о месте права удержания в ряду остальных прав на имущество несостоятельного банковского клиента. Если его могли обойти молчанием французские юристы, не связанные большим числом законных привиллегий, идущих впереди залогового права, то для советского законодателя—при наличии таковых—этот вопрос менее всего может быть разрешен путем отказа от прямого ответа на него. Германский конкурсный устав разрешает его довольно просто, предоставляя лицу, имеющему „купеческое" право удержания, и владельцу чужой вещи (в случае, указанном § 1003 BGB) то же право на отдельное удовлетворение (Absonderungsrecht) из удерживаемого имущества (§ 49/I KO), которое закон предоставляет и залогодержателю (§ 48 KO), и признавая приоритет лишь за претензиями фиска по общегосударственным и местным налогам, падающим на удерживаемое имущество (§ 49/II KO). Гораздо сложнее решение вопроса для СССР. Действующие банковские правила вообще его не затрагивают. Устав Внешторгбанка разрешает его вполне определенно лишь в отношении товаров и ценностей, представленных в обеспечение по онколю и ссудам, предоставляя банку обращать вырученные от продажи таковых суммы в покрытие как залоговых претензий, так и „всех вообще долгов заемщика" преимущественно перед претензиями всех других кредиторов клиента, за исключением претензий его рабочих. По отношению же к остальным товарным ценностям, находящимся во владении банка не на залоговом праве, устав, равно как и правила, оставляет вопрос открытым. Поскольку вопрос о ранге банковских претензий, обеспеченных *залогом*, получил ныне окончательное разрешение в общесоюзном масштабе (декрет ЦИК и СНК СССР от 11/XII 1925 г.—Собр.

---

[1]) *Thaller-Percerou*, n° 1983; *Baudry-Lecantinerie*, t. II, n° 1360; Planiol, t. II, n° 2533. Ср. его же жалобы на трудности, связанные с установлением очередности привиллегированных претензий во французском праве (t. II, n° 2622).

[2]) Ср. *Jenks*, t. I, pp. 118, 662—666.

[3]) Так, повидимому, ставит вопрос проект Валютного Управления НКФ СССР (см. цит. статью *М. М. Агаркова*, стр. 79).

Зак., № 84, ст. 630), в отношении же общего порядка удовлетворения залогодержателей остается резкое расхождение между ст. 101 ГК РСФСР (в ред. декрета ЦИК и СНК от 11/VIII 1924 г.) и ст. 101 ГК УССР (в ред. декрета ВУЦИК и СНК от 1/VII 1925 г.), мы стоим перед дилеммой: приравнять банковское право удержания в отношении очередности удовлетворения претензий к *банковскому залоговому* праву— или же найти для него какое-то иное место в ряду остальных преимущественных прав на имущество несостоятельного клиента.

Для законодательства УССР, сузившего круг претензий, идущих впереди общегражданского права залога почти до пределов, установленных декретом ЦИК и СНК СССР от 11/XII 1925 г. для залогового права банков, более или менее безразлично, будет-ли право удержания приравнено к *банковскому* или к *общегражданскому* праву залога Но для законодательства РСФСР это—попрежнему один из труднейших вопросов. Пока в порядке *общего* изменения ст. 101 ГК РСФСР не сужен предусмотренный ею круг привиллегированных претензий, мы затруднились бы рекомендовать распространение специальных из'ятий, установленных в отношении *определенного круга об'ектов и претензий, на все об'екты*, попадающие во владение банка, и *на все его претензии* к клиентам. Как бы ни стремиться к обеспеченности и ликвидности банковских актов, трудно все же создавать столь исключительные права для банков не только в отношении залоговых, но и всех остальных их претензий—при столь ослабленном действии залоговых прав других кредиторов. Целесообразнее последовать примеру УССР в отношении ст. 101 ГК и, усилив эффект *общегражданского* залогового права, подготовить необходимые предпосылки и для более эффективного *банковского* права удержания.

Проф. **А. В. Венедиктов.**

Договор комиссии.

1. Допустим ли комиссионный договор в нашем обороте?

С первых же дней новой экономической политики договор комиссии завоевал себе определенное место в нашем торговом обороте.

Тем не менее, до настоящего времени юристы, вместо того, чтобы попытаться дать желательные, с точки зрения основных тенденций нашего хозяйства, контуры этого договора, все еще продолжают спорить не только о допустимости комиссионных отношений в Советском товарообороте, но даже о самом существовании этих отношений. Совсем недавно одно государственное предприятие, специально учрежденное для производства комиссионных операций, в лице своего юрисконсульта, в кассационной жалобе на судебное решение серьезно восклицало: „взаимоотношения по данной сделке должны регулироваться применительно к нормам договора поручения, *поскольку договор комиссии еще не нормирован Советским законодательством*“ (курсив наш. А. Ш.) [1]).

Подобный правовой скептицизм имеет глубокие, общественно-психологические корни, лежащие в мировоззрении буржуазной юриспруденции. Едва ли какая-либо отрасль человеческого знания так обильно засорена всякого рода фикциями как юриспруденция. Среди них почетное и не последнее место занимает фикция абсолютной предрешенности системой положительного права всех вопросов, возникающих на почве живой экономической практики. Все предусмотрено. Все предустановлено. Все предрешено. Стоит только хорошенько поискать— ответ предуготовлен. Если же вы не можете найти ответа, пеняйте на себя. Значит, вы не достаточно прониклись „духом“ данной системы.

Своеобразный юридический „кальвинизм“ этот, выработанный на почве разработки системы римского права, когда-то сыграл не малую роль в борьбе буржуазной законности с крепостническим произволом и усмотрением.

---

[1]) Цитата приведена по реш. ВАК ЭКОСО РСФСР. по делу № 120—3 ст. 1925 г.

В начале нашего столетия наиболее передовой буржуазный гражданский кодекс, Швейцарское Гражданское Уложение 1907 года открыто признало ложность этой фикции. Оно предоставило суду в тех случаях, когда данное конкретное отношение не может быть разрешено путем толкования закона и применения аналогии, решать дела по такому правилу, которое он, судья, установил бы, будучи законодателем (ст. 1 Шв. Гр. Улож.).

По пути открытого признания провалов в праве пошло и наше законодательство; но, в отличие от швейцарского, оно правильно поставило суд в его правотворческой деятельности под контроль „общей политики Рабоче-Крестьянского Правительства" (ст. 4 ГПК РСФСР).

Наш законодатель иначе и не мог поступить, так как идея логической замкнутости положительного права в общей системе Советского строительства не приемлема по принципиальным соображениям. Мы слишком далеки от мысли о том, что развитие отдельных правовых институтов составляет продукт некоего имманентного права, как такового, процесса, в котором логически развертывается дух данной правовой системы.

Поэтому при построении новых хозяйственных институтов, не предусмотренных системой положительного законодательства, необходимо, разрешив вопрос о допустимости действия института в условиях нашего хозяйства, найти правильную квалификацию его, чтобы несвойственной институту формой не изуродовать живого экономического организма. Иначе—всякий раз при применении аналогии необходимо помнить, что последняя не беспредельна и безнаказанно не может быть применена всюду и во всех случаях жизни.

Допустимы ли комиссионные операции в условиях Советского хозяйства? Безошибочный ответ на этот вопрос мы находим в Советском же законодательстве. Еще на грани двух периодов нашего хозяйства, между новой экономической политикой и периодом отмирания системы „военного коммунизма", Правительство РСФСР, определяя порядок привлечения потребительской кооперации органами государства к выполнению товарообменных и заготовительных операций, указывало, что „договоры на отдельные продукты могут заключаться на основе *комиссионных* поручений без определения цен" [1]).

На второй же день после введения в действие ГК РСФСР, 2-го января 1923 года, Правительство РСФСР приняло два закона: о порядке учреждения и регистрации *комиссионных* предприятий и о мерах к урегулированию торговых операций госучреждений и госпредприятий, в которых также трактуются вопросы комиссионных отношений [2]). Небезинтересно отметить, что последний закон НКЮ РСФСР в коди-

---

[1]) Собр. Узак. 1921 г. № 72, ст. 576.

[2]) Собр. Узак. 1923 г. № 2, ст. 23 и № 14, ст. 173.

фикационном порядке включил в ГК в качестве приложения 3 к прим. ст. 16 кодекса.

О договоре комиссии, как об'екте гербового обложения, имеется прямое указание в пункте „д“ прим. 1 § 37 прилож. 1 к Уст. о госуд. герб. сборе [1]); о комиссионном вознаграждении—в пункте „б“ ст. 1 постановления СНК СССР от 4 апреля 1924 года о предоставлении государственными и кооперативными организациями в финотделы сведений о частных предприятиях [2]).

Наконец, 16-го декабря минувшего года Украинская Республика принимает уже подробно разработанный закон о договоре комиссии [3]).

Приведенный экскурс в наше законодательство в достаточной степени должен убедить в неосновательности позиции тех, кто страдает, если можно так выразиться, некоей „правобоязнью“ [4]).

Таким образом допустимость комиссионной работы, с известными ограничениями в частном обороте, и без них в обороте внутри-государственном и кооперативном, с точки зрения нашего хозяйственного строительства, вне сомнений.

2. Самостоятельное значение договора комиссии.

Есть ли комиссии самостоятельный договор, не нормированный в системе ГК РСФСР или разновидность договора поручения?

Первой точки зрения придерживаются Наркомторг СССР и ВАК Экосо РСФСР, второй—НКЮ и Верхсуд РСФСР [5]).

Первая точка зрения представляется нам более правильной. Для применения по аналогии разд. IX ГК РСФСР к договору комиссии необходимо доказать, что выставляемые аналогичными по договору поручения и комиссии отношения не только сходны между собой в некоторых признаках, свойственных обоим договорам, но что основания этих отношений равны между собой.

В силу производного от экономики характера права, основанием правоотношения является экономическая функция института, та потребность, которая вызвала его к жизни, как его оправдание и при-

---

[1]) Вестн. ЦИК, СНК и СТО СССР, 1923 г. № 5, ст. 114.

[2]) Собр. Узак. 1924 г. № 53, ст. 524.

[3]) „Вісти“ 1926, № 6. Следует отметить, что о комиссионном договоре прямо упоминается также в уставах наших синдикатов и банков.

[4]) „Приведенное мнение АК, абсолютно противоположное нашей точке зрения, мы считаем неправильным и не вытекающим из действующих норм Советского права. так как придерживаясь его, неизбежно придется встать на путь *противоречия* закону“ (курсив наш. А. Ш), восклицает тов. П. Х. в статье „Комиссионер по Советскому праву“ в № 12 за 1925 год „ЕСЮ“.

[5]) Раз'яснение НКторга, „Торг. Изв.“ № 5—1925 г.; указ. выше реш. ВАК Экосо РСФСР; раз'яснения НКЮ РСФСР, Изв. ЦИК, № 89—1924 г. и „ЕСЮ“ № 14—1925 г.; опр. Верхсуда РСФСР по д. № 33668—1924 г., в сб. опр. Верхсуда за 1925 г., стр. 14.

чину. Только при этом условии одинаковости экономических функций двух правовых институтов, или, выражаясь языком нашего Гражд. Код., „социально-хозяйственного назначения" их, можно перенести норму, установленную для известного отношения, на другое, родственное первому, но не совпадающее с ним.

Хозяйственное значение поручения обусловлено потребностью хозяйственного оборота в персонификации чужой деятельности путем представления управомоченного суб'екта в другом лице. Последний в обороте полностью представляет, вернее олицетворяет доверителя, от имени которого он действует. Отношения между ними строго личные. Экономически поверенный тяготеет к доверителю. Он обслуживает последнего и ни в каких самостоятельных хозяйственных отношениях ни с ним, ни с участниками оборота не состоит.

В ином свете обрисовывается экономическая фигура комиссионера. Он прежде всего *самостоятельный промысловый деятель и ценен именно в этом своем качестве.* Он нужен препоручителю, комитенту; не менее, если не более, он нужен и участникам оборота. Последние, приобретая переданные комиссионеру для продажи товары, приобретают их именно у комиссионера, хотя бы они знали о посредствующей роли комиссионера. Равным образом, продавая ему свои товары, они продают именно ему, а не скрывающемуся за спиной его комитенту.

Кредит комиссионера, его фирма, его подпись на векселе ценен обороту, а не лицо и имя комитента, которого он заслоняет собой. По удачному выражению проф. П. П. Цитовича, „для третьих лиц комитент не заменен, а заслонен; он не представлен, а *заставлен* комиссионером" [1]).

Отсюда — комиссионер самостоятельный предприниматель, а не лицо, принадлежащее к служебному персоналу чужого предприятия. Экономически он и не филиал последнего, как это, напр., имеет место при открытом поручении, даваемом юридическому лицу. Отсюда же специфические признаки договора комиссии, при том не только на внешней стороне, лицом к обороту, но и на внутренней. Отсюда, наконец, принципиально возмездный характер комиссионной деятельности.

3. Существенный признак договора комиссии.

Указанной позицией комиссионера в экономическом обороте оправдывается общепринятый в науке и западной практике признак договора комиссии—исполнение комиссионером чужого поручения *от своего имени*, но за счет комитента.

---

[1]) „Очерк основных понятий торгового права". Киев. 1886 г., стр. 66. (Курсив подлинника).

Признак этот принят Украинским законом (ст. 275[1] ГК УССР); этот же признак положен в основу суждений НКторга СССР и ВАК Экосо РСФСР при построении ими комиссионных отношений.

Следует, впрочем, указать, что некоторые законодательства, как напр., французское, признают наличность комиссионных отношений и в том случае, когда комиссионер совершает сделку от имени комитента. Справедливо однако указывают, что при такой конструкции стирается всякая грань между комиссионером и поверенным; не только юридически, но, что важнее, и экономически.

Поэтому указанный признак необходимо сохранить в нашем будущем законе, так как именно им предопределяется все специфическое в деятельности и правовом положении комиссионера. В частности, для предупреждения бесплодных и излишних конфликтов на почве непонимания природы комиссионных отчошений было бы полезно в тексте закона указать, что по договору комиссионера с третьим лицом приобретает права и становится обязанным комиссионер, а не комитент; хотя бы последний и был назван в договоре или вступил в непосредственные сношения с третьим лицом по исполнению договора, заключенного с ним комиссионером. В приведенном выше решении ВАК Экосо РСФСР комиссионер-госпредприятие свою безответственность перед покупщиком комиссионного товара обосновывало именно указанием в маклерской записке на то, что оно действует по поручению комитента.

4. Сфера применения договора комиссии.

Много разногласий в теории и законодательной практике Запада вызывает вопрос о сфере применения комиссионных поручений. Должна ли она быть ограничена куплей-продажей (в том числе поставкой) имущества, или же предметом договора комиссии могут быть всякие не запрещенные законом сделки, как-то страхование чужого имущества, экспедиция, инкассовые поручения, и т. п.

Швейцарский закон ограничивает комиссионные операции лишь куплей-продажей имущества. Украинский закон избрал второй, ошибочный, на наш взгляд, путь. По тому же пути идет проект Комиссии законодательных предположений (КЗП) при СНК СССР.

Стихия комиссионной деятельности—покупка и продажа по поручению комитента. Об этом косвенно свидетельствуют даже те законодательства, которые значительно расширяют сферу применения комиссионных отношений. За исключением лишь одной статьи, трактующей о предмете договора, все остальные постановления их изложены так, как если бы речь шла только о поручении купить или продать.

Против расширения сферы действия комиссионного договора говорят и другие соображения.

Инкассовые поручения кредитным учреждениям производятся последними по правилам, имеющим чрезвычайно автоматический характер; едва ли мы были бы не правы, сравнив инкассовые поручения с почтовой операцией, известной под именем „наложения платежа". Автоматичность эта слишком не мирится с фигурой комиссионера, призванного, как увидим ниже, действовать с предусмотрительностью заботливого хозяина. Поэтому подводить эти операции под действие договора комиссии было бы неправильно и экономически не резонно.

Наоборот, страховые операции, под углом зрения комиссионной деятельности, слишком „*личны*", в смысле зависимости действия страхового договора от личности страхователя. При переходе застрахованного имущества от последнего к другому лицу страховщик, по нашему закону (ст. ст. 387 и 388 ГК РСФСР), в праве в определенный срок заявить о расторжении договора. Ведь, страховщик принимает имущество на страх от известного лица, которому он верит и доверяет.

Правда, на это можно возразить, что договор имущественного страхования может заключить всякое лицо, заинтересованное в целости имущества, и даже в пользу выгодоприобретателя (ст. 373 ГК РСФСР) и что, ведь, комиссионер по продаже или покупке также страхует чужое имущество.

Но, во-первых заключение договора имущественного страхования с назначением в нем выгодоприобретателя еще не равносильно переходу застрахованного имущества в другие руки; а во-вторых, застрахование купленного для комитента имущества или имущества, полученного от него для продажи, имеет служебное значение на период нахождения этого имущества в обладании комиссионера. Пусть страховщик после выхода указанного имущества из распоряжения комиссионера откажется продолжить действие заключенного им с комиссионером договора. Страхование в этом случае не предмет комиссионного поручения, а только способ сохранения комиссионного имущества, в период нахождения его на попечении комиссионера.

Значительно сложнее обстоит вопрос с экспедицией. Многие считают договор экспедиции разновидностью договора комиссии. Известный „Проект Торгового Свода СССР", выделяя его в самостоятельный договор, тем не менее ряд постановлений договора комиссии переносит на договор экспедиции (ст. 137 Проекта). Проект КЗП и Украинский закон, как указано выше, экспедицию прямо считают договором комиссии.

Основное наше возражение против распространения действия договора комиссии на экспедиционные отношения сводится к тому, что отношения эти в нашей практике еще не достаточно отстоялись. Практика транспортных организаций, занимающихся экспедицией грузов, как будто бы предпочитает прямое полномочие скрытому по-

ручению. Нередко, в силу специальных постановлений регулирующих органов, невозможно даже исполнение экспедиционного поручения без прямого указания имени грузовладельца и активного содействия последнего. Наконец, самый предмет экспедиционных поручений—заключение договоров с железно-дорожными, водными и др. подобными транспортными организациями—значительно с'уживает сферу инициативы экспедитора при транспортировке порученных ему грузов; а при таком положении деятельность экспедитора скорее должна напоминать налаженную деятельность заведенной машины, чем деятельность предпринимателя, выбирающего одну из многих представляемых комбинаций в целях наилучшего исполнения чужой воли.

Без особых доказательств должно быть ясно, что еще менее пригодны служить предметом комиссионного поручения другие „незапрещенные законом сделки“, как-то: подряд, аренда, заем и т. п.

При определении сферы применения договора комиссии следовало бы покуда руководствоваться принципом: „лучше меньше, да лучше“. Повседневный опыт показывает, что немалое количество участников оборота не умеет ориентироваться в комиссионных покупках и продажах. Если это так, без нужды не стоит осложнять и расширять сферу применения комиссионного договора.

Нельзя согласиться с Проектом Торгового Свода, ограничивающим комиссионные поручения в другом отношении. Ст. 115 проекта предмет поручения ограничивает рамками совершения *одной* определенной сделки.

Украина в этом отношении поступила правильно, установив, что комиссионеру может быть поручено совершить „одну или несколько сделок“ (ст. 275[1] ГК УССР). В том же смысле разрешен вопрос КЗП.

В чем хозяйственный смысл ограничения. Оправдывается ли оно практикой нашего государственного и кооперативного оборота. Думается, нет достаточных оснований к ограничению действия так наз. генеральных комиссионных соглашений, практикуемых государственными трестами и синдикатами как между собой, так и с кооперацией.

5. Форма договора.

Договор комиссии обязательно должен быть облечен в письменную форму; простую, *не нотариальную.*

Если еще нельзя в государственном обороте позволить себе, вследствие неизжитой расхлябанности аппарата и отсутствию навыков бережного отношения к порученному делу, значительно расширить словесную форму сделок, все же следует признать, что накопленный за годы новой экономической политики опыт дает достаточно оснований настаивать на простой письменной форме комиссионного договора. Обыкновенное торговое письмо вполне достаточно для оформления

комиссионого соглашения. Нередко уместна только телеграмма, и даже „молния“, так как более ранняя полезность всегда есть большая полезность. Поэтому следует решительно возражать против применения ст. 137 ГК РСФСР к комиссионным отношениям.

Допуская оформление договора путем обмена обыкновенными торговыми письмами, необходимо рассмотреть близко относящийся к совершению договора вопрос, имеющий к тому же большое практическое значение. Если комиссионер имеет постоянно функционирующее предприятие и принимает поручения в виде промысла, должен ли он считаться принявшим поручение при оставлении без ответа писем комитента.

Западная практика в этом случае всегда решает, что молчание является знаком согласия.

Такое разрешение вопроса, очевидно, противоречит ст. 134 ГК РСФСР. Независимо от.этого, оно неприемлемо в настоящий момент, в силу указанных выше причин: техника деловых отношений у нас еще недостаточно четка.

6. Суб’еиты договора.

Кто может быть комиссионером и комитентом? Следуя Украинскому закону, было бы не бесполезно в нашем будущем законе указать, что комиссионером и комитентом могут быть как физические, так и юридические лица. Указание, на первый взгляд излишнее, как само собой разумеющееся, однако необходимое при нашей, нередко, склонности отрицания за юридическими лицами права на совершение тех или иных сделок, не в силу их целевой правоспособности, а в силу соображений вне права и экономики стоящих.

Необходимо ли в законе о договоре комиссии регламентировать правовой статус и условия вступления в комиссионные отношения отдельных категорий суб'ектов нашего оборота: госпредприятий и учреждений, кооперации и деятелей частного хозяйства?

Украинский закон о договоре комиссии подобной регламентации не содержит. Законодательство РСФСР в ряде специальных постановлений устанавливает ряд ограничительнных правил для *частной* комиссионной деятельности. Проект КЗП воспроизводит некоторые из этих правил.

Позиция Украинского закона представляется нам белее правильной. Украинское законодательство также знает ряд ограничительных постановлений как для частного комиссионного оборота в чистом виде, так и при вовлечении частного предпринимателя в государственный комиссионный оборот. Всего многообразия этих ограничений в законе о *договоре* комиссии невозможно предусмотреть. Вводить же в него лишь некоторые нет достаточных оснований. При построении закона о договоре комиссии необходимо прежде всего исходить из нужд

и интересов государственного и кооперативного оборота как такового. Всякого рода административно-финансовые меры и организационные принципы, направленные к регулированию комиссионной деятельности, государственной или частной, безразлично, в целях введения этой деятельности в определенное русло, не должны влиять на гражданско-правовую нормировку института. Модификации, которые должен претерпеть договор комиссии, при вовлечении в сферу комиссионных отношений госпредприятий представителей частного капитала, не должны быть отражены в законе о договоре комиссии. Модификации эти слишком изменчивы и определяются в зависимости от учета хозяйственной кон'юнктуры. Здесь требуются иные средства и иные императивы. Нормы, регулирующие эти модификации, скорее директивного, чем распределительного характера. Гражданско-правовые нормы для этой цели слишком неповоротливы, слишком неуклюжи, слишком стеснительны. Они расчитаны на случаи „постолько-посколько". Действие их начинается там, где оканчивается действие нормы директивной. Поэтому мы бы считали более целесообразным выделить соответственные постановления, как организационного, так и директивного характера из текста закона о договоре комиссии.

7. Об'ем ответственности комиссионера.

Комиссионер при выполнении комиссионного поручения должен во всем проявлять предусмотрительность заботливого хозяина. Поэтому на него должна быть возложена ответственность не только за умысел и неосторожность, как это установлено законом в отношении поверенного (ст. 253 п. 4 ГК РСФСР), но и за малейшую неосмотрительность. Вместе с тем на нем должна лежать тяжесть доказательства наступления невыгодных последствий по случайным обстоятельствам.

Украинский закон требует от комиссионера предусмотрительности заботливого хозяина только в частном случае хранения у него имущества комитента (ст. 275^{10} ГК УССР). Представляется непонятным, почему комиссионер должен быть освобожден от ответственности за проявленную им неосмотрительность в других случаях, напр., при оформлении сделки, при выборе тары и т. п.

8. Значение указаний комитента.

Комиссионер должен, далее, действовать во всем в пределах указаний комитента, а при отсутствии их—с наибольшей выгодой для комитента. В частности он обязан передать всю выгоду, сверх причитающихся ему сумм, комитенту. Положения эти общеприняты в теории и на практике и усвоены Украинским законом и проектом КЗП. В условиях нашего хозяйства, в целях поддержания правительственной

политики цен, следовало бы дополнить эти положения одной оговоркой: если комиссионеру дано твердое указание продать не свыше лимита, или купить не ниже лимита, он не в праве отступить от этих указаний, *хотя бы к явной материальной выгоде комитента*. Последнее— „не ниже лимита"—особенно важно при хлебозаготовительных и сырьевых операциях.

9. Застрахование комиссионного имущества.

Обязан ли комиссионер страховать находящееся у него имущество комитента? Вопрос этот теорией и практикой европейских законодательств разрешается в том смысле, что комиссионер обязан, если на то есть прямое или предполагаемое указание комитента.

Этот же принцип проводится Украинским законом и проектом КЗП, что едва ли правильно, с точки зрения общей позиции нашего законодательства. Принцип сохранения и умножения ценностей— основной регулятивный принцип нашего законодательства (ст. 4 ГК РСФСР и УССР). Начало это получило конкретное воплощение в ряде статей Гражд. Кодекса в отношении владения чужим имуществом. Так, ст. 97 обязывает залогодержателя застраховать за счет залогодателя находящееся у него имущество последнего; ст. 73 предписывает обязательно включать в договор застройки условие о страховании; наниматель национализированного или муниципализированного имущества (предприятия или строения), по ст. 164, обязан застраховать в пользу государства или местного совета, по принадлежности, за свой счет нанятое имущество.

Учитывая общее направление нашего законодательства в вопросе о сохранении имущества, было бы правильно признать, что комиссионер обязан застраховать за счет комитента находящееся у него имущество, если обратное прямо не указано в комиссионном договоре.

По мнению проф. Шретера установившаяся в этом вопросе позиция европейских законодательств находится „в обычном противоречии с пониманием оборота" [1]). Во всяком случае противоречие этой позиции с пониманием нашего оборота едва ли может быть опровергнуто.

10. Ответственность комиссионера за недостатки принятого им от третьего лица имущества.

В условиях нашего хозяйственного строя роль комиссионера нередко не ограничивается заключением сделки и передачей последней комитенту. Весьма часто комиссионер не только заключает сделку; он также принимает исполнение от третьего лица в пользу комитента. В известных случаях комитент даже при активном желании самому

---

1) В. Шретер. Внутренняя торговля. Изд. „Экономическая жизнь" 1926 г., стр. 149.

непосредственно принять от третьего лица предмет заключенной комиссионером сделки, бывает лишен этой возможности. Между тем, такое положение на практике приводит к тому, что принятый комиссионером товар оказывается дефектным, а комиссионер отсылает комитента к третьему лицу. Особенно часты эти случаи при импортных операциях.

Следовало бы установить, что комитент в праве отказаться от приобретенных комиссионером товаров, если последние были приняты комиссионером от третьего лица и оказались ненадлежащего качества Такое правило, ставя комиссионера под угрозу невыгодных последствий, подстегнуло бы его к более внимательному отношению к своим обязанностям и в значительной степени способствовало бы улучшению качества продукции государственной промышленности.

11. „Делькредере".

Из всей структуры взаимоотношений комиссионера с комитентом вытекает, что комиссионер должен отвечать лишь за точное, но вместе с тем осознанное выполнение данного ему поручения. Он не может быть признан ответственным за исполнение заключенной им в интересах комитента сделки. Если последняя нарушена или ненадлежаще исполнена третьим лицом, комитент в праве потребовать от комиссионера лишь передачи ему комиссионером прав по заключенной им с третьим лицом сделке. Для установления непосредственной ответственности комиссионера за действия третьих лиц необходимо некоторое осложнение договора комиссии. Необходимо, чтобы комиссионер специально принял на себя ручательство за реализацию заключенной им сделки. Ручательство это именуется в юридической догматике термином „делькредере". Оно не предполагается, а потому требует прямой оговорки. Нормально комиссионер принимает на себя такое ручательство лишь за особое вознаграждение.

Норма о „делькредере" воспроизводится Украинским законом и проектом КЗП.

12. Ответственность комиссионера за выбор контрагента.

Сохраняя принцип безответственности комиссионера за осуществимость заключенной им сделки, следует однако установить ответственность комиссионера за выбор контрагента.

Установление такой ответственности диктуется: в обороте внутреннем—значительным количеством маломощных участников торгового оборота, стихийно возникших и вовлеченных в пучину рынка, влачащих жалкое существование только потому, что они еще не успели, добровольно или в принудительном порядке, прекратить свою деятельность. В обороте внешнем—в силу специфических условий

организации нашей внешней торговли. Для огромного большинства участников гражданского оборота экспорт и импорт доступны только в форме комиссионной операции. Будучи лишены возможности непосредственно экспортировать и импортировать необходимое сырье, материалы, полуфабрикаты и изделия, участники гражданского оборота, особенно государственные предприятия, должны иметь право ответственность за выбор иностранных фирм и предприятий оперативными органами НКторга или другими организациями, которым непосредственно доступен внешний рынок, возложить на эти организации, действующие на комиссионном праве.

Расширение ответственности комиссионера до этих пределов вытекает также из общей позиции его в обороте. Комитент обращается к комиссионеру не только потому, что его (комитента) не знают на местном рынке. Нередко он сам недостаточно осведомлен об участниках местного оборота. Комиссионер не только заслоняет комитента. Он также восполняет недостающие последнему связи, знания и ориентировку в местных условиях. Проф. Шретер ответственность за выбор контрагента выводит из общей обязанности комиссионера действовать „в интересах наибольшей выгоды комитента“ [1]). Однако было бы лучше специально оговорить и предусмотреть ответственность эту в законе. Так было бы спокойнее для оборота.

13. Прекращение договора.

Обязан ли комиссионер исполнить комиссионный договор?— Вопрос, как будто бы нелепый. Для чего заключать договор, если исполнение его может быть поставлено в зависимость лишь от доброй воли комиссионера?—К сожалению, вопрос этот традиционно ставится так: считают, что комиссионер в праве во всякое время отказаться от комиссионного договора, предварительно предупредив об отказе комитента. По пути этой традиции пошли Украинский закон и проект КЗП.

Традиция эта легко об'яснима. Она основана на невольном сближении договора комиссии с договором поручения, в силу которого поверенный во всякое время в праве отказаться от принятого на себя поручения. Ошибочность такого сближения указана выше.

Стараясь, очевидно, смягчить позицию проекта КЗП в этом вопросе, проф. Шретер в той же работе говорит: „нужно думать, что законопроект имел в виду в данном случае длительные комиссионные отношения, заключенные без указания срока“ [2]).

Следовало бы разумное предположение возвести в норму закона. Необходимо в последнем подчеркнуть, что комиссионер не может

[1]) Указ. выше соч., стр. 149—150.
[2]) Указ. выше соч., стр. 153.

безнаказанно отказаться от принятого поручения, разве договор в чем либо существенном был нарушен самим комитентом, либо после принятия поручения наступила действительная невозможность исполнения его. Там, где и поскольку допущен меновой оборот, как бы ничтожна ни была сфера меновых отношений, договор есть основное орудие динамики оборота. Участник оборотной сделки, в виде общего правила, не свободен от договора. По выражению проф. Гойхбарга, „договорное право является основным нервом хозяйственной жизни, содействующим планомерному связыванию раз'единенных хозяйственных суб'ектов" [1]. В частности, „вся работа госпредприятия основана на том, что его договоры с другими лицами будут соблюдаться и что есть сила, которая принудит контрагентов к соблюдению договоров. На этом основаны его расчеты на поступление денег, товаров, сырья и т. п. Если эти расчеты систематически будут нарушаться, работа госпредприятия станет *невозможной*. В виду этого, с точки зрения *не формального права*, а охраны общих интересов промышленности и предохранения ее *от дезорганизации*, которая неизбежно наступила бы в этом случае, первостепенной задачей АК должна явиться охрана договоров, представляющих собой основную форму обеспечения нормальной работы госпромышленности и торговли", читаем мы в одном из типичнейших и многочисленных по этому вопросу решений ВАК СТО и ВАК ЭКОСО РСФСР [2].

Комиссионер самостоятельный промысловый деятель; поэтому он должен быть связан договором. Никакой комитент не может построить хозяйственного плана, либо осуществить плановое задание, если он всецело отдан на милость комиссионера. Лесотрест, давший поручение банку купить хлеб, необходимый для сплавной операции, должен иметь уверенность, что комиссионер не откажется, безнаказанно, в самый канун сплава от принятого поручения. Хотя бы с соблюдением установленного в Украинском законе или проектируемого КЗП двухнедельного предупредительного срока.

В силу этих соображений необходимо отказаться от дурной традиции и установить, что комиссионер, подтвердивший принятие поручения, освобождается от последствий нарушений договора лишь в случаях существенного нарушения договора комиссии комитентом, либо действительной невозможности исполнения поручения. Вне этих случаев отказ комиссионера должен повлечь за собой ответственность его перед комитентом за все убытки на общих основаниях. Только так и при этом условии можно удержать комиссионера от соблазнов и спекулятивных вожделений, а комитенту обеспечить нормальную работу.

---

[1]) Проф. А. Гойхбарг. „Хозяйственное право РСФСР", т. I, стр. 137. Изд. ГИЗ, 1923.

[2]) Реш. Вак СТО по делу № 12—4 ст. 1924 г. Курсив наш. А. Ш.

14. Право на вознаграждение и возмещение расходов.

Основное право комиссионера сводится к праву его на комиссионное вознаграждение и возмещение комитентом всех произведенных комиссионером расходов.

Комиссионный договор, как было указано выше, в отличие от договора поручения, принадлежит к типу возмездных договоров. Вознаграждение комиссионера всегда предполагается, хотя бы в договоре об этом не было указаний. В случае неуказания вознаграждения западная практика, а по примеру ее и Проект Торгового Свода (ст. 129), призывают на помощь местный обычай. Неприемлемость такого разрешения вопроса у нас очевидна. Обычай нашим законодательством исключен, не без основания, из числа источников права. Следовательно, остается одно—усмотрение суда.

В силу договорного характера комиссионного поручения в указанном выше смысле (§ 13), совершенно очевидно, что право на комиссионное вознаграждение должно быть сохранено за комиссионером, при том в полной сумме, на случай одностороннего отказа, либо существенного изменения содержания поручения комитентом. Комиссионер также, как комитент, самостоятельный промысловой деятель; для него также, как для комитента важен оперативный план. Будучи ограничен в своих оперативных возможностях, приняв данное поручение, очевидно, он должен отказаться от ряда других.

По тем же соображениям за комиссионером должно быть признано право на возмещение всех убытков в случае непринятия комитентом без законного основания сделок, заключенных комиссионером до получения им отказа комитента, также как и безосновательного отказа последнего от договора.

Право на возмещение расходов должно быть ограничено лишь расходами *необходимыми* и вытекающими из существа поручения. Расходы *полезные* при наших ограниченных возможностях должны быть признаны роскошью.

15. Форма вознаграждения.

Значительно сложнее разрешается вопрос о форме вознаграждения комиссионера. Наиболее отвечающей существу комиссионных отношений является процентуальная, простая и диференциальная форма вознаграждения комиссионера. Будучи обязан действовать с наибольшей выгодой для комитента и передать всю выгоду, сверх причитающегося ему вознаграждения, комитенту, комиссионер при этой форме заинтересован сам: чем дороже он продаст комиссионный товар, тем больше он получит вознаграждения; наоборот, чем дешевле купит, тем больше он получит. Таким образом, процентуальная форма стимулирует комиссионера и вместе с тем ограждает интересы самого

комитента. Не так разрешен вопрос Украинским законом. „Комиссионное вознаграждение“, читаем мы в статье 275[23] ГК УССР, „может быть установлено в виде разницы или определенной части разницы между назначенной комитентом ценой и той более выгодной ценой, по которой комиссионер совершит сделку, а равно и в другой, незапрещенной законом форме“. Также разрешен этот вопрос в проекте КЗП.

Не трудно убедиться, что предусмотренная Украинским законом и проектом КЗП форма вознаграждения, сверх процентуальной, юридически противоречит природе комиссионных отношений. В одном случае—разница в цене—договор комиссии превращается в договор купли-продажи или поставки, в другом—часть разницы — стирается грань между договором комиссии и простым товариществом.

Поэтому правильнее, если не воспретить прямо иную, кроме процентуальной, форму вознаграждения, то установить, что вознаграждение комиссионера не может быть выражено в виде разницы между лимитом и покупной или продажной ценой.

16. Право комиссионера выступить стороной.

В праве ли комиссионер, скрыто или открыто, выступить стороной при исполнении поручения, т. е. продать комитенту собственное имущество или купить имущество комитента самому?

Украинский закон и проект КЗП, вслед за некоторыми западными законодательствами, разрешают этот вопрос в утвердительном смысле при условии существования рыночных или биржевых цен и отсутствия в договоре прямого запрещения комиссионеру выступить стороной. В литературе вопрос разрешается различно. Одни признают за комиссионером право выступления стороной; указывают, что нет оснований заставлять комиссионера купить товар на стороне, если он имеется у него, либо продать комиссионное имущество другому, если оно нужно самому комиссионеру. Другие решительно отвергают такое разрешение вопроса, по соображениям теоретическим и практическим. Говорят, что существо комиссионного договора заключается в поручении купить у кого-либо, или продать кому-либо. С кем же совершает комиссионер сделку, если он сам выступает стороной? Ответ может быть один — с самим собой. Практически, для комиссионера, призванного действовать исключительно в интересах комитента, открывается широкое поле для спекуляции, при том квалифицированной спекуляции. Превращаясь в покупщика или продавца, он соблюдает свой интерес и, кроме того, получает с комитента еще особое за то вознаграждение.

Поэтому второе решение вопроса представляется более правильным. Не только по тому, что по самому существу комиссионных отношений комиссионеру поручено купить, а не предложено продать, или

наоборот, поручено продать, а не' предложено купить. Не только, следовательно, во имя чистоты юридического принципа. Главным образом потому, что обратное решение вопроса давало бы комиссионеру неограниченную возможность спекуляции. Ни рыночная, ни биржевая цена не является той конкретной ценой, по которой часто комиссионер мог бы продать или купить, соблюдая действительные интересы комитента. Комиссионер не шахматный маэстро, а торговый оборот не шахматная доска, чтобы с должным беспристрастием играть за себя и за воображаемого противника—комитента.

Поэтому необходимо признать, что в тех случаях, когда комиссионер открыто выступает в качестве продавца или покупщика, отношения между ним и комитентом должны рассматриваться по началам договора купли-продажи. Это же правило должно быть применено и тогда, когда комиссионер при извещении об исполнении поручения не пожелает открыть имени своего контрагента.

17. Право залога и удержания.

За комиссионером следует признать право залога на имущество, находящееся в его распоряжении и составляющее предмет комиссии, в обеспечение всех его требований к комитенту по комиссионному договору. Равным образом при производстве расчетов с комитентом за ним следует признать право удержания из сумм, причитающихся комитенту, вознаграждения, эквивалента выданных комиссионером за счет комитента обязательств, авансов и всех произведенных комиссионером расходов по исполнению поручения.

Правила эти следует распространить и на случаи неоплатности комитента.

Обосновать юридически право удержания в указанных выше пределах не трудно; оно вытекает из права зачета, предусмотренного ст. 129 ГК РСФСР. Также не трудно обосновать залоговое право при комиссионной продаже. Имущество, переданное комитентом на комиссию, с точки зрения теории гражданского права, залогоспособно, т. к. оно в период нахождения в обладании комиссионера не перестает быть для последнего *чужим*. Сложнее вопрос о залоге при комиссионной покупке. По основным началам залогового права предметом залога может быть только чужое имущество, при чем залогодатель должен быть собственником заложенного имущества (ст. 86 ГК РСФСР). Между тем, при комиссионной покупке собственником купленного имущества формально продолжает оставаться комиссионер, так как сделка с продавцем заключена им от своего имени. Отсюда — неизбежный конфликт между правилами залогового права и, как увидим ниже, экономической необходимостью признания за комиссионером залогового права на формально принадлежащее ему же имущество.

Одни законодательства выходят из этой контроверзы путем прямого установления в самом законе залогового права на комиссионное имущество, хотя бы имущество это принадлежало комиссионеру в собственность (ст. 398 Герм. Торг. Улож.). Другие—находят выход путем признания собственником комиссионного имущества, посланного для продажи и купленного комиссионером, комитента (ст. 54[17] до-революционного русского устава торгового, изд. 1903 г., по прод. 1912 г.). Третьи — вовсе обходят молчанием этот вопрос (ст. 275[18] Украинского закона).

Проект Торгового Свода, признавая всякое имущество, находящееся в распоряжении комиссионера и составляющее предмет комиссии, собственностью комитента (ст. 130), не предоставляет комиссионеру вовсе залогового права.

За комиссионером должно быть признано залоговое право. Комиссионер, покупая или продавая товары от своего имени, несет непосредственную ответственность перед своими контрагентами—продавцами или покупщиками, в качестве формального собственника. Несомненно он несет значительный риск на случай, если комитент, без достаточного основания, не примет исполнения по заключенной им сделке, либо воспрепятствует комиссионеру в исполнении данного ему поручения. Комиссионер, нормально, *авансирует* комитента прямо, либо путем кредитования его. Допуская комиссионный оборот, очевидно, необходимо при конструкции комиссионного договора (впрочем, как и всякого правового института) создать такие условия, которые, обеспечивая комиссионеру последствия неизбежного при данных отношениях риска, были бы направлены к нормальному развитию комиссионной деятельности. В этом экономическое оправдание залоговых прав комиссионера.

При таком значении залоговых прав комиссионера отмеченное выше несоответствие этих прав с привычной конструкцией залога не должно нас смутить. Право развитого товарного оборота знает много „иррегулярных“ форм, не укладывающихся в обычные рамки юридической догматики.

Вслед за этим возникает другой вопрос—в каких пределах должно быть признано за комиссионером залоговое право на указанное выше имущество комитента.

Само собой разумеется, что залоговые права комиссионера, при общей политике нашего законодательства в сфере залоговых отношений, не могут и не должны выходить за рамки ст. 101 ГК РСФСР. Лишь в меру общего изменения законодательной политики в направлении расширения прав залогодержателя комиссионер может претендовать на равные с другими залогодержателями права.

Поэтому залоговые права комиссионера: во-первых, должны служить обеспечением лишь требований, вытекающих из конкретного

поручения, а не всех вообще его требований, вытекающих из контокоррентного отношения, как это допускает Герм. Торг. Улож. (ст. 397), и, повидимому, и Украинский закон (ст. 275[18]); во-вторых, должны простираться лишь на имущество, находящееся в распоряжении комиссионера в качестве предмета конкретного поручения, а не на всякое иное, составляющее предмет других поручений; и в-третьих, не должны умалять права тех лиц, которым закон дает преимущественное перед претензией залогодержателя, удовлетворение из заложенного имущества (ст. ст. 101 и 99 ГК РСФСР, ст. 93 КЗОТ, ст. 266 ГПК РСФСР и ст. 12 Полож. о взим. налогов) [1]).

18. Последствия неоплатности комиссионера.

В случае неоплатности комиссионера, платежи, причитающиеся ему от третьих лиц по сделкам, заключенным в силу комиссионного поручения, а также находящееся в распоряжении комиссионера имущество, переданное ему комитентом для продажи или купленное по поручению комитента, должны поступить непосредственно комитенту, минуя ликвидационный порядок распределения имущества комиссионера. Конечно, с удержанием всего, что причитается комиссионеру и с встречным удовлетворением со стороны комитента.

Эта норма, в силу последней оговорки, вряд ли может вызвать какие-либо сомнения или возражения.

19. Вопрос о праве собственности комитента.

При такой обрисовке взаимоотношений комитента и комиссионера едва ли есть необходимость в особом подчеркивании права собственности комитента на имущество, находящееся в распоряжении комиссионера и составляющее предмет комиссии, как это предполагали авторы Проекта Торгового Свода, следуя за до-революционным русским законом.

Право собственности комитента на имущество, посланное на комиссию, до отчуждения его комиссионером, очевидно, не нуждается в особом подтверждении. Что касается имущества, купленного комиссионером и поступившего в его распоряжение, но не переданного им еще комитенту, едва ли, с точки зрения экономической, было бы целесообразно безусловное признание за комитентом права собственности на него *во всех случаях.*

---

[1]) В пределах контокоррента наше законодательство не признает залогового права даже за кредитными учреждениями; а, как известно, из'ятия из общей политики залогового права наш закон допускает лишь для кредитных учреждений. То же по 68 статье Уст. жел. дор.

Выше мы видели, что сфера действия и об'ем залогового права комиссионера крайне с'ужены. Равным образом, комиссионер не имеет по отношению к комиссионному имуществу *вещного* права удержания.

Между тем, комиссионер в наших условиях не всегда, не только и не столько принадлежит к разряду второстепенных деятелей оборота. Главнейшие наши комиссионеры—синдикаты, оперативные органы Наркомторга, банки—занимают командные высоты в торговом обороте и выполняют несравненно более важные задачи, чем иные из их комитентов. Вместе с тем, в виде общего правила, они кредитуют своих комитентов при приобретении для них товаров. Резонно ли экономически, при таком соотношении сил и прав комиссионера и комитента, признание за последним права собственности на приобретенные для него комиссионером и не переданные ему еще товары. Как быть на случай неоплатности комитента. Можно ли, не пренебрегая интересами народного хозяйства в целом, сказать Госторгу: становись в очередь по ст. 101 ГК и уступи купленное тобой и на твои средства имущество, неоплаченное комитентом, впереди стоящим кредиторам.

Нам могут возразить, разве в ином положении находится всякий другой кредитор? Да, так как в нашем случае из'ятие у комиссионера купленного им и неоплаченного комитентом имущества основывается на фикции „поверенности" комиссионера.

Нам далее могут указать, что в таком случае нарушается стройность конструкции, так как нельзя же одно и то же имущество при одних обстоятельствах признавать собственностью комитента, а при других — комиссионера. Нельзя же риск случайной гибели такого имущества возлагать на комитента или признавать за последним вещные права на то же имущество при неоплатности комиссионера, и одновременно считать собственником того же имущества комиссионера при неоплатности комитента.

Но, во-первых, нельзя интересы народного хозяйства приносить в жертву интересам стройности юридической конструкции; во-вторых, вся конструкция договора комиссии, с точки зрения привычной стройности гражданско - правовых норм, представляет собой сплошную „иррациональность"; в-третьих, право нового времени знает не мало таких именно иррациональных отношений; в-четвертых, именно потому, что риск случайной гибели купленного комиссионером и неоплаченного комитентом имущества мы возлагаем на комитента, следует имущество это из'ять из сферы воздействия неоплатного комитента: экономически для комиссионера неоплатность комитента—факт, равнозначный случайной гибели имущества; и в-пятых, признание этого имущества собственностью комитента при неоплатности комиссионера нисколько не затрагивает имущественной сферы последнего или его кредиторов, т. к. из'ятие такого имущества из сферы неоплатного

комиссионера сопровождается встречным удовлетворением со стороны комитента.

Эти соображения, в связи с отсутствием в нашем законодательстве прямых постановлений о порядке ликвидации долгов неоплатного должника, во всяком случае, дают основание считать преждевременным установление в законе о комиссии безоговорочной нормы о праве собственности комитента на имущество, находящееся в распоряжении комиссионера и составляющее предмет комиссионного поручения. Вопрос чрезвычайно сложный, нуждающийся во всестороннем обсуждении и практической проверке. Между тем сколько-нибудь значительной судебной практикой по данному вопросу мы не располагаем.

* *

Таковы наиболее острые вопросы, возникающие при нормировке комиссионных отношений в наших условиях.

В настоящем очерке остались без обсуждения вопросы двоякого порядка. С одной стороны мы считали несущественным ряд частных выводов, вытекающих из изложенных выше общих положений, но тем не менее приводимых в законах о договоре комиссии (о представлении комиссионерам отчета, о последствиях отступления его от указаний комитента, о сообщении последнему сведений и т. п.). С другой—мы сознательно избегали обсуждения тех модификаций, которые должен претерпеть договор комиссии при вступлении в него наряду с госпредприятием частного лица. Основания для этого указаны выше.

Заканчивая настоящий очерк, небезинтересно будет сообщить, что недавний С'езд (второй) арбитражных комиссий, созванный Высшей Арбитражной комиссией при ЭКОСО РСФСР, по докладу автора этих строк, в принятой резолюции в общем и целом подтвердил правильность изложенных выше выводов и выразил пожелание о скорейшем издании закона на указанных основаниях [1]).

А. Шахназаров.

---

[1]) По сведениям, сообщенным на С'езде, проект КЗП Президиумом ЦИК СССР передан во ВЦИК для рассмотрения и издания закона о договоре комиссии в порядке законодательства РСФСР.

Применение советского права за границей.

(Советские акты о национализации и западные суды).

I. Признание СССР и советского права Западом. — II. Судебная практика отдельных государств, в связи с актами национализации в СССР. 1) Англия. 2) Германия. 3) Италия. 4) Франция. 5) Соед. Штаты Америки.—III. Национализированное имущество СССР, находящееся за границей, и вызванная этим судебная практика в отдельных странах. 1) Франция. 2) Англия. 3) Германия. 4) Швейцария. 5) Соед. Штаты Америки.—IV. Критика судебной практики.—Выводы.

I

Новое советское правительство, советское государство и советское право не сразу получили международное признание. Никогда проблема признания не вызывала столь острого интереса, как в наши дни. Все оттенки „полупризнания" и признания получили применение в отношениях Европы к новой власти Советов [1]). С 1921 г. начинается эпоха „фактического" признания. Через три года, в 1924 г., СССР признается державами Запада de jure. 1924 год является вместе с тем первым годом, когда нашему Союзу удалось заключить торговые, в полном смысле этого слова, договоры с западно-европейскими государствами. С этого времени мы вступаем в настоящую эпоху сосуществования двух миров — нашего социалистического Союза и „концерта" буржуазных государств.

Эта эпоха поставила перед Западом вопрос о признании созданных Октябрьским переворотом правоотношений, о признании советского права. Предметом настоящей работы является изучение той судебной практики буржуазных государств, которая вызвана выходом на мировую сцену нового фактора — СССР — и необходимостью считаться с новым, советским правом.

В дальнейшем речь будет итти о судебной практике Англии, Франции, Германии и Италии — держав, признавших СССР de jure,— а также Соед. Штатов Сев. Америки и Швейцарии. Хотя правительства этих государств и „не признают" еще нашего Союза, их суды не

[1]) Ср. *Э. Лагард.* Признание советского правительства. Перев. под ред. *Е. Пашуканиса.* М. 1925.

могут, в некоторых случаях, не считаться с фактом существования в бывшей России нового социалистического порядка [1]).

Следует отметить, однако, что судебная практика западных государств по отношению к нашему Союзу определяется, по общему правилу, официальною позицией правительства. Суд признает эту позицию для себя обязательной и предоставляет себе лишь право делать выводы из последовавшего со стороны его правительства признания. Так, суд относит это признание к моменту возникновения Советской власти, сообщает признанию обратную силу.

Суд признает акты Советской власти правовыми актами, признает нормы советского права, как нормы признанного государства.

Советское право применяется западно-европейскими судами, согласно правилам „частного международного права", как в правоотношениях, связанных с территорией СССР, возникших на ней, так и в правоотношениях, где выступают стороною советские физические или юридические лица. Пределы действия советского права в том или ином государстве определяются в конечном счете и ограничиваются так называемою оговоркой о „публичном порядке". Пользуясь этою оговоркой, западно-европейский (и американский) судья не применяет то или иное постановление чужого (в нашем случае советского) права в виду неприемлемости его для (классового) правосознания судьи [2]).

Оговорка о публичном порядке может быть применена западным судом в тех отношениях, где ему надлежит обратиться к нашему Гражданскому Кодексу или к Кодексу о Брачном и Семейном праве. Более остро ставится вопрос о совместимости с западным буржуазным публичным порядком социалистических мероприятий власти Советов. Вопрос этот еще не получил окончательного разрешения. Из последующего будет видно, как он пока разрешается в отдельных государствах Запада.

II

Как только-что было указано, представляется наиболее существенным установить возможность экстерриториального действия советского права не в области частно-имущественных, нормальных для Запада правоотношений, — где суб'ектами являются, в пределах нашего Граж-

---

[1]) Судебная практика остальных государств по необходимости оставляется в стороне. По поводу судебной практики наших лимитрофов см. статью *Марбор.* „СССР перед финским гражданским судом". Еженед. Сов. Юстиции 1925 г. № 7. Об „европейской" судебной практике в странах Востока (практике консульских и смешанных судов) см. работу проф. *Пергаментa.* Из вопросов о подсудности в Китае. 1925. См. также „Китайский Сенат о судьбе заграничных филиалов национализированных предприятий" — заметку в журн. „Революционная законность" 1926 № 1 — 2.

[2]) Подробнее об этом в моей статье „Внеземельное действие советского права" в журн. „Советское Право" 1925 г. № 3, стр. 45—46.

данского Кодекса, советские физические или юридические лица, а в области тех чужеродных для Запада отношений, в основе которых лежат социалистические советские мероприятия. Имеют ли на Западе экстерриториальное действие социалистические советские нормы? И если имеют, то не сталкиваются ли они с так называемою оговоркою о публичном порядке? Юридическим последствием признания советской власти должно явиться применение советского социалистического права. Когда суд обратится к понятию публичного порядка, может идти речь лишь о неприменении того или иного отдельного постановления этого права, но не всего права в целом. Судя главным образом по английской и германской практике, оговорка о публичном порядке не получила широкого применения к правоотношениям, возникшим в связи с социалистическими мероприятиями советского правительства.

1. Наиболее известным решением, определившим английскую практику в этом отношении, явилось знаменитое решение верховного апелляционного суда в 1921 г. по иску рижского акц. о-ва „Лютер" к Сэгору. (Текст этого решения см. журнал Клюне [1]) 1924 г., стр.236—243 и „Вестник НКИД" 1921 г., кн. 7—8, стр. 13—16). Из торгового соглашения РСФСР с Великобританией 1921 г. и из указанного решения суда вытекло признание Англией принадлежности советскому государству всего того актива, который поступил в его собственность в результате ряда мероприятий, произведенных в *пределах его территории* и направленных к сосредоточению в его руках главнейших отраслей производства (национализаций, конфискаций и т. д.). При этом суд не затруднился признать это право собственности и тогда, когда соответствующее имущество оказалось вывезенным советским правительством за пределы советского государства и ввезенным в Англию. Английский суд признал поэтому приобретенную от советского правительства фанеру, ранее принадлежавшую акц. о-ву „Лютер" и национализированную у последнего советским правительством, собственностью нового после-революционного собственника — Сэгора.

Надо отметить, что английский суд занимал в свое время, до признания РСФСР, иную позицию.

В том же деле о русской фанере, суд королевской скамьи высказался в 1920 г., что он не может считать имеющими законную силу советские акты о национализации—акты непризнанного правительства,— и что, следовательно, право собственности на спорную фанеру принадлежит истцу—акц. о-ву „Лютер", а не ответчику—Сэгор, приобревшему ее от советских органов.

Торговое соглашение 1921 г. и признание де-факто положили конец этой практике. Суд сделал необходимые выводы из последо-

---

[1]) Journal du droit international (fondé par Clunet).

вавшего со стороны британского правительства признания советской власти — признания, обязательного для суда, — и стал рассматривать как правительственные акты, акты национализации те действия советских органов, которые ранее он квалифицировал, как акты „насилия“ и т. п. То, что признание последовало лишь в 1921 г., а соответствующие действия советской власти имели место ранее — в 1918 и последующих годах—не опорачивает их в глазах британского суда. Достаточно того, что самые постановления, распоряжения, действия и т. п. советской власти исходили от нее именно, как от власти, чтобы признанию этой власти, последовавшему со стороны британского правительства лишь позднее, сообщить обратную силу и распространить его на все акты признаваемого правительства с момента его возникновения.

Что касается применения оговорки о публичном порядке к актам советского правительства, ставящим своей целью осуществление в пределах СССР социалистического строя, то, как указали судьи Бэнкс и Скреттон в решении Верховного апелляционного суда по делу Акц. О-ва „Лютер“, не может быть и речи о том, чтобы отказываться от применения всего, в целом, законодательства цивилизованного государства. Оговорка о публичном порядке уже не может послужить в Англии средством для того, чтобы „обезвредить“ на иностранной почве советские нормы о национализации и т. п. Как отметил судья Скреттон, нельзя считать „безнравственною“ точку зрения иностранного государства, полагающего, что передача частной собственности государству, как представителю совокупности граждан, есть лучшая форма проявления права собственности. Различие между советской безвозмездной конфискацией имущества и налоговым обложением, поглощающим большую часть доходов английского гражданина, „есть различие лишь количественное, а не качественное“.

2. В Германии судебная практика после Рапалльского договора 1922 г. также высказалась за признание за советским государством права собственности на конфискованное последним имущество, в том числе и имущество иностранцев.

На рассмотрение Гамбургского суда поступило в 1923 г. следующее дело. Советским Торгпредством в Германии был ввезен в Германию для продажи, и находился на хранении в Гамбурге у фирмы „Натан, Филипп и К-о“, конский волос. Датская фирма „Отто Кейль“ утверждала, что часть этого волоса была закуплена ею в Казани в 1916 году, принадлежит ей, несмотря на последовавшую национализацию товара советским правительством, и требовала передачи ей товара или возмещения его стоимости. Ответчик—фирма „Натан и К-о“ возражал против признания права собственности за фирмою Отто Кейль, исходя из факта национализации и ссылаясь в частности на „инструкцию о порядке конфискации товаров у иностранцев“ от 12 апреля 1919 г.

Суд признал, что право собственности истца утрачено вследствие конфискации товара советским правительством. При этом суд исходил из раз'яснения Германского министерства иностранных дел и ноты Советского Полпредства о том, что упомянутая инструкция издана полномочным органом — комиссией „хозяйственной политики" ВСНХ, по праву делегации от ВСНХ. Суд сослался на п. 6-й декрета 5 декабря 1917 г. (С. У. 5, 83), упоминавший о секциях и отделах ВСНХ, и признал, что ВСНХ, коему принадлежало право конфискации частной собственности во всех областях торговли и промышленности, мог делегировать это право названной комиссии. Содержащиеся в инструкции общие постановления имели в виду конфискацию всего имущества иностранцев, подходившего под признаки, установленные инструкцией, в том числе и имущество истца. Суд отверг ссылку на ст. 30 вводного закона к Германскому Гражданскому Улож. (т. е. на оговорку о публичном порядке), ибо Германия в ст. 2-й Рапалльского договора вполне определенно отказалась от всех претензий, вытекавших от применения советских законов и распоряжений к частным правам даже германских граждан. Это признание германским правительством советских мероприятий исключило применение ст. 30-й вводного закона и к данному делу. Поэтому суд не счел противоречащим публичному порядку признать право собственности советского правительства на ввезенные им в Германию товары и отказал фирме Отто Кейль в ее иске (см. заметку в „Вестн. Сов. Юст." 1924 г. № 17, см. также Ostrecht. № 1 стр. 170—171).

По аналогичному виндикационному иску б. собственника „кавказской компании по добыванию солодкового корня" тот же Гамбургский суд повторил в 1924 г. изложенную аргументацию (см. Niemeyers Zeitschrift, XXXIV (1925), стр. 465—470. Ostrecht. № 1 стр. 165—170).

Таким образом оговорка о публичном порядке, „защитная" оговорка германского права, оказалась не примененною к социалистическим мероприятиям советского правительства [1]).

Вопрос о признании социалистических мероприятий СССР и о совместимости их с понятием публичного порядка стал и перед судебною практикою Италии.

3. В октябре 1922 г. НКВТ продал Римскому Обществу Сульфатов значительное количество серно-кислого аммония. Общество Consorzi Agrari di Piacenza (гор. Пьяченцы) заявило, что этот товар принад-

---

[1]) В любопытном решении имперского суда по иску Вакье к Бернштейну (Журнал Клюнс, 1924, стр. 1077—1080, Niemeyers Zeitschrift XXXIII (1924), стр. 400—406). Суд отказался применить неприемлемую для него норму советского права—о запрещении сделок в иностранной валюте—и вместе с тем не прибег и к оговорке о публичном порядке. См. об этом решении статью Кельмана, Применение Советского права немецкими судами в исках из обязательств. „Вестн. Сов. Юстиции" 1925 № 22.

лежит ему, как закупленный еще в 1914 г. в России, и предъявило иск о признании за ним права собственности. В римском гражданском суде при разбирательстве дела в 1923 г. выступил представитель итальянского министерства юстиции, указавший суду на неподсудность иска, в виду Русско-Итальянского соглашения 1921 г., недопускающего ограничения в распоряжении товарами, ввезенными после соглашения из одной страны в другую. Однако суд признал дело себе подсудным, иск обоснованным, а действия советского правительства не приемлемыми с точки зрения публичного порядка. (См. журнал Клюне 1924 г., стр. 257—258, Ключников, Сов. Россия перед иностр. гражд. судами, Межд. Лет. 1924 кн. 1, стр. 12). Но тогда же в 1923 г. судебная палата уважила апелляцию торгпредства СССР, выдвинувшего указанные выше возражения, и таким образом с этого момента и в Италии советские мероприятия по национализации, учиненные на территории СССР, и при том как по отношению к представителям „своего“ капиталистического класса, так и иностранного, получили экстерриториальное действие. (См. также решение кассационной инстанции Ostrecht. 1925 № 1, стр. 178—179).

4. Что касается Франции, то признание ею советского правительства—28 октября 1924 г.—не повлекло за собою еще судебного решения, подобного отмеченным в Англии, Германии и Италии. Наоборот, французская практика — например, в знаменитом деле наследников бывш. русского поданного Бунатьян с французским обществом Опторг (см. журн. Клюне 1924 г., стр. 133—134) — вдохновлялась совершенно иными мотивами, категорически отказываясь признать силу советского законодательства. Правда, решение по делу Бунатьян имело место еще до признания Францией СССР де-юре, но, как будет видно далее, оно не потеряло целиком своего значения до наших дней.

Как известно, французский суд, в виду непризнания Францией советской власти, продолжал считать действующим старое русское право и, с одной стороны, признавал действительными акты, совершенные на территории бывшей России уже при существовании советской власти, но согласно нормам старого русского права, например, должностными лицами Общества, национализированного советскою властью, и т. п., а с другой стороны, отказывался признать действительными права, приобретенные на основе советского законодательства.

В деле наследников Бунатьян с Опторгом гражданский суд департамента Сены отказался в 1923 г. признать право собственности на товар за новым владельцем — французским о-вом Опторг, обосновывавшим свое право собственности на революционных мероприятиях советского правительства.

Право собственности на шелковые ткани, являвшиеся предметом спора, суд признал не за французским обществом Опторг, при-

обревшим их от НКВТ, а за наследниками их бывшего собственника Бунатьян.

Надо отметить, что незадолго до судебного решения по делу Бунатьян Пуанкаре сделал публичное заявление, решительно отказывавшее советской власти в признании со стороны французского правительства (см. Ключников, назв. ст., Международная Летопись 1924 г. № 1).

После признания де-юре 28 октября 1924 г. французский суд, уже при новых обстоятельствах, не отвергая в целом советского права, которое французские судьи „не могут игнорировать“, имел возможность формулировать свое понимание публичного порядка по отношению к социалистическим мероприятиям советского правительства.

В решении по делу „Русского о-ва Пароходства и Торговли“, Коммерческий Суд гор. Марсели 23 апреля 1925 г. (см. подробнее о деле Ропит ниже, гл. 3) указал, что декрет о национализации торгового флота (С. У. 1918, 290) не предоставивший бывшим собственникам, из владения коих было изъято имущество, никакого возмещения, „является в действительности актом ограбления (spoliation), что, говоря словами недавнего судебного решения (по делу Бунатьян С. К.), он является актом узурпации и насилия, обладающим всеми юридическими признаками злостного хищения чужого имущества“.

Суд остановился затем на опубликованном 30 июня 1918 г. декрете (С. У. 47, 559) о национализации крупнейших предприятий промышленности „для упрочения диктатуры рабочего класса и деревенской бедноты“ и на двух положениях Декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа в конституции 10 июля 1918 г.:—1) что „основною целью Республики Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов является уничтожение всякой эксплоатации человека человеком, полное уничтожение распределения общества на классы и беспощадное истребление эксплоататоров“ и 2) что утверждение декрета о рабочем контроле явится „первым этапом к окончательному овладению Республикою Рабочих и Крестьянских Советов всеми фабриками, заводами, копями, железными дорогами и другими средствами производства и транспорта“. Суд нашел, что приведенные постановления представляются, прежде всего, „постановлениями политического и социального характера, находящимися в формальном противоречии с французским законодательством, покоящимся на уважении к частной собственности; что постановления эти противоречат публичному праву Франции и не могут быть также санкционированы судом, как, например, не может быть признано законным аннулирование займов, заключенных царским правительством или частными лицами при царском правительстве“. (Последнее утверждение особенно характерно для французского суда).

Как будет подробнее указано ниже (глава 3) именно, поскольку речь идет о признании прав советского правительства на имущество, не находящееся в его владении, иностранный суд с особенной охотою обращается к оговорке о публичном порядке. Так это и есть в данном случае, когда речь идет о праве собственности на пароходы, находящиеся в Марсели. Но данное судебное решение является ярким примером гипертрофии публичного порядка. Квалификация действий признанного иностранного правительства с точки зрения постановлений своего уголовного кодекса; отрицание связи между признанием правительства и признанием правовой силы за его актами; критика иностранного права с точки зрения его содержания, вместо выяснения пределов действия (об'ема норм) каждой из коллидирующих правовых систем—таковы, не говоря уже об остальном, основные пороки решения. На таком основании не могут строиться нормальные взаимоотношения—правовые и торговые—СССР и Франции. Будущее покажет, что положения приведенного решения должны быть пересмотрены коренным образом. Это решение, подтвержденное апелляционною палатою в гор. Эксе в декабре 1925 г. (см. журн. „Револ. Законность" 1926, № 3—4, стр. 76—77), обжаловано в настоящее время в кассационном порядке.

5. Наконец, что касается понятия публичного порядка в практике Северо-Американских судов, то это понятие присуще ряду вынесенных уже решений по вопросам, связанным с Советским Союзом, но не получило в них ясного выражения, ибо пока суд стоит на точке зрения полного отрицания советского законодательства. Понятие „публичного порядка" будет несомненно играть большую роль после признания СССР, когда станет на очередь практически вопрос о признании и применении советского права.

Следует отметить здесь, что в известном деле по иску американской фирмы Вульфсон и К° к советскому правительству за конфискованные в Сибири пушнину и меха фирмы апелляционный суд штата Нью-Иорк в 1923 г. не признал возможным привлечь советское правительство в качестве ответчика, как правительство суверенного государства. Таким образом—и при отсутствии признания СССР—американский суд счел не противоречащим своему публичному порядку считаться с последствиями *актов национализации*, учиненных на территории Союза (см. названную статью *Ключникова*, „Межд. Летопись", 1924 № 1. *Игельстром*. РСФСР пред буржуазным судом, „Межд. Жизнь" 1923 № 1. См. также *Марви*. Американский суд о Советской России в „Еженед. Сов. Юстиции". 1923 № 10). Решение суда по делу Вульфсон и К° тем значительнее, что в данном случае судья—отступая от обычной практики—сам предпринял исследование фактического статуса Советской власти, а не удовлетворился констатированием того,

что эта власть не признана *его (судьи) правительством.* Решение по д. Вульфсона легло в основу дальнейшей практики (см. журн. „Револ. Законность“ 1926 № 3—4, стр. 75).

III

Наибольшие препятствия для экстерриториального действия советского права возникают, как было уже указано, в связи с существованием за границею юридических лиц старого русского права [1]) и наличием там подлежащего передаче, не переданного СССР имущества.

Говоря об юридических лицах старого русского права, действующих за границею, следует иметь в виду, главным образом, филиальные отделения тех юридических торговых лиц русского старого права, которые в силу мероприятий Советского правительства прекратили свое существование в пределах СССР. Как известно, после Октябрьского переворота директора большинства русских банков и других торгово-промышленных предприятий бежали за границу и там, главным образом во Франции, в Великобритании и Северо-Американских Соединенных Штатах, продолжали свою деятельность в филиалах национализированных предприятий. Эти последние существовали сначала, приспособляясь к прежним дореволюционным русским уставам, а ныне стремятся преобразоваться в особые, отличные от прежних предприятия. Наряду с филиалами продолжают действовать за границей и правления б. русских обществ.

1. Едва ли не главная масса из существующих за границею юридических лиц старого русского права—многочисленные акционерные общества, в том числе и банки—продолжает существовать во Франции.

Как известно, по старому русскому праву уставы акционерных обществ, утверждавшиеся обычно советом министров, возглавляли их двумя органами—правлением и советом, стоявшим над правлением и являвшимся как бы наблюдательным комитетом общего собрания. Органы эти—правление и совет—выбирались общим собранием на срок до 6 лет. В случае открытия вакансий в правлении, последняя замещалась кандидатом или одним из членов совета.

После того, как в пределах России деятельность всех акционерных обществ, в том числе и банков, прекратилась в 1918 г., и они, в значительном числе случаев, перенесли свою деятельность во Францию, французская юриспруденция продолжала применять к ним, в виду непризнания Советского правительства, нормы старого дореволюцион-

---

[1]) Об юридических лицах советского права за границей, см. названную выше мою статью. „Советское право“ 1925 № 3 стр. 41. Их положение заслуживает особого рассмотрения.

ного русского права. Когда с течением времени и укреплением Советской власти стало все затруднительней применять полностью старое русское право, французские суды стали применять в некоторых случаях *свое* право (lex fori) либо обращаться к „естественной справедливости"—другими словами, применять свое интуитивное право, право их классового миросозерцания. В частности, перед французской юриспруденцией поднялся ряд вопросов: 1) можно ли созвать общее собрание акционеров вне России? На этот вопрос практика дала ответ утвердительный, и такие общие собрания неоднократно имели место в Париже. 2) Могут ли действовать органы русских акционерных обществ вне их уставного местопребывания? И на этот вопрос был дан ответ утвердительный. В Париже, например, действовали правления многих десятков русских акционерных обществ, пяти русских бывших банков и т. п. 3) Могут ли полномочия этих органов быть продолжены, если не удастся созвать общее собрание, и долее шестилетнего срока? И здесь практика, ссылаясь на понятие „непреодолимой силы", ответила утвердительно [1]).

Естественно, что французская судебная практика, признавшая, что акционерные общества старого русского права продолжают существовать, не высказала никакого сомнения по поводу того, существуют ли на прежних основаниях их заграничные филиалы. Их существование она сочла вполне правомерным (см., напр., решение 1924 г. коммерческого суда департамента Сены по делу парижского отделения б. Русско-Азиатского Банка, журнал *Клюне* 1925 г., стр. 384—386).

Пользуясь создавшейся, благодаря Октябрьскому перевороту, обстановкой, многие банки, находясь во Франции, под теми или иными предлогами, пытались освободиться от лежащих на них обязательств, указывая на убытки, вызванные конфискациями Советского правительства, выдвигая юридические возражения, например, указывая на то, что их местопребыванием должна считаться Россия и т. д. Французская судебная практика решительно высказалась против подобных попыток. Более того, исходя из нераздельности всего актива, принадлежащего центральным учреждениям банка и его филиалам, французская судебная практика возложила ответственность по обязательствам центральных учреждений также и на их филиалы. Таким образом высказался, например, в 1923 г. гражданский суд департамента Сены по иску, пред'явленному к парижскому отделению бывш. русского для Внешней Торговли Банка (журнал *Клюне* 1923 г. стр., 533—34).

Любопытно отметить, что аналогичный вопрос — об ответственности французского банка за филиал, находившийся в Ленинграде,—

---

[1]) Излишне особо оговаривать, что понятие „непреодолимой силы" не приложимо к мероприятиям Советского правительства, как признанного и даже как „фактического" правительства.

был поставлен практикою по иску германской фирмы Мейер знаменитому „Лионскому Кредиту". Вопрос был разрешен в 1923 г. смешанным германско-французским судом, действовавшим на основе версальского трактата, в утвердительном смысле, исходя из общности имущества правления банка и всех вообще, в том числе и бывшего русского, филиалов [1]).

Наиболее часто перед судебною французскою практикою ставились вопросы, связанные с теми конфликтами, которые возникали между правлением и советом того или иного бывш. русского акц. о-ва.

Так, в 1923 г. такой конфликт имел место в бывш. Русском Азиатском банке. Совет банка, признавая законными полномочия лишь части членов правления, заместил другие вакансии по своему выбору. Правление же отстаивало свое „право" пополняться путем кооптации. Коммерческий суд департамента Сены признал, что из всех членов правления лишь один (Путилов) избран согласно устава, и высказался за точку зрения совета, считая, что устав банка следует видоизменить именно в этом смысле. Конечно, самая необходимость видоизменения оправдывалась судом при помощи понятия „непреодолимой силы". (Журнал *Клюне* 1923 г. стр. 933—942).

В других случаях несогласия между руководящими органами бывш. русских обществ приводили к назначению французским судом „временных" администраторов этих обществ.

Так, в 1921 г. конфликт между членами правления бывш. русского акционерного общества для изготовления химических продуктов „Перун", и неправильности, допущенные при созыве в Париже в 1920 г. общего собрания, вызвали назначение коммерческим судом департамента Сены администратора в целях охраны интересов, как акционеров, так и кредиторов этого общества. (Журнал *Клюне* 1924 г., стр. 139—140).

Тем же кончился любопытный конфликт, имевший место в Русском обществе пароходства и торговли — „Ропит". (Журнал *Клюне* 1924 г. стр. 141—145).

---

[1]) Тот же вопрос—об ответственности центральных учреждений иностранных акц. обществ по операциям их бывших русских отделений — стал за последнее время актуальным вопросом, поскольку речь идет об ответственности иностранных, французских и американских, страховых обществ перед русскими полисо-держателями по страхованию жизни. Вопрос этот, вызвавший за границей ряд решений, — иски пред'явлены к обществам Урбен, Нью-Иорк, Эквитебль, — конечно, не есть вопрос применения *советского* права за границей, а вопрос о применении к советским полисо-держателям норм *иностранного* права. См. *Островский*. „К вопросу об исках к иностранным страховым компаниям". Еженед. Сов. Юстиц. 1925 г., № 32. *Коников*. „К вопросу об ответственности иностранных страховых обществ перед русскими полисо-держателями". Вестн. Сов. Юст., 1925, № 19. *Гладстерн*. „Ответственность иностр. страхов. обществ по полисам, выданным в России". Вестн. Сов. Юст. 1925, № 21.

В любопытном деле „Ропит"- французский суд затруднился исходить из тех весьма натянутых толкований устава общества, которыми оправдывали свои действия избранные в 1920 г. в Париже совет общества (во главе с адмиралом Шрамченко) и временный директор общества, адмирал Канин. Выступавшие против совета и директора капитаны Челов, Горланов и др. капитаны (всего 13) пароходов общества имели в виду предупредить распродажу новыми хозяевами пароходов общества, и французский суд признал желательным сохранение этих пароходов в собственности русского общества, „насколько это окажется возможным".

Таким образом, сталкиваясь с фактами, французскому суду не удавалось поддержать его теорию о продолжающемся действии бывших русских имперских законов. Не признавая Советского правительства и Советского законодательства, суд тем не менее не мог воскресить „отмершие" нормы [1]).

После признания de jure естественно было ожидать изменения французской практики в этом отношении, признания того, что все юридические лица, созданные старым русским правом, отмерли, что их актив принадлежит советскому государству.

Эти естественные надежды, однако, не оправдались. При рассмотрении в марсельском коммерческом суде уже в 1925 году дела по иску, возбужденному Советским правительством, о признании национализированными, в силу декрета 26 января 1918 г., и принадлежащими СССР пароходов „Ропит", находящихся в Марсели,—коммерческий суд отверг притязания Советского правительства. Суд нашел нужным сохранить полномочия назначенного им администратора, впредь до того момента, как окажется возможным вступить во владение пароходами законному владельцу — Русскому обществу пароходства и торговли. Мотивом к такому решению послужило понятие публичного порядка, побудившее суд отказать в признании экстерриториальной силы за декретом 26 января 1918 г. (С. У., 290) и распространении его действия также на то имущество, те пароходы, которые находились и находятся вне сферы властвования советского государства. Суд не счел для себя возможным „сделать своими", применить законы Советского государства в данном деле (см. журнал *Клюне* 1925 г. стр. 391 — 395).

Интересно отметить, что суд сослался в тексте решения на циркуляр 1922 г. НКИД № 42, согласно которому „имущественные пра-

---

[1]) Изложенная практика французских судов не распространялась на те бывшие русские общества, которые вследствие изменений территории бывшей России оказались на территории вновь возникшего за пределами СССР государства. Так, Парижская судебная палата признала себя 4 июля 1923 г. некомпетентной рассматривать иск к обществу „Проводник", считая, что последнее домицилировано в Риге, в Латвии. (См. журнал *Клюне* 1924 г., стр. 992—998).

воотношения, об'екты коих находятся вне территории РСФСР *и с нею не связаны*, вне пределов РСФСР по российским законам обсуждаться не могут и подчиняются действию местного законодательства, независимо от гражданств суб'ектов этих правоотношений, хотя бы последние были и российскими гражданами" [1]). При этом суд опустил, между прочим (если верить тексту *Клюне*), подчеркнутые мною выше курсивом слова. Суд пришел к заключению, что сам НКИД признает советские декреты по вопросам имущественного права не имеющими экстерриториального действия и не подлежащими осуществлению вне пределов советского государства.

Нет надобности оговаривать здесь, что подобное толкование силы советского законодательства и смысла циркуляра НКИД представляется неправильным. Циркуляр имел в виду исключительно имущественные правоотношения частных лиц, не имеющие никакой связи с социалистическими мероприятиями Советской власти. Что касается последних, то из самой природы Советской власти, из революционных задач, которые она себе ставит, явствует, что декреты о национализации должны иметь с точки зрения советского права экстерриториальное действие [2]).

Признание de jure не изменило коренным образом и французскую практику [3]) в отношении бывших русских банков и их филиалов, находящихся во Франции. Однако, положение должно было сдвинуться

---

[1]) Текст циркуляра см. Вестник НКИД 1922 г. № 6, стр. 79. См. также мою статью „Советское консульское право" в журн. „Советское Право" 1924 г., № 1, стр. 120—121. Там же о циркуляре НКИД № 51. См. также журнал „Революционная законность" 1926, № 1—2.

[2]) Циркуляр № 42, связи с практикою западно-европейских судов и необходимостью уточнения его положений заменен циркуляром 23 окт. 1925 г.—№ 329, раз'ясняющим первый циркуляр в изложенном в тексте смысле. Оба циркуляра напечатаны в журн. „Революционная законность" 1926 № 1—2.

[3]) Надо отметить в данной связи, что гражданский суд департамента Сены в январе 1925 г. по делу Русского Красного Креста (журнал *Клюне* 1925 г., стр. 377—382) не признал Советский Красный Крест правопреемником бывшего Красного Креста, и последний сохранил свое существование наряду с советским. Хотя Советский Красный Крест, получивший признание со стороны Международного Комитета Красного Креста еще 15 октября 1921 г., и был признан французским судом в качестве законно действующего юридического лица, но это признание, вытекавшее из факта признания самого советского государства, не повлекло за собой передачи Советскому Красному Кресту того имущества, которое находилось во Франции в обладании бывшего Русского Красного Креста. Суд не принял во внимание, что старый Русский Красный Крест ныне никакого государства в Международном Союзе Обществ Красного Креста не представляет, что декретом 5 января 1918 г. (С. У. 14, 208) все имущество Красного Креста было об'явлено собственностью Российской Республики, что таким образом новый Красный Крест имеет признаки правопреемника (см. еще С. У. 1918 г., 35, 463 и 58, 642). В результате, в руках правления юридического лица русского старого права сохранилось пока, благодаря решению французского суда, имущество, законно ему не принадлежащее.

и сдвинулось с мертвой точки, с точки зрения, согласно которой продолжали существовать прежние уставы этих банков, утвержденные еще императорским правительством. Уже в 1920 г. французским правительством была создана междуведомственная комиссия, имевшая задачей учет и управление находящимся во Франции имуществом бывш. русского правительства. 22 октября 1924 г., за шесть дней до признания, полномочия этой комиссии были переданы постановлением председателя гражданского суда департамента Сены особому временному администратору с теми же, что комиссия, функциями. (Журнал *Клюне* 1925 г., стр. 530 — 531). 29 ноября 1924 г., постановлением того же председателя суда, полномочия этого администратора были распространены также на имущество бывших акционерных обществ, в том числе банков, находящееся во Франции. (Журнал *Клюне* 1925 г., стр. 531 — 532).

Мотивом к этому послужило то соображение, что после признания СССР положение находящихся во Франции отделений бывших русских акционерных обществ и банков, подчиненных в СССР его законодательству, стало „неопределенным“, а управление ими, согласно правилам их прежних уставов, „невозможным“. В таком положении вопрос о филиалах бывш. русских акционерных обществ и банков находится и по сие время (март 1926 г.), требуя, таким образом, разрешения (и приближаясь к разрешению) в смысле признания внеземельной силы советского законодательства.

Необходимо отметить еще одно постановление председателя гражданского суда д-та Сены—по поводу одного из бывших русских банков — Русского банка для Внешней Торговли, преобразовавшегося за последние годы в новое юридическое лицо французского права с французским уставом, под названием Banque générale pour le commerce étranger. На него, как на бывший русский банк, было распространено действие постановления от 29 ноября 1924 г.

Банк обжаловал это распоряжение, ссылаясь на свою французскую национальность. В своем постановлении от 23 декабря 1924 г. председатель гражданского суда департамента Сены признал, что ссылка администратора, распространившего свои полномочия на названный банк, на то, что этот банк является под новым именем лишь филиалом бывшего Русского для Внешней Торговли банка, имеет за себя „весьма серьезные презумпции“. Однако, так как банк „действует согласно французского устава, имеет свое местопребывание в Париже

Западная практика знает пока едва ли не один только случай добровольного, без судебного разбирательства, возвращения имущества в распоряжение советских организаций. После Базельского международного кооперативного конгресса состоялось соглашение старого и нового правлений Центросоюза о передаче находящегося за границей имущества Центросоюза последнему. Текст соглашения, заключенного 25 января 1922 г. в Берлине, см. „Кооперативное Дело“ от 6 апр. 1922 г. № 55.

и является в течение около года французским банком", председатель нашел: 1) что требования администратора подлежали бы удовлетворению лишь в том случае, если бы была „доказана фиктивность преобразования банка с целью обхода закона или нарушения таких законных интересов, которые подлежат охране", и 2) что этот вопрос, поднятый администратором, не подлежит единоличному ведению председателя и должен быть разрешен в общем судебном порядке. В виду этого, председатель гражданского суда из'ял Banque générale pour le commerce etranger из действия своего предыдущего постановления от 29 ноября 1924 г. (журнал *Клюне* 1925 г., стр. 419—421).

Едва ли не наибольшим достижением, в смысле признания судом во Франции экстерриториальной силы советских декретов о национализации, надо признать решение гражданского суда департамента Сены от 9 мая 1925 г.

Решение это было вынесено по иску бывш. Северного Страхового Общества в Москве к страховым обществам „Унион" и „Испанский Феникс", основанному на взаимных расчетах по страховым операциям до 1918 г. Ответчики пред'явили отвод, утверждая, что общество-истец перестало существовать, как юридическое лицо,—в силу декрета 13 декабря 1918 г. (С. У. 86, 904) о монополизации страхового дела и национализации частных страховых обществ,—и потому не может пред'явить иска.

Суд подверг декрет 13 декабря 1918 года подробному рассмотрению и признал, что общество-истец „не имеет более законного существования в России и что его имущество стало собственностью Российской Республики". Суд пришел к выводу, что общество-истец перестало существовать не только в пределах территории СССР, но и за ее пределами. „Совершенно невозможно допустить, чтобы общество, которое не существует в стране своего происхождения, могло продолжать существовать в другой стране, даже не имея в этой последней отделения и не реконструировавшись по ее законам".

Последняя оговорка сохраняет в силе всю вышеизложенную судебную практику, сложившуюся по отношению к филиалам банков. Но тем не менее представляется вполне правильною основная мысль приведенного тезиса—о том, что юридическое лицо, созданное определенным правопорядком, прекращает свое существование по велению этого же правопорядка, и что это „прекращение" имеет экстерриториальное действие.

Руководствуясь изложенным соображением, суд пришел к выводу об отсутствии у бывшего Русского Страхового Общества—истца права на иск.

В связи с выдвинутою истцом ссылкою на циркуляр НКИД 1922 г. № 42, суд подверг этот циркуляр внимательному анализу. Не выхватывая из этого циркуляра отдельной фразы, как это сделал Марсель-

ский Коммерческий Суд по делу Ропит (см. выше),—гражданский Суд департамента Сены нашел, что, по смыслу циркуляра, направленного к заграничным советским представителям, последние, конечно, должны руководствоваться им „только в тех случаях, когда защита данных (имущественных) интересов не противоречит советскому законодательству. Представляется очевидным, что, на основании этого циркуляра, представители советов за границей не вступятся за Общество, которое—подобно Северному Страховому Обществу в Москве—не имеет более законного существования в России" (см. *Членов*, „Декреты о национализации и иностр. суды", Еженедельник Советск. Юстиции, 1925 г. № 31, Журнал Клюнэ, 1926, стр. 126—132).

Суд, таким образом, дал правильное толкование советским декретам о национализации и не признал права на иск за юридическим лицом старого русского права.

Интересно для характеристики западно-европейского суда, отметить, что к подобному выводу он приходит легче всего в тех случаях, когда отрицание за бывшим русским юридическим лицом права на иск освобождает ответчика — соотечественника судьи от исполнения тех или иных лежащих на нем обязанностей.

Западно-европейскую Фемиду сейчас никак нельзя считать нелицеприятной.

Таково положение дела во Франции, поскольку речь идет о филиалах бывших русских акционерных обществ, в частности, банков, и вообще об имуществе, национализированном СССР [1]).

---

[1]) В настоящей работе идет речь лишь о праве СССР на *национализированное* имущество. Что же касается имущества, перешедшего к СССР, как к правопреемнику бывших правительств императорского и временного (1917), то и по этому поводу имеются на Западе судебные решения. Так, еще в 1921 г. английский Суд (в канцелярском Отделении Высшего Суда) в деле Маршаля против Гринбаума и английского государственного банка (см. журнал *Клюнэ* 1924 г. стр. 233—235) признал право собственности советского правительства на ввезенное им золото бывщ. Русского Государственного Банка. В 1925 г. Окружной Лондонский Суд обязал бывш. русского Генерального Консула ОНУ передать, по иску советского правительства, представителям последнего консульское имущество и архив (Известия ЦИК 1925 г. № 122).

Большинство таких притязаний СССР, в качестве правопреемника бывшего русского государства, подлежит, однако, разрешению не в судебном, а в дипломатическом или административном порядке. Иногда вопрос не разрешается, а оттягивается. Таково положение дела во Франции с остатками нашего Черноморского флота, находящегося в Бизерте. В Англии разрешение вопросов, связанных с правопреемством, откладывается, согласно постановлений договоров. По соглашению 1921 г. за советским фиском признается право на имущество бывшей России, находящееся в Великобритании со времени, предшествующего возникновению советского правительства. Хотя последнее по ст. 10 соглашения и обязалось не предъявлять претензий на распоряжение „этими капиталами или иной собственностью", но Великобританское правительство взяло на себя обязательство „охранять" эти капиталы или имущество для заключения того „общего" договора, т. е. постоянного договора, который имелся в виду во временном соглашении 1921 г. и который еще стоит перед нами. Как известно, при заключении общего дого-

2. Что касается Англии, то в лондонских судах производился ряд дел, связанных с теми или другими филиалами бывш. русских банков — Русско - Азиатского, Торгово - Промышленного, Международного Коммерческого и др. Основной вопрос, ставившийся перед британскими судами, был вопрос о том, распространяется-ли действие национализации банка, произведенной Советским правительством, также на имущество его филиала, находящееся в Великобритании, — другими словами, имеют-ли в этом отношении действия Советского правительства экстерриториальное значение?

Весьма подробно и интересно освещен был этот вопрос в деле Лондонского Отделения бывш. Русского Торгово-Промышленного банка с банком „Comptoir du Mulhouse“. Обстоятельства дела заключаются в следующем. Торгово-Промышленный банк в 1914 г. занял у „Comptoir du Mulhouse“ 800 тыс. марок под залог соответствующих ценных бумаг, помещенных на хранение в лондонский банк „London County and Westminster Bank“. В 1919 г. лондонский филиал Торгово-Промышленного банка покрыл долг уплатою 1.090.000 марок и обратился с требованием о возврате ценных бумаг, но получил отказ в виду нового падения ценности марки, после чего был принужден обратиться в Суд.

В первой инстанции, в Отделении Королевской Скамьи Высшего Суда, интересующий нас вопрос—о существовании филиалов—не был поднят. На нем остановились судьи в апеляционной инстанции 12 июня 1923 г. (Журнал *Клюне* 1924 г., стр. 226—232).

При рассмотрении дела двое из судей Верховного Апелляционного Суда, лорды Бэнкс и Скреттон—кстати сказать, авторы решения по делу А/О Лютер с Сэгером,—признали, что советские декреты прекратили существование, в качестве особых юридических лиц, не только центральных учреждений банков, но и их заграничных филиалов. Третий судья — лорд Эткин, остался при особом мнении. В основу своего мнения судьи Бэнкс и Скреттон положили декрет 14 февраля 1917 г. о национализации банков, толкуя его не как слияние частных банков с государственным, а как уничтожение первых. Судьи находили, что надо истолковывать декрет, исходя из общего смысла советского законодательства, стремившегося уничтожить частный капитал, не придавая, таким образом, значения отдельным выражениям этого декрета. В своем мнении судьи ссылались и на декреты 26 января 1918 г. и 10 декабря 1918 г.

вора 8 августа 1924 г. ст. 10 соглашения 1921 г. решено было сохранить, т. е. отложить разрешение советских претензий впредь до вступления в силу „второго“ договора относительно удовлетворения великобританских имущественных претензий (ст. 14 договора 1924 г.). Советское государство в настоящее время принимает меры к учету и регистрации всего имущества, находящегося за границей и принадлежащего или подлежащего передаче советскому фиску. 11 октября 1924 г. издано соответствующее постановление СНК (С. З. 26, 226).

Приведенное мнение следует признать правильным. Декрет ВЦИК 14 декабря 1917 г. (С. У., 10, 150) говорит, правда, что частные банки *об'единяются* с государственным банком (ст. 2), что активы и пассивы „ликвидируемых“ предприятий переходят в государственный банк (ст. 3) и что порядок *слияния* частных банков с государственным банком определяется особым декретом (ст. 4). Подчеркнутые выражения не должны однако закрывать общего смысла декрета, отнюдь не имевшего в виду дальнейшего сохранения частных банков. Что это так, видно из декрета СНК 26 января 1918 г. о конфискации капиталов банков (С. У., 19, 295). Согласно нему все капиталы частных банков переходят к государственному банку „на основах полной конфискации“ (ст. 1), и все акции аннулируются (ст. 2). К тому же выводу надо придти и по инструкции 10 декабря 1918 г. о порядке национализации частных банков (С. У. 98, 997).

Лорды Скреттон и Бэнкс вместе с тем утверждали, с чем опять-таки приходится согласиться, что, конечно, упомянутые декреты имели в виду и заграничные отделения русских частных банков. Если с этими отделениями и велись сношения советским государственным банком даже в 1918 году, то велись они как со своими филиальными отделениями.

Третий судья--Эткин—высказался в ином смысле, исходя как раз из фактического существования филиалов русских банков в Великобритании и необходимости охраны интересов третьих лиц, заключавших сделки с этими филиалами. Он не соглашался признать эти филиалы прекратившими свое существование, в крайнем случае он мог признать их отделениями советского государственного банка, не более. Но его аргументация шла и дальше. Он считал, что британский судья может признать филиалы бывших русских банков прекратившими свое существование в Великобритании только после их ликвидации в порядке британского законодательства. Наконец, лорд Эткин указал и на то обстоятельство, что филиалы банков вне советской территории не подлежат советскому суверенитету.

Когда дело по жалобе перешло в Палату Лордов, то при рассмотрении там 24 июля 1924 года это последнее обстоятельство легло в основу решения, при чем все судебные лорды высказались в этом смысле (см. журнал *Клюне* 1924 г. стр. 1081—1088).

Виконт Кэв отметил, что „трудно понять“, каким образом декреты советского правительства могут лишить их юридического значения акции, находящиеся в руках у держателей, не подлежащих компетенции советской власти. А раз эти акции сохранили силу, то продолжают свое существование и те юридические лица, которыми выпущены эти акции.

Другой судья лорд Финлэй подчеркнул ту мысль, что, какова бы ни была сила декрета о национализации банков на территории СССР,

она не распространяется на отделения банков, производивших свои операции в Лондоне и Париже.

Третий лорд—судья Ренбюри (Wrenbury) указал, что иностранное юридическое лицо, оперирующее в Англии, является товариществом, существование которого не прекращается со „смертью“ иностранного юридического лица, но продолжается для ликвидации дел, согласно правилам английского закона. „Физические лица, составляющие подобное товарищество, не считаются умершими, если даже это происходит с самим юридическим лицом“. В результате палата лордов высказалась против признания экстерриториальной силы за декретами советского правительства о национализации банков, а также за то, что филиалы бывших русских банков в Англии продолжают свое существование до ликвидации их в порядке местного законодательства.

По всем этим соображениям, Палата Лордов удовлетворила иск Лондонского Отделения бывш. Русско - Торгово - Промышленного Банка.

Приведенное решение определило собою новую практику.

По другому делу, по иску парижского отделения бывш. Петроградского Международного Коммерческого Банка к Гукасову, Верховный апелляционный суд признал, что это отделение не может искать в британском суде, так как самый банк прекратил свое существование в силу мероприятий советского правительства. Однако, это решение было изменено Палатою Лордов, по соображениям, развитым в вышеизложенном решении.

В 1924 г., следуя указаниям Палаты Лордов, судья Шерман в отделении Королевской Скамьи Высшего Суда в деле Дорфа против Нейман, Лейбек и К⁰ высказался за то, что национализация банков не прекратила существования их заграничных филиалов,— имея в виду отделения русских банков, находившиеся на Украине (журнал *Клюне* 1924 г., стр. 1087).

Таким образом, вопрос об экстерриториальном действии советского права по отношению к филиалам национализированных предприятий оказался в Англии разрешенным пока в неблагоприятном смысле. Естественно, что здесь,—именно по отношению к банкам, — западные судьи оказались наименее способными примириться с последствиями социалистических мероприятий Советской власти [1]).

---

[1]) Более благоприятною оказалась английская практика по вопросу о Добровольном флоте.

Задержанные английским правительством в 1917 и 1918 г.г. пароходы Добровольного флота были возвращены советскому правительству.

Так как Добровольный флот может быть рассматриваем не столько как государственный орган, сколько как юридическое лицо частного права (ср. Положение о Добровольном флоте, С. У. РСФСР 1922 г. 45, 556) то английская практика в этом отношении является противополо. чой положению, занятому французским судом в деле

3. Решение Палаты Лордов по делу Лондонского отделения бывш. Русского-Торгово-Промышленного банка, изложенное выше, оказалось, в существенных своих чертах, воспроизведенным в решении Берлинского апелляционного суда (Kammergericht) 31 марта 1925 г. по иску Гинзберг к Deutsche Bank (текст решения журн. Ostrecht, 1925, № 1 стр. 163—165; журн. *Клюне*, 1925 г., стр. 1057—1059).

Истица (Гинзберг) требовала от ответчика—Deutsche Bank передачи ей находившихся в распоряжении банка-ответчика сумм, принадлежавших бывш. Русскому-Торгово-Промышленному банку, кредитором коего являлась истица.

Ответчик—банк ссылался на последовавшую в РСФСР национализацию банков, указывал, что права и обязанности национализированных банков перешли к РСФСР и в виду этого возражал против иска.

Суд первой инстанци стал 22 февраля 1924 г. на сторону ответчика. Однако, апелляционная инстанция 31 марта 1925 г. удовлетворила требование истицы. Ссылаясь на решение Палаты Лордов по вышеназванному делу, суд нашел неустановленным, что декреты о национализации прекратили существование банков в качестве особых юридических лиц, и кроме того не признал за этими декретами экстерриториальной силы.

Нет надобности останавливаться на аргументации суда. Выше было указано, что согласно декретам 14 дек. 1917 г. и 26 янв. 1918 г. следует притти к противоположным выводам („подтверждаемым" к тому же декларацией прав трудящегося и эксплоатируемого народа, т. е, разделом I Конституции РСФСР 10 июля 1918 г.).

4. По вопросу о положении за границей филиалов бывш. русских банков чрезвычайно важное решение вынесено было судом страны до сих пор „не признающей" страны Советов,—именно швейцарским федеральным судом 10 декабря 1924 г. По иску Женевского отделения бывш. Петроградского Международного коммерческого банка, в пользу последнего было присуждено кантональными судебными инстанциями Женевы около 63.000 швейцарских франков, несмотря на то, что ответчик выдвигал возражения о том, что данное отделение прекратило свое существование, в качестве юридического лица, вследствие декрета 14 декабря 1917 года о национализации банков. Кантональные инстанции признали, что упомянутый декрет не может иметь

РОПИТ (см. об английской практике о Добровольном флоте журн. *Клюне* 1924 г., стр. 45. См. также „Эконом. Жизнь" 1925 г. № 44).

Что касается Италии, то ее практика в области морского права, поскольку речь идет о праве собственности Советского правительства на суда торгового флота, находящиеся за границей, склоняется к французской практике. См журн. *Клюне* 1923 г., стр. 1021—1030; 1924 г., стр. 1046; 1925 г., стр. 226—228. Niemeyers Zeitschrift, т. 30-й (1923 г.), стр. 303—304 (дела пароходов „Согласие", „Прод'уголь" и „Дружба").

экстерриториального действия, в особенности в пределах Швейцарии, непризнающей Советского правительства.

Федеральный суд стал на иную точку зрения. Он нашел, что не признание Советского правительства влечет за собою исключительно последствия в области международных сношений—в смысле воздержания от обмена послами и т. п. Но это непризнание „не устраняет существования и действия русского (т. е. Советского) права". А раз это последнее прекратило существование центральных учреждений банка, то Отделение банка, находящееся в Швейцарии, существование коего юридически и экономически с вязано с центральными учреждениями банка, не может быть признано существующим в качестве юридического лица и имеющим право вчинения иска. Если Советское правительство прекратило существование частных банков в СССР, то „федеральный суд может лишь преклониться перед совершившимся фактом и считаться с вытекающими из него последствиями". В виду этого швейцарский федеральный суд не признал за Женевским отделением бывш. Петроградского международного коммерческого банка права вчинения иска. (См. журн. *Клюне*, 1925, стр. 488—491. См. *Гойхбарг* („Национализация банков пред иностр. судами"). Еженед. Сов. Юстиции, 1925, № 24).

5. Наконец, необходимо обратиться к судебной практике Северо-Американских Соединенных Штатов.

Судебная практика по вопросу бывших русских акционерных обществ, находящихся за границей, дает большое количество решений [1]). Обнаруживая целый ряд колебаний, американская практика стоит, в общем, на той точке зрения, что бывшие русские общества сохраняют свое самостоятельное существование и после национализации их в РСФСР. Такая позиция понятна при отсутствии признания СССР американским правительством. Но фактическое существование Советской власти в течение восьми лет,—хотя эта власть не признается даже де-факто,—не может не отражаться на судебной практике.

Из числа многочисленных дел следует прежде всего остановиться на стоящем особняком в этом отношении деле по иску Соколова к The National City Bank. В этом деле суд разрешал, собственно, не вопрос о существовании за границей бывш. русских обществ или их филиалов, но лишь аналогичный вопрос о филиалах американских обществ, находившихся до Октябрьской революции в России. Однако мотивы судебных решений по этому делу имеют чрезвычайно важное значение.

---

[1]) Что касается судебных дел 1920 и 1921 г.г., относящихся к положению пароходов Добровольного флота „Рогдай", „Пенза" и „Тобольск", то решения по искам Советского правительства о возвращении этих пароходов оказались не в пользу истца, так как Советское правительство—не признанное правительство. Вопрос о положении судов Добровольного флота, находящихся за границей, не разбирался, таким образом, в Соединенных Штатах по существу. „См. *Ключников*, назв. статья".

Соколов пред'явил иск о возврате ему банком 28.000 долларов, находившихся в Петроградском отделении банка и реквизированных там Советским правительством. Судья Форд отказал в 1922 г. в иске. Этот отказ, однако, отнюдь не основывался на признании правомерности действий Советского правительства. Но судья исходил из факта существования этого правительства. „Советское правительство не признано, но это не значит, что в России нет правительства, и там анархия. Общеизвестно, что в России существует правительство, что оно функционирует уже пять лет. Факты суть факты — в России, как и везде". Это правительство овладело капиталами Петроградского отделения банка — ответчика и тем освободило его от исполнения обязательства.

Апелляционный отдел верховного суда в Ныо-Иорке изменил в марте 1924 г. решение низшей инстанции и удовлетворил иск Соколова, признав, что уничтожение Советским правительством отделения американского банка в России не освобождает американский банк от ответственности по операциям его российского филиала (журн. *Клюне* **1925 г., стр. 443—445).**

Это последнее решение было утверждено верховным апелляционным судом штата Ныо-Иорк 25 ноября 1924 г. В своем решении суд (судья Кардозо) указал, что акты и декреты непризнанного правительства могут быть принимаемы во внимание судом, как если бы они исходили от законной власти, если только это отвечает справедливости и публичному порядку. Это из'ятие из общего правила об отрицании всякой юридической силы за актами непризнанного правительства может быть допущено лишь в интересах лиц, потерпевших от действий названного правительства. Однако, поскольку речь идет об ответственности американского банка за его бывшее русское отделение, нет надобности в таком признании актов непризнанного правительства. Исходя из этого соображения апелляционный суд не нашел возможным уважить ссылку банка на декреты Советского правительства и освободить банк от лежащей на нем обязанности выплатить Соколову его вклад (журн. *Клюне* **1925 г., стр. 446—450).**

Вопрос о действиях бывших русских акционерных обшеств за границей стал в любопытном деле по иску бывшего „Общества Русского Перестрахования" к банку „Bankers Trust C0". Русское общество искало возврата залога в 200.000 **долларов, депонированных им в названном банке в обеспечение производимых обществом страховых операций. В первой инстанции в иске было отказано, так как суд счел страховое общество прекратившим свое существование, согласно декретам Советского правительства. Но апелляционный отдел высшего суда штата Ныо-Иорк в январе 1925 г. изменил это решение и нашел, что эти декреты не имеют юридического значения в Соединенных Штатах, как исходящие от непризнанного правительства и как противоречащие**

справедливости и публичному порядку. Суд признал даже возможным утверждать, что и признание Советского государства, если оно последует, не сообщит экстерриториальной силы этим декретам в виду их противоречия публичному порядку. Вне территории бывшей России страховые русские общества могут продолжать свои операции. Суд, как и французский суд, не остановился перед допущением продления срока полномочий членов правления общества впредь до выбора их заместителей, а также признал за правлением общества право перенести свой домициль за пределы бывшей России. Поэтому суд признал за страховым обществом, юридическим лицом старого русского права, право иска и удовлетворил его иск. (См. журн. *Клюне* 1925 г. стр. 451—458).

Когда дело перешло по жалобе в верховный апелляционный суд Нью-Иорка, решение апелляционной инстанции было, однако, отменено, и в иске было отказано по следующим соображениям, которые один из судей, оставшийся при особом мнении, охарактеризовал как имеющие „тенденцию признать известное значение за декретами непризнанных правителей в современной России“ (см. *Членов.* „Акты о национализации и иностр. суды“. Еженед. Советской Юстиции № 1925, № 25).

Верховный апелляционный суд нашел (судья *Леман*) в апреле 1925 г., что политический режим, хотя бы он и не был признан, „производит глубокие изменения в юридическом положении лиц, имеющих пребывание на его территории. Хотя и нельзя основываться на советских декретах, чтобы оспаривать перед американскими судами легальность существования русских акционерных обществ, но фактическое положение, в котором оказались эти общества в результате действий советского режима, делают весьма спорной проблему их существования... Неужели юридическая концепция заставит нас признать, что русское законодательство не изменилось с 1917 г., что Советская Республика не существует, что общество-истец продолжает существовать, что оно имеет местопребывание в России и должным образом управляется своими старыми директорами. Неужели мы должны признать все это, хотя мы знаем, что все имущество общества в России было секвестрировано, его правление изгнано, а его операции монополизированы политической группой, которая имеет власть применять свои декреты как настоящее правительство, и которая признается за таковое большею частью государств Европы. Неужели мы должны признать, что директора могут требовать суммы, принадлежавшие обществу, имея в виду, что в странах, где декреты о национализации имеют для судов юридический эффект, те же директора могли бы защищаться против исков держателей полисов, кредиторов и акционеров ссылкой на то, что общество юридически не существует. Не рискуем ли мы перейти границы здравого смысла и справедли-

вости, слишком строго применяя нашу юридическую концепцию". (Журнал Клюне, 1925 г., стр. 1070—1074. См. Dickinson. The Russian Reinsurance C° case. Amer. Journal of int. law, 1925, IV, 753—756) [1]).

В изложенном деле ответчиком был американский банк. В другом деле по иску Нью-Иоркской компании „Джемс и К-о" к Второму Российскому Страховому Обществу относительно выплаты страховой премии, причитавшейся за период до 1914 г., американский суд, вопреки отводу ответчика, высказался однако за то, что советские декреты не распространяются на находящиеся за границей б. русские общества (журнал *Клюне* 1925 г., стр. 349).

В верховном апелляционном суде Нью-Иорка судья (*Кардозо*) отверг в апреле 1925 г. жалобу ответчика и утвердил решение низшей инстанции. Судья считал необходимым при этом подчеркнуть, что б. русское общество продолжает фактически существовать, вести операции в Соединенных Штатах после декрета о национализации, „на миллионы долларов", и следовательно, должно отвечать на суде. „Тени умерших ответчиков не появляются для выступления на суде... Если бы и последовало признание Советского правительства Соединенными Штатами в качестве правительства де-юре, то и тогда бы потребовалось выяснить, может ли ответчик, действующий при вышеуказанных обстоятельствах в качестве корпорации под защитою наших законов, утверждать, с целью избежать ответственности по иску, что его существование прекратилось... Поскольку декреты Советского правительства не признаются проявлением суверенной власти, задача, стоящая перед нами, определяется... во всей своей широте соображениями публичного порядка и справедливости. Исходя из вышеуказанных соображений, можно придти к несомненному ответу... Ответчик просит нас признать его прекратившим существование, что повлечет за собой прекращение ответственности по долгам... Но публичный порядок нации, как он установлен президентом и конгрессом по соображениям справедливости и правосудия, не оправдывает при таких обстоятельствах исключения из позиции, занятой американским правительством, и необходимости признания Советского правительства. Мы не говорим, что непризнаваемое нами правительство всегда будет рассматриваться, как несуществующее, нашими судами... Но перед нами стоит единственный вопрос, может ли ответчик быть таковым с точки зрения нашего закона. Мы считаем, что ответчик подсуден нашему суду..." (см. American Journal of internat. law, т. 19, стр. 271—272).

---

[1]) См. его же работы по поводу англо-американской судебной практики в отношении непризнанных фактических правительств: Les gouvernements ou Etats non reconnus en droit anglais et américain (Revue de droit internat. et de législation comprée, 1923, стр. 145—178); International political questions in the national courts (The American Journal of internat. law, 1925, стр. 157—163); Recent recognition cases (там же, стр. 262—272).

К такому же выводу — о продолжении существования находящихся за границей юридических лиц бывшего русского права — суд пришел в деле Joint Stock C° of Volgokama Oil and Chemical Factory v. National City Bank по иску первого общества, рассматривавшемуся в ноябре 1924 г., о возврате внесенных в банк сумм. Суд признал, что возражения ответчика, ссылавшегося на декрет о национализации, не основательны. „С ноября 1917 г. в России не было иного правительства, кроме правительства РСФСР. Суд должен считаться и без представления соответствующих доказательств с данным обстоятельством, как с историческим фактом. Ответчик ссылается на то, что существование истца, в качестве юридического лица, прекратилось в силу актов и декретов нынешнего непризнанного Советского правительства... Но если бы даже и были представлены доказательства, которые установили бы окончательно тот факт, что этими актами и декретами положен конец существованию истца в качестве юридического лица, — подобное доказательство не может быть принято во внимание судами этой страны, как это неоднократно постановляли в течение последнего времени федеральные суды и суды Нью-Иорка". (Журнал *Клюне*, 1925 г., стр. 349 — 350).

В решении Bourne v. Bourne в мае 1924 г. апелляционный отдел высшего суда штата Нью-Иорк (журнал *Клюне*, там же, стр. 348), пришел к выводу, что декреты непризнанного Советского правительства „не имеют силы и лишены значения, поскольку в них не указывается на факты, могущие установить даты".

Таким образом, как явствует это из приведенных решений, декреты Советского правительства не получили экстерриториальной силы в Соединенных Штатах, во всяком случае, поскольку идет речь о распространении их на бывшие русские общества, находящиеся за границей. Когда за последнее время перед американскою практикою стал вопрос о необходимости ликвидации некоторых бывших русских (страховых) обществ, то эта ликвидация была произведена вне всяких ссылок на советское право, на основании норм местного законодательства.

IV

Обзор дошедшей до нас западно-европейской и американской судебной практики с несомненностью показывает, что советское право прорвало „правовую блокаду" Запада и получило признание западной судебной практики. Характеризуемое в первые после Октябрьского переворота годы, как „мероприятия группы насильников", советское право уже в 1921 г., говоря словами английского лорда судьи, стало для Запада такою „формою проявления права собственности", которую советское государство, как представитель совокупности граждан, считает „лучшею формою". В Англии и Германии советское законо-

дательство определяется, как неприемлемое, правда, и не одобряемое, но как „законодательство цивилизованного государства“, проникнутое высокими, социалистическими идеалами. В Швейцарии признается „существование и действие“ советского права, и федеральный суд рекомендует преклониться перед совершившимся фактом его действия и „считаться с вытекающими из него последствиями“. И даже французская практика, оговаривающая, что признание советского правительства не влечет за собой „принятия“ советского права, указывает, что французские судьи не могут „не знать“, не могут игнорировать советское право. Наконец, северо-американский суд по делу Соколова также формулирует то положение, что в интересах „справедливости и публичного порядка“ можно принимать во внимание и акты и декреты непризнанного советского правительства.

Поскольку речь идет об отдельных отраслях советского права, нужно прежде всего указать, что экстерриториальное действие советского права по отношению к советским гражданам (а также юридическим лицам советского права) не может вызвать, в области норм нашего гражданского кодекса, каких-либо особых осложнений, незнакомых поныне западно-европейской теории международного частного права.

Несравненно труднее было советскому праву пробить себе дорогу к признанию, поскольку речь идет о социалистических мероприятиях советского государства, направленных к сосредоточению в его руках всего имущества его классовых врагов, независимо от их русского или иностранного гражданства. В этом отношении показательны разобранные выше судебные решения: английское — по делу акц. о-ва „Лютер“, германское — по делу „Отто Кейль“ и итальянское — по делу о-ва „Земледельцев г. Пьяченцы“. Акты национализации, учиненные в пределах СССР, в территориальных пределах действия Советского суверенитета, получили в названных решениях признание, исходящее из признания советской суверенной власти. Противоположное решение по делу Бунатьян вынесено было во Франции до признания СССР де-юре, и, надо думать, подобного решения французские судьи вынести впредь не смогут. Но и там, где признания СССР еще нет, можно отметить признание социалистических мероприятий советского правительства, учиненных в пределах СССР. Так обстоит дело в известных решениях нью-иоркского апелляционного суда по иску фирмы Вульфсон к советскому правительству и по только что разбиравшемуся выше делу о-ва русского перестрахования.

В настоящее время западно-европейская судебная практика остановилась перед труднейшею для нее проблемою — признать, и не только признать, но и применить советское право, передав в распоряжение Советского правительства то имущество, которое принадлежит ему по праву, в силу экстерриториального действия советских декретов

о национализации, но которое находилось и находится не в обладании Советского правительства, а в обладании его до-революционных владельцев в иностранном государстве, стране судьи. Интересно отметить, что столь различные, по всему своему отношению к СССР, английская и французская судебная практика—практика двух стран, признавших СССР, где сосредоточивается, главным образом, имущество национализированных в СССР предприятий,—в этом отношении представляются однородными. Исходя из того начала, что правовое положение имущества определяется законом места его нахождения, как английский, так и французский суды не считают возможным распространить действие советского права на имущество национализированных в пределах СССР предприятий, находящееся за границей. Таковы решения марсельского суда—по делу, английского суда—по делу Лондонского отделения бывш. Русского Торгово-Промышленного банка. Таковы же решения германского суда—по делу Гинзбург и решения американских судов.

В этих решениях упускается, однако, из виду то обстоятельство, что под влиянием выше формулированного начала (lex rei sitae) расчленяется искусственно единая по существу имущественная масса, принадлежавшая юридическому лицу старого русского права, что бытие этого юридического лица прекращено советским законодательством, что все имущество национализированного юридического лица, находившееся на территории СССР, перешло к советскому государству и что не иною должна быть судьба остальной части имущества, принадлежавшей национализированному лицу, но находящейся за границей. Поскольку речь идет об имуществе какого либо заграничного отделения русского юридического лица старого права, то такою же должна быть судьба этого имущества, ибо подобное отделение не может иметь отдельного юридического существования. Упускаются, другими словами, те соображения, которые так ясно формулированы в приведенном выше решении швейцарского федерального суда [1]).

Против признания экстерриториального действия советского права выдвигается в связи с этим другое возражение. Указывается, что советское правительство, прекращая существование акционированных юридических лиц, могло аннулировать лишь те акции, которые нахо-

---

[1]) Изложенные в тексте соображения оспариваются некоторыми представителями нашей эмиграции (см. *Идельсон*, журнал *Клюне* 1924 г., стр. 1087—1088), исходя из теории „реальности" юридических лиц. Эта „реальность" скрывает за собою заботу о благоприобретенных правах акционеров. Но природа юридических лиц не исчерпывается правами отдельных физических лиц, их составляющих. См. по поводу применения советского права за границей две серии статей в журнале *Клюне*, 1924 г., стр. 5—62, и 1925 г., стр. 305—306 и 318—350. (Статьи *Grouber* и *Tager* и *André-Prudhomme* о французской практике, *Freund* о немецкой и *Idelson* и *Crane* об английской и американской). Сравн. *Соколов*. Судебная практика западно-европ. государств и советское законодательство. Журн. Межд. Жизнь, 1925 г., № 3.

дились в пределах советского государства, и что оно не могло лишить силы акции, сосредоточенные в руках держателей, находившихся за границею и не подчиненных советскому суверенитету.

Следует однако иметь в виду, что акция, являясь ценною бумагой, удостоверяет, в первую очередь, право членства в акционерном обществе. Акция не сообщает вещного права на имущество общества, она удостоверяет лишь право требовать известной доли в этом имуществе, право, тесно связанное с правом членства.

Поскольку советское право могло прекратить существование б. русского акционерного общества, оно могло также положить конец тем правопритязаниям б. акционеров, которые связаны были с их правом членства, вне зависимости от гражданства акционеров и места их пребывания [1]).

Вопрос о судьбе имущества юридических лиц старого русского права, находящегося за границей, разрешаемый легко, если стать на точку зрения советского права, представляется иначе весьма затруднительным. Если это имущество не принадлежит советскому государству, то кому оно принадлежит? Ни английская, ни французская практика не могут возражать против того юридического факта — „факты суть факты, в России, как и везде",—что самое юридическое лицо старого русского права прекратило свое существование. В таком случае его имущество, хотя бы имущество его заграничных отделений, должно принадлежать, если не советскому государству, то, как ничье имущество, либо государству места его нахождения, либо бывшим владельцам. Первое решение представляется нарушением „благоприобретенных" прав бывших акционеров и потому неприемлемо для западного судьи. Второе решение вызывает опять таки некоторые недоумения. Признав, что юридическое лицо прекратило свое существование, что старый устав юридического лица отпал, следует приступить к его ликвидации—но на основании какого законодательства? Старого русского или местного? Затем, неподчинение имущества филиалов бывш. русских акционерных обществ, в особенности банков,

---

[1]) В этом смысле высказывается *Wohl*, автор весьма основательной статьи „Die Nationalisierung der Bankaktiengesellschaften in Sowjetrussland und ihre Rechtswirkung im Ausslаnd". Журн. Ostrecht 1925 г. № 1, стр. 26—72. Настоящая работа была уже закончена к моменту получения упомянутой статьи *Wohl*. Выводы *Wohl* совпадают с изложенными мною в тексте и в статье моей „Внеземельное действие советского права" в журн. „Советское Право", 1925 г., № 3 (на эту последнюю статью *Wohl* ссылается в своей работе). Работа *Wohl*, помимо сведений об иностранной судебной практике, дает весьма подробное изложение советского законодательства о национализации банков в РСФСР и указывает пределы его распространения на другие союзные республики и его экстерриториального действия на Западе. — Для советского читателя подробная полемика *Wohl* с судебными решениями Запада иногда представляется несколько излишней. Теоремы *Wohl* для совесткого юриста являются во многих случаях аксиомами.

имело, конечно, своею целью не ликвидацию их тем или иным порядком, а продолжение их существования. Как временный компромисс, как уклонение от окончательного решения—постановления французских судов о назначении временных судебных администраторов по делам бывших русских обществ и банков.

Стремление уйти от этого временного состояния побудило бывш. русский банк для внешней торговли преобразоваться в новый, французский по уставу банк. Подобное преобразование не может, однако, устранить законных притязаний советского государства на принадлежащее ему имущество. Как указывалось выше, английская практика, в полном согласии со здравым смыслом и с декларативным характером международно-правового признания, сообщает этому признанию обратную силу. Французской практике не пришлось высказаться по этому поводу, но юридический здравый смысл, юридический такт должен был бы привести ее к этому же выводу, пользуясь хотя бы теорией „обхода закона".

Конечно, уверенным в таком исходе быть нельзя. С одной стороны, понятие благоприобретенных прав, с другой стороны, излюбленное французским судьей понятие публичного порядка могут помешать ему сообщить признанию советского государства обратную силу.

Несомненно, под знаком этих понятий—благоприобретенных прав и публичного порядка—будет развиваться судебная практика по отношению к советскому государству и советскому праву и в других государствах.

Тот короткий срок, в течение которого мы наблюдаем сосуществование СССР с буржуазным Западом, не дает оснований для окончательного суждения о том, в каком направлении эволюционирует западная судебная практика. В особенности существенно установить это для тех стран, где находится основная масса переправленного за границу национализированного в СССР имущества (акционерных обществ и банков). Можно, однако, быть уверенным, что теперешнее положение не „стабилизируется". Быстрый рост значения СССР в мировом хозяйстве и мировой политике служит порукой к тому, что признание советского государства последует и со стороны тех, ныне единичных государств, которые медлят еще с этим признанием. А в связи с этими „признаниями" углубится значение и тех признаний, которые уже последовали, и расширятся пределы применения за границей советского права.

С. Б. Крылов.

О подсудности претензий иностранцев

в связи с ледокольной кампанией 1925-26 г. *).

I

По договорам, заключенным нашими госорганами с иностранными судовладельцами, последним была обещана ледокольная помощь по вводу их судов в Ленинградский порт и по выводу их из него. Исключительные условия зимы этого года создали невозможность нормально скорой проводки этих судов среди льда. Следствием этого явились и явятся ряд взаимных споров по ответственности за простои судов, за уклонение их от курса, за аварии и т. д.

Основной вопрос, который практически необходимо теперь же разрешить, сводится к тому, компетентны ли иностранные суды принимать к своему рассмотрению претензии по всем этим спорам. Коренное положение международного права по вопросу о подсудности заключается в том, что каждый суд данной страны в праве самостоятельно решать вопрос о подсудности себе данного дела, на оснований законов своего государства, по одному из нижеуказанных основании подсудности. Это положение вытекает из того, что общепринятых *международных* норм о подсудности—нет, и, следовательно, если между данными двумя странами нет международного договора, решающего вопрос о подсудности, то нет того *единственно-обязательного* по международному праву суда, в который можно бы отослать истца. Поэтому, отослать истца, особенно своего гражданина, в иностранный суд, было бы отказом истцу в судебной защите и подрывом авторитета судебной власти данного государства. К этому присоединяется и то практическое соображение, что если бы возникло пререкание о подсудности между двумя разно-государственными судами, то этот спор между ними не мог бы быть разрешен,—за отсутствием некоторого высшего для них обоих судебного места, которое было бы компе-

---

*) Доклад, прочитанный в Юридической Комиссии при Фрахтовом Бюро НКВТ 25 января 1926 г.

тентно разрешить их спор, вследствие чего этот спор оказался бы совершенно безысходным.

Поэтому следует говорить не о *международных* правилах подсудности, а о наиболее широко принятых *внутри-государственных* нормах подсудности. С этой точки зрения, наиболее распространенным, почти всеобщим (исключая Францию) правилом подсудности является компетентность суда той страны, где *живет ответчик* (actor sequitur forum rei), ибо подсудность по местожительству ответчика общепринята во внутреннем праве каждой страны (ст. 25 ГПК РСФСР). Затем, следует второе правило подсудности—по месту *исполнения* обязательства (forum loc etxcutionis), также общепринятое по внутреннему праву (ст. 28 ГПК РСФСР). Далее, определяющим моментом для подсудности может быть правило подсудности исков по месту *совершения* договора или его *нарушения* (forum loci contractus или delicti comissi), а также по месту *нахождения судна* (forum rei sitae, в связи с залогом на судно, груз и фрахт). Наконец, допустимо и то начало, что если дело по существу должно обсуждаться по *материальным* законам данного государства, то оно может быть принято к производству и его *судами*. Если, напр., данный договор должен обсуждаться по английским законам, то он может подлежать и ведомству английских судов; кроме того, как мы видели, данный спор может быть передан в английский суд по одному из вышеуказанных правовых оснований,—напр., по месту заключения или исполнения договора *(Э. Цительман, Ф. Ф. Мартенс, I. М. Яблочков, А. Н. Мандельштам).*

Изложенные основания, допускающие подсудность вышеуказанных споров иностранным судам, могут служить и нам. Если, по *экспортным* грузам в иностранных судах к нам будут пред'явлены иски с наложением арестов на наши грузы и с требованием уплаты убытков за нарушения договоров,—то возражать против подсудности таких исков иностранным судам будет почти невозможно. Но также невозможно будет иностранцам возражать против подсудности нашим судам споров по поводу *импортных* грузов: если капитан не выдает этих грузов нашим хозорганам, на основании своего залогового права, до оплаты хозорганами его претензий (напр., за простой из-за льдов),—то сами хозорганы могут, по собственной инициативе, пред'явить иски о выдаче грузов в наши суды, которые будут не в праве, по вышеналоженному, отказать им в судебной защите [1]), как на основании нашего ГПК, так и по одному из вышеуказанных общепринятых осно-

---

[1]) Это основание было использовано хозорганами: в марте с. г. ряд исков был ими пред'явлен в Ленинградском Губсуде к иностранным судовладельцам, в лице их капитанов, о выдаче грузов, которые задерживались капитанами до погашения хозорганами претензий к ним за простой судов из-за льда. По д. парохода „Неккар", Губсуд обеспечил иски хозорганов - грузополучателей, требовавших выдачи им задержанных капитаном грузов, обязав капитана выгрузить с парохода спорные грузы, так как хоз-

ваний: напр., по месту исполнения договора (ст. 28 ГПК), или по месту его совершения, или по месту его нарушения.

Необходимо также учесть моменты *договорной* подсудности и *арбитража*. Некоторые международные договоры СССР позволяют сторонам *условиться* о подсудности их споров или об их подчинении *третейскому* суду. Так по торговому соглашению СССР со Швецией от 15/III 1924 г.: „*Споры, возникающие из сделок*, заключенных между одною стороною или ее гражданами и корпорациями и другою стороною и ее гражданами или корпорациями, будут, *согласно принципов международного права*, передаваться на рассмотрение *судов той или другой стороны*, если из *содержания актов* или *особого соглашения* не вытекает иное" (ст. 3, Собр. Зак., 1924, № 16, ст. 158).

По советско-германскому договору от 12/X 1925, действительны все *третейские соглашения* между сторонами, принадлежащими к СССР и Германии, по всем спорам, кроме вопросов личного состояния и семейного права, отношений рабочего найма и споров о землепользовании. При этом „третейское соглашение *исключает* разрешение правового спора *судами* или другими учреждениями" (если письменно не условлено иное). Третейское решение, если нет перечисленных в ст. 10 договора оснований к отказу в его исполнении, имеет между сторонами „значение *вступившего в силу судебного решения*" и признается действительным на территории другой стороны (согл. VI, ст. 1, 8, 10).

II

Обращаясь к иностранной судебной практике, мы видим, что английские суды принимали к своему производству *самые разнообразные дела*, применяя не только свой, но и чужой материальный закон и считаясь в отношении этого закона в первую очередь с тем, каково было соглашение или намерение сторон, а при их отсутствии или неясности—в решающей степени, с презумпцией в пользу закона *флага* корабля (дело Миссури). Поэтому, напр., судно под французским флагом было подчинено французскому закону, хотя судно было нанято англичанином в датском порту для следования из Гаити в Англию или во Францию, по выбору фрахтователя. При этих условиях английский суд не отклонил иска, а принял его к производству (д. Ллойд Джильберт).

По тому же основанию решал дела английский суд и в других случаях. Германское судно было зафрахтовано германцем из России

органы соглашались выдать подписку о готовности передать дело компетентному суду или арбитражу и подчиниться вступившему в законную силу судебному решению. С другой стороны, тот же Губсуд обеспечил иск капитана к грузополучателям, на основании залогового права судовладельца на груз, путем наложения ареста на груз (д. парохода Иоганнес Мерск).

в Англию; чартер и коносамент были на английском языке. Английский суд признал себя компетентным в решении спора, решив его по германскому праву, как закону флага корабля (д. Экспресс; д. Август). В другом случае, однако, английский суд нашел, что по чартеру, совершенному в английской форме в Англии, *намерением* сторон было совершить английский договор, и потому применил английское право, а дело признал себе подсудным (д. Индустрии, 1894).

Принцип флага корабля был резко выражен в деле Гаэтано Мария. Домицилированный в Англии фрахтователь, по чартеру, совершенному в Англии, погрузил товар в итальянское судно, отправленное в Англию. В португальском порту капитан выдал бодмерею на судно, груз и фрахт, не спросив судовладельца, хотя мог это сделать: по английскому закону он обязан был сделать это, по итальянскому— нет. Английский суд признал, что полномочия капитана должны обсуждаться по закону флага корабля, т. е. по итальянскому закону. Во всех этих случаях, английский суд признавал себя компетентным в решении спора, независимо от того, какой материальный закон должен быть применен к данному случаю (*T. E. Scrutton* and *F. D. Mackinon*, The contract of affreightment as expressed in charterparties and bills of lading, Lond., 1923, p.p. 19—23).

Германская практика применяет, при неясности соглашения или намерения сторон, в первую очередь, материальный закон места *совершения* фрахтового договора; таково, напр., решение Германского Имперского Суда от 2 января 1911 г. и Высшего Ганзейского Суда от 9-го февраля 1910 г. За материальным законом всегда может следовать закон процессуальный: чартер подписан в Гамбурге, а судно шло во Владивосток, спор рассматривается германским судом. Однако, место *исполнения* договора нередко имеет большое значение, как определяющая основа для материального и процессуального закона (напр., по решению германского имперского суда 6 июня 1908 г., обязательства фрахтовщика обсуждаются по законам места исполнения).

Практически, во многих случаях, будет выдвигаться правило подсудности по *месту нахождения судна* (forum rei sitae): напр., когда истец является *судовым верителем*, т. е. его требования вытекают из эксплоатации судна или перевозки груза (проекты уложения о торговом мореплавании и морского кодекса СССР). „Иск судового верителя может быть пред'явлен *в разных судах*: 1) в суде отечественного *порта*, как неустранимого суда; 2) по месту *общей* подсудности судовладельца и в специальных судах“, согласно ZPO; 3) „в суде, в округе которого *находится судно*, если судовладелец не имеет местожительства в Германии (ZPO, § 23); 4) в том же суде—и *во всех других* случаях. Хотя этого нельзя основать на законе, но это *почти общепринято*, в согласии с установившейся обычно-правовой судебной

практикой, а также с требованием *целесообразности*. Речь идет об обычно-правовом создании forum rei sitae. *Практически* значительно в этой связи то, что место нахождения судна *может быть зафиксировано* путем ареста" (*V. Ehrenberg*, Handbuch des gesamzen Handelsrechts, Leipz., 1923, 413—414, 318). Действительно, подсудность таких исков по месту нахождения судна является одною из тех почти всеобщих норм морского права, которые своею крепостью и законченностью напоминают крепкие круглые камни, отшлифованные вековою работою моря. Однако, норма эта не исключает ряда других правил, определяющих подсудность споров из морской перевозки, которые мы выше подробно уже рассмотрели.

III

На основании сказанного, в целом ряде случаев: 1) местом подсудности может быть *территория СССР* (напр., по *импортным* грузам; или дела об *аварийных* расчетах—декреты СНК РСФСР от 29/X 1920 и от 17/X 1921; или иски о вознаграждении за *спасание* и подачу помощи на море—декрет СНК от 7/VI 1923 и постан. СНК от 23/XII 1924, С. У. 1923, № 53 и С. З. 1925, № 6); 2) там, где будет налицо иностранная подсудность, можно отстаивать применение наших материальных законов (особенно по месту *исполнения* или *нарушения* договоров), если это будет признано в каждом отдельном случае целесообразным.

Но необходимо иметь в виду и другой, весьма важный момент. Он лежит в области *исполнения* решений иностранных судов. Если по такому решению нельзя наложить арест на ценности данного госоргана за границею, решение придется иностранцам приводить в исполнение у нас. Между тем по нашему праву и практике (как и до революции) решения иностранных судов исполняются нашими судами только при наличности соответствующей конвенции с данным иностранным государством. Без такой конвенции, иностранное решение есть только материал по делу, без какой бы то ни было исполнительной силы, и этот материал может быть оцениваем с точки зрения того, насколько он продиктован общепризнанными нормами морского права, а не специальными соображениями иностранной политики.

Таким образом, оценивая шансы будущей судебной борьбы с претензиями иностранцев, необходимо иметь в виду, что на их стороне—возможность передачи спора по ряду дел в иностранные суды и держание наших грузов на своих судах; на нашей стороне—возможность перенесения значительного числа споров в наши суды и исключительный характер зимы 1925/26 г., небывалой с 1892 г. и б. м. обосновывающей применение начала непреодолимой силы, а также необходи-

мость для иностранцев, в ряде случаев, обращаться в наши суды за приведением в исполнение решений иностранных судов. Поэтому иностранцам не меньше, чем нам надо помнить старинное правило: exitus litis incertus (исход тяжбы известен). Для наших же фрахтователей наиболее правильным путем следовало бы признать об'единение всех дел по взаимным их спорам с иностранцами в одном органе НКВТ, который вел бы от лица всех госорганов переговоры с таким же неизбежным, вероятно, об'единением иностранных наших контрагентов и выработал бы общее соглашение по всем таким претензиям. В противном случае иностранное об'единение, имея дело с разрозненными нашими госорганами, будет стремиться диктовать им свою одностороннюю волю.

Проф. **Я. Магазинер.**

Биржевое законодательство и его нужды

I

Постановление СТО „о товарных биржах“ от 23 августа 1922 г., изданное в начале развития внутреннего товарооборота страны, когда еще невозможно было точно установить настоящее место бирж, как организаций содействующих торговле, не могло с исчерпывающей полнотой определить как задачи бирж так и их компетенцию, и предусмотреть все те вопросы, которые выдвинула дальнейшая почти четырехлетняя практика биржевой работы.

Правовые рамки, в которые была заключена биржа этим постановлением, были очерчены недостаточно широко. По мере развития товарооборота, расширялось и значение биржи; потребности торгового оборота ставили перед биржей ряд новых задач, которые не были предусмотрены законом о биржах. Эти задачи требовали своего правового оформления и обусловливали необходимость соответствующих изменений и дополнений в законе.

Уже в самом начале, одновременно с опубликованием самого закона о товарных биржах 1922 года, возникло предположение, что в своеобразных условиях нашего торгового уклада, биржи, особенно в начале своей деятельности, не смогут вовлечь в биржевое русло все сделки оптового торга и, таким образом, основная задача биржи, как выявительницы спроса и предложения товаров, пе будет достигнута.

Чтобы избежать этого, вслед за введением закона о биржах, было издано постановление СТО „о регистрации внебиржевых сделок государственных предприятий и учреждений“.

В дальнейшем, значительная часть правовых вопросов, выдвигаемых биржевой практикой, разрешалась в порядке ведомственных постановлений, инструкций и раз’яснений Наркомвнуторга, причем некоторые из этих постановлений расширяли даже об’ем компетенции бирж.

Практика ведомственных толкований закона в целях приспособления его к изменившимся требованиям жизни, создала вокруг него целый ряд наслоений, сделавших в конце концов затруднительным пользование самим законом. Чтобы покончить с этими наслоениями, нужно было, очевидно, пойти навстречу жизни и перестроить самый

закон, кодифицировав в нем все изменения, внесенные жизнью, и дав биржам новый, более соответствующий их изменившемуся положению в товарообороте, правовой фундамент.

Выполнение этой задачи взяло на себя утвержденное ЦИК и СНК СССР 2 октября 1925 г. „Положение о товарных и фондовых биржах и фондовых отделах при товарных биржах".

II

Новый закон дает совершенно точное определение правовой природы бирж, как организаций общественного характера, и с достаточной полнотой определяет круг задач, возлагаемых на биржи. К числу этих задач относятся: а) устройство периодических собраний торгующих для совершения торговых сделок, б) выявление товарных цен, спроса и предложения товаров, в) изучение, упорядочение и облегчение товарооборота и связанных с ним торговых операций, г) представительство нужд и интересов торговли перед органами правительства, д) примирительное разрешение споров по торговым сделкам, зарегистрированным на биржах. Таким образом, в настоящее время уже не приходится, на основании общих задач биржи, устанавливать пределы ее компетенции в каждом отдельном случае.

Большая экономическая работа, проводимая биржами, в виде собирания и проработки материалов о товарообороте, являющихся основой в работе регулирующих органов, нашла признание в новом законе, отнесшем к числу задач бирж—изучение товарооборота. Точно также, вскользь упомянутые в прежнем законе, скромно определяемые представительские функции бирж, в виде права „входить в Комвнуторг с представлениями о нуждах торговли", после почти четырехлетней практики представительства биржами интересов торговли в налоговых органах, в комитетах по перевозкам, в портовых совещаниях и в других правительственных органах, определяются в настоящее время, как одна из основных задач бирж.

Установление в новом законе, с одной стороны самостоятельности бирж в деле их внутренней организации и распорядка в оперативной работе и в распоряжении своими средствами, а с другой—точное определение компетенции местных органов Наркомторга по отношению к биржам, устраняют все те недоразумения, которые в отдельных местах наблюдались во взаимоотношениях между ними и биржами.

Вместе с тем подтверждение самостоятельности бирж в распоряжении своими средствами рассеет всякие сомнения у некоторых местных органов Наркомфина в вопросе о природе и назначении сборов, взимаемых биржами. До этого были случаи пред'явления некоторыми Губфинотделами требований к товарным биржам о представлении последними своих балансов для включения в местный бюджет отчислений от чистой прибыли.

Как новое положение о биржах, так и разработанный на основе его нормальный устав бирж, утвержденный Наркомвнуторгом СССР, вносят ясность в вопрос о членах биржи и изменяют самый принцип допущения на биржевые собрания посетителей, как постоянных, так и разовых. Не подлежит сомнению, что к правильному разрешению этого вопроса привел также опыт бирж, обнаруживший нежизненность и нецелесообразность в этом отношении прежнего закона и прежнего примерного устава. Последние давали право, наряду с госпредприятиями, торговыми и промышленными, состоять членами биржи и государственным учреждениям. Понятно, госучреждению, не занимающемуся ни торговлей, ни промышленной деятельностью, нет надобности состоять членом биржи. Последовавшее по этому вопросу раз'яснение Совета с'ездов биржевой торговли истолковало соответствующую статью постановления СТО в том смысле, что лишь те госучреждения могут состоять членами биржи, которые вправе производить торгово-промышленные операции. Однако, такое раз'яснение оказалось слишком ограничительным, ибо ввело признак ведения торгово-промышленных операций, не совпадающий с понятием производственной деятельности, а между тем и госпредприятия, занимающиеся производственной деятельностью, не имеющей торгово-промышленного характера, имеют потребность быть членами биржи и должны быть допущены в качестве таковых на биржу. Новый закон допускает в члены биржи, как госпредприятия, так и госучреждения, в ведении коих состоят госпредприятия. Таким образом членом биржи может быть госучреждение, в ведении коего состоит предприятие, занимающееся производственной деятельностью, хотя-бы и не имеющей характера деятельности торгово-промышленной.

Что касается посетителей биржи, постоянных и разовых, то действовавший примерный устав устанавливал принцип, в силу которого посетителями биржи могли быть такие организации и лица, которые обладали торговыми правами, необходимыми для принятия в члены биржи. Принцип этот был неправилен и создавал на практике затруднения в вопросе о допущении на биржу в качестве посетителя, как представителя организации, не занимающейся в виде промысла торговой деятельностью, но имеющей потребность приобрести товары или материалы, обращающиеся на бирже, так и частное лицо, хотя и занимающееся торгово-промышленной деятельностью, но обладающее более низким налоговым цензом, чем это требуется для принятия в члены биржи. Новый нормальный устав, в соответствии с положением о биржах, устанавливает правила в отношении допущения посетителей на биржу, более соответствующие существующей практике и потребностям биржевого оборота. В качестве посетителей допускаются организации в лице своих представителей, независимо от занятия ими торговой или промышленной деятельностью, и частные

лица, владеющие торговыми или промышленными предприятиями не ниже II разряда.

Из других организационных вопросов, вызывавших часто сомнения и не всегда однообразно разрешавшихся на практике, был вопрос о составе биржевого комитета и о связи его членов с представляемой организацией. Прямого ответа на этот вопрос нельзя было найти ни в действовавшем законе о биржах, ни в примерном уставе. Можно было руководствоваться лишь общим принципом выборности членов биржевого комитета, избрание персональное, а не в качестве только представителей определенных организаций. Недоразумения обычно возникали при оставлении членом биржевого комитета представляемой им организации. Практика в таких случаях была разнообразна: в одном случае член биржевого комитета сохранял свои полномочия, повидимому, по соображениям персональной ценности его для биржевого комитета, а в другом—выбывал из состава последнего, а представляемой им организации предоставлялось право делегировать другого представителя, что уже являлось неправильным, так как этим нарушался принцип выборности.

Новый нормальный устав разрешает вопросы о составе биржевого комитета, соблюдая принцип избрания. Избранный член биржевого комитета, переставший быть представителем организации, сохраняет свои полномочия до ближайшего общего собрания, по постановлению которого они могут быть сохранены на весь срок избрания. Это дает возможность сохранить в составе биржевого комитета члена для постоянной работы, хотя-бы он оставил работу в организации, которую он представлял в момент его избрания.

Из организационных вопросов также довольно удачно разрешен положением о биржах вопрос о функциях и пределах компетенции президиума биржевого комитета. Согласно прежнему примерному уставу, президиум биржевого комитета признавался исполнительным органом биржевого комитета, являвшегося в свою очередь исполнительным органом общих собраний членов биржи. По существу, пределы компетенции этих исполнительных органов, на практике почти совпадали. Так как биржевой комитет, в особенности, на крупных биржах, представлял собою довольно громоздкий орган управления, частый созыв которого являлся затруднительным по техническим условиям, президиум биржевого комитета, естественно, воспринял в действительности весь об'ем компетенции биржевого комитета, передавая на его утверждение в последующем порядке все свои постановления по вопросам, формально выходившим за пределы компетенции президиума.

При таких условиях вполне рациональным явилось то определение компетенции президиума и взаимоотношений последнего с биржевым комитетом, какое дает и ст. 20 нового закона о биржах и нор-

мальный устав, а именно: „в промежутки между заседаниями биржевого Комитета, президиум выполняет функции последнего, представляя отчет о своей деятельности биржевому комитету в каждом его заседании“.

III

В области оперативной деятельности бирж большинство вопросов, давно назревших, также нашло свое отражение в новом законе о биржах. В течение продолжительного времени биржи и госорганы, совершавшие сделки на биржах, волновал вопрос о возможности совершения сделок поставки на бирже, в виду последовавших раз'яснений НКЮ о том, что регистрация сделок поставки на биржах не приравнивается к нотариальному засвидетельствованию. Вопрос этот был положительно разрешен уже постановлением СНК СССР от 25/XI—24 г. Однако, и с изданием этого постановления не были еще изжиты все спорные вопросы в биржевой работе в смысле возможности совершения тех или иных сделок. Возбуждались сомнения по поводу возможности совершения на бирже сделок на изготовление промышленными предприятиями изделий, в виду спорности вопроса об юридической природе таких заказов, признаваемых в нашей юридической литературе, отдельными теоретиками права, а равно и практиками-юрисконсультами предприятий, сделками подряда и, вследствие трудности, в отдельных случаях, разграничить договоры поставки и подряда. Определением биржевой сделки, даваемым в новом положении о биржах, устраняются всякие споры и недоразумения в этой области. Биржевая сделка должна удовлетворять совокупности трех условий: в отношении об'екта, суб'екта и момента регистрации сделки. В отношении об'екта, сделка должна представлять собою: оптовую куплю-продажу (в том числе и поставку) товаров, мену товаров, оптовый заказ, данный промышленному предприятию на изготовление товаров, куплю-продажу судов, зафрахтование или аренду их, а также договор торговой экспедиции или перевозки. Таким образом, вопрос о заказах, даваемых промышленному предприятию, получил в новом законе положительное разрешение, поскольку, конечно, речь идет об изготовлении товаров в оптовом количестве, а не об изготовлении предметов, коим присущи индивидуальные признаки.

Что касается сделок по торговой экспедиции и перевозке, по зафрахтованию и аренде судов, то специальным постановлением б. Комвнуторга при СТО, они допускались и раньше к совершению на биржах. Однако, условия, в которые они ставились действовавшим законодательством, в смысле юридического значения их оформления, были таковы, что они не могли найти себе места на биржах. Необходимость обязательного засвидетельствования договоров, предусмотренных ст. 137

Гр. Код. в нотариальном органе и приравнение к нотариальному засвидетельствованию регистрации на биржах лишь сделок купли-продажи, ставили препятствия к совершению на бирже упомянутых сделок, так как регистрация их на бирже еще не освобождала их от нотариального засвидетельствования в тех случаях, когда таковое было обязательно. В настоящее время поскольку, согласно ст. 85 положения о биржах, все сделки, зарегистрированные на бирже, не подлежат нотариальному засвидетельствованию, сделки по торговой экспедиции и фрахтовые, будучи совершены на бирже, следовательно, также освобождаются от нотариального засвидетельствования. Вполне вероятно, что с открытием навигации фрахтовые сделки найдут место на биржах тех городов, где благодаря наличию водных путей, они всегда совершались в большом числе, представляя собою обычные операции транспортных организаций, имеющие несомненно торговый характер и потому, естественно, вполне уместные на биржах.

Наконец, нельзя обойти молчанием еще один вопрос оперативной деятельности, имеющий серьезное значение в смысле облегчения возможности совершения биржевых сделок. Биржевой маклер, по существу своей роли, является беспристрастным посредником между торгующими. Он отнюдь не является агентом какой-либо одной стороны, интересы которой он должен охранять. Ему должны быть одинаково близки интересы обоих сторон, которые он призван обслуживать. Наше законодательство в особенности ставит биржевого маклера в такое положение, признавая его должностным лицом. В виду этого, казалось бы естественным, что при наличии точных письменных приказов сторон, данных биржевому маклеру на совершение определенной сделки на указанных условиях, оформление ее в отсутствие сторон, при одной лишь подписи маклера на маклерской записке, удостоверяющей сделку, могло быть допущено. До настоящего времени для этого не было легального основания. Новый закон подтверждает это право биржевого маклера и тем идет навстречу, прежде всего, развитию так наз. иногородних сделок, если одна из сторон находится вне места нахождения биржи, при каких условиях нельзя совершить междубиржевую сделку. Вместе с тем он дает возможность торгующим, и в месте нахождения биржи, лишенным иногда возможности прибыть для подписания сделки, дав письменный приказ биржевому маклеру, совершить биржевую сделку.

Можно сказать, что новый закон о биржах в значительной мере исчерпал вопросы, накопившиеся за время деятельности бирж, систематизировав их и закрепив в форме всесоюзного законоположения, вводящего единообразные начала в практику всех бирж Союза ССР. Непродолжительная практика применения его, естественно, не могла еще дать значительных показаний в сторону необходимости тех или иных его дополнений и изменений.

Однако, нам представляется, что уже в настоящее время можно остановиться на одном вопросе, не разрешенном новым законом о биржах. Мы имеем в виду вопрос о комиссионных сделках в условиях биржевого торга. Как известно, договоры комиссии, в настоящее время, на биржах не совершаются. Основанием для этого послужило первоначальное определение назначения товарных бирж, какое давалось в постановлении СТО „о товарных биржах". Так как главнейшей задачей бирж было выявление отношения спроса к предложению, практикой бирж, на основании неоднократных раз'яснений Совета С'ездов биржевой торговли, было усвоено, что комиссионные сделки, как невыявляющие спрос и предложение товаров, не свойственны биржевому торгу. Имеются-ли какие-либо серьезные основания к такому же отношению к комиссионным сделкам в условиях их совершения на бирже в настоящее время? Мы полагаем, что нет. Обратимся прежде всего к действующему закону о биржах. Если до издания его, сделки торговой экспедиции и перевозки были допущены к совершению на бирже постановлением б. Комвнуторга при СТО, в виде исключения, то в настоящее время, ст. 53 Положения о биржах, относит их к числу обычных об'ектов биржевых сделок. Между тем, договор торговой экспедиции является лишь разновидностью договора комиссии. Во всяком случае, в этом качестве он признается изданным 9 января текущего года украинским законом о договоре комиссии, ст. 1 которого определяет предметом договора комиссии „всякие незапрещенные законом сделки, как-то: покупку и продажу товара, ценных бумаг и другого имущества, отправку и страхование имущества и грузов, производство и получение платежей и т. п.". У нас нет еще других законодательных актов, относящихся к договору комиссии, но если мы обратимся к проекту торгового свода, разработанному б. Комвнуторгом при СТО, то и в нем, договор экспедиции, хотя и выделяется в особый вид договора, но выделение это сводится лишь к самостоятельному определению понятия договора экспедиции, во всем же остальном к этому виду договора применяются нормы, регулирующие взаимоотношения по договору комиссии. Таким образом, со стороны правовой природы договора комиссии, к недопущению комиссионных сделок на биржу, при одновременном допущении сделок торговой экспедиции, как будто нет никаких серьезных оснований.

Между тем, вопрос о допущении комиссионных сделок на биржу является одним из очень больших вопросов торговой практики, т. к. комиссионные сделки отвоевали себе довольно большое и прочное место в современной торговле.

Посредническая же роль бирж при заключении комиссионных сделок может иметь не меньшее, а даже большее значение, чем при заключении сделок экспедиции и перевозки.

IV -

Наряду с законом о биржах, существуют отдельные законоположения, призванные регламентировать деятельность бирж, а равно и законоположения, хотя и не имеющие непосредственного отношения к сфере биржевого законодательства, но, тем не менее, влияющие на условия и успешность развития биржевой торговли.

Одним из законодательных актов, создающим затруднения в условиях биржевой работы .и являющимся до известной степени тормазом к заключению некоторых сделок на бирже, является действующее положение о государственных подрядах и поставках. Необходимость его пересмотра давно назрела и признана всеми заинтересованными учреждениями, вынужденными его применять в своей деятельности. На совещании юрисконсультов госпредприятий подведомственных ВСНХ, состоявшемся в мае минувшего года, было признано несоответствие действующего положения о государственных подрядах и поставках современным условиям деятельности госпредприятий, действующих на коммерческом расчете. При совершении сделок на бирже, стороны ставятся в затруднение ст. 15 положения, предписывающем обязательное включение в сделку госпоставки условия о неустойке, при чем, на случай неисполнения—в размере не ниже 10% суммы договора. В виду того, что сделки поставки на бирже представляют собою явление обычное и преимущественно заключаются госорганами, вопрос об обязательном включении условия о неустойке в эти сделки возникает довольно часто, так как биржа и ее агенты вынуждены пред являть такие требования к сторонам, под страхом возможного признания недействительными сделок, заключенных с нарушением ст. 15 положения. В виду того, что в обычных условиях торгового оборота, обе стороны считают себя вправе на одинаковое ограждение своих интересов, они требуют взаимного обязательства о платеже неустойки, что приводит иногда к отказу от самой сделки. В особенности это наолюдается в сделках, где поставщиком выступает какой-либо госорган-монополист. Правда, циркуляром ВСНХ предписано таким монополистам подчиняться правилам ст. 15 положения в тех случаях, когда они уверены в выполнимости сделки и притом в указанные сроки. Однако, под предлогом неуверенности в выполнении сделки в срок, согласно назначенным условиям, можно отказаться и от заключения сделки. Единственным выходом из создавшегося положения, был-бы пересмотр всего закона, утратившего, вообще, свое значение в современных условиях оперативной производственной или коммерческой деятельности госпредприятий и сохранившего его лишь вне этой сферы деятельности их.

Наконец, последним вопросом, на котором нельзя не остановить своего внимания биржам, является вопрос о праве бирж и биржевых

маклеров погашать гербовые марки. Вопрос этот довольно остро стоял на биржах на протяжении последнего года и острота его не изгладилась до настоящего времени. Наоборот, можно утверждать, что с развитием межбиржевых сделок и, при предоставленном, новым положением о биржах^ биржевым маклерам праве, при наличии письменных приказов сторон, скреплять сделку лишь подписью маклера, отсутствие права у бирж и биржевых маклеров погашать гербовые марки должно будет осложнить процесс оформления сделок, в виду необходимости внесения гербового сбора под квитанцию Губфинотдела за отсутствием сторон, которые могли бы погасить гербовые марки своими подписями. Поэтому при пересмотре устава о гербовом сборе, вопрос этот должен получить приемлемое для бирж разрешение. Однако, не следуеі упускать из виду, что предоставление биржам и биржевым маклерам права погашать гербовые марки тесно связано с перенесением ка них ответственности за правильную оплату сделок гербовым сбором, лежащей в настоящее время на самих сторонах. При том определении понятия торговой сделки, какое дается в действующем уставе о герб, сборе, эта ответственность таит в себе определенную опасность. Дело в том, что по определению торговой сделки, даваемому уст. о герб, сборе, для установления характера сделки необходимо знать назначение товара, приобретаемого покупателем, для перепродажи или переработки, для чего приходится руководствоваться суб’ективными указаниями покупателя. Так как торговые сделки оплачиваются гербовым сбором в пониженном размере, то при не возможности, во всех случаях, на основании об’ективных данных сделки определить назначение товара и при несомненной склонности сторон, на которых не будет лежать ответственности за правильную оплату сделки герб, сбором, давать сведения, в сторону более льготной оплаты сделки герб, сбором,— ответственность бирж и биржевых маклеров за правильную оплату сделок герб, сбором не может быть принята. В виду этого, возложение ее на биржи и биржевых маклеров должно быть связано с изменением, при пересмотре устава о герб, сборе, определения понятия торговой сделки, путем введения в него иных признаков, дающих возможность установить характер сделки, независимо от тех сведений, которые может дать покупатель.

И Рудаез.

Нужно ли нам специальное законодательство о синдикатах.

Синдикаты, равным образом как и тресты, составляют одну из форм так назыв. предпринимательских об'единений, которые являются одним из характернейших моментов экономического развития, начиная с 18 столетия; как показывает история развития предпринимательских об'единений, они стали возникать в прямой зависимости от появления промышленных кризисов и, чем чаще и интенсивнее стали повторяться промышленные кризисы, тем настойчивее стала выдвигаться мысль об об'единениях предпринимателей в качестве противодействия указанным кризисам.

Имея в виду указанное обстоятельство, Клейнвехтер остроумно заметил, что предпринимательские об'единения—дети нужды.

Вместе с тем указанная связь между промышленными кризисами и предпринимательскими об'единениями в значительной мере определяет собой и те цели, которые преследуются предпринимательскими об'единениями: такой целью является прежде всего поддержание на определенном уровне продажных цен, а в дальнейшем—регулирование и самого производства, поскольку оно является фактором определяющим ту или иную высоту цен.

По мере развития народного хозяйства появляется целый ряд новых факторов, стимулирующих рост предпринимательских об'единений: сюда относятся прежде всего колоссальные успехи техники и быстро увеличивающееся преобладание постоянных капиталов над оборотными. О значении техники для концентрации, напр., металлопромышленности легко судить, если вспомнить, что бессемеровские процессы возможны только в крупных предприятиях с большими капиталами, что максимальные выгоды получаются от соединения конвертеров с доменными печами и вальцепрокатными заводами и т. д.

Помещение в промышленность громадных капиталов при невозможности дать им другое назначение порождает в результате естественную тенденцию к непрерывному производству, хотя бы с убытком, в расчете потерять меньше на низких ценах, чем на процентах, связанных с остановкой предприятия. Поскольку такое положение дел

не может продолжаться более или менее длительно, естественным выходом из него является опять таки объединение в целях регулирования количества выработки (правда, выходом, не всегда приводящим к цели).

Классической страной предпринимательских об'единении являются Соединенные Штаты Северной Америки; начавшись в половине 19 столетия, процесс об'единения промышленности в Америке к началу 20-го столетия охватил все важнейшие отрасли народного хозяйства (железные дороги, металлургию, угольную, нефтяную, сахарную промышленности и т. д.), при чем параллельно с горизонтальным, идет так называемое, вертикальное об'единение или комбинирование в едином центре самых разнородных предприятий.

В начале 20-го столетия появились предпринимательские об единения и у нас („Продамет", „Продуголь", „Кровля" и т. п.).

Поскольку предпринимательские об'единения охватывают продукты массового потребления, вполне естественным представляется тот повышенный интерес, который проявляется обществом к этому вопросу; но одновременно с этим из изложенного выясняются и те трудности, которые стоят перед законодателем при урегулировании вопроса о предпринимательских об'единениях: с одной стороны ^они еоьер шенно естественный и неизбежный этап экономической эволюции и, следовательно, борьба с ними путем запретительных мер соеерj шенно бесцельна, как показывает акт Шермана в Америке, с другой стороны законодатель не может не учитывать того колоссального вреда, который могут нанести обществу указанные об единения.

Хуже всего то, что до сего времени законодателю не пришла на помощь экономическая наука, несмотря на прямо необозримую литературу, посвященную вопросам о предпринимательских об единениях (изданный Вашингтонской библиотекой Конгресса List of books relating to trusts, содержит 90 стр. убористого текста), до сего времени в экономической литературе нет прочно установленных точек зрения на сущность рассматриваемых нами об'единений, а это значительно осложняет работу законодателя. Но этого мало- в излагаемом нами вопросе нет даже прочно установившейся терминологии: предпринимательские об'единения называются трестами, синдикатами, картелями, пулями (pools) и т. д., при чем первоначальную их стадию составляют временные соглашения по отдельным вопросам (так назыв. agreements ot Gentlemen), а заключительную стадию—полное обезличение входящих в об'единение организаций. Здесь не место останавливаться на этом вопросе подробно, но все же необходимо отметить, что в той или иной форме почти все наиболее видные исследователи вопроса (Клейнвехтер, Брентано, Баумгартен и Меслени, у нас—Янжул) во главу угла при определении предпринимательских об'единений ставят устранение или ограничение конкуренции в качестве цели об'единения.

Что касается отдельных видов предпринимательских об'единений, то для нашей непосредственной задачи достаточно будет рассмотреть различие двух основных видов трестов и синдикатов; вот как характеризует это различие проф. Шершеневич: „в тресте соединяющиеся предприниматели утрачивают свою хозяйственную самостоятельность, предприятия становятся частями новой организации и подчиняются в своей деятельности указаниям, идущим всецело из центрального управления треста (boards of trustes). Трест представляет собой единое хозяйственное предприятие, тогда как синдикат составляет федерацию хозяйственных предприятий“ [1]).

Таким образом критерий различия между трестом и синдикатом сводится к моменту хозяйственного единства предприятия.

Разумеется, не следует думать, что этот критерий даст безошибочные указания на практике при отнесении об'единения к тому или иному виду.

Жизнь слишком сложна, и указанное различие характеризует скорее крайние полюсы указанных явлений, допуская возможность бесконечных нюансов в пределах указанных полюсов. С другой стороны тот же проф. Шершеневич определяет понятие синдиката след. образом: синдикат есть „основанное на договоре соединение самостоятельных предпринимателей, имеющее своей целью устранение или ограничение действия свободной конкуренции на производство или сбыт известного продукта“ [2]).

Чрезвычайно любопытным является тот факт, что, несмотря на наличие планового хозяйства в Советской России, возникновение синдикатов вызвано отнюдь не соображениями планового характера, а под неумолимым влиянием тех же факторов, которые вызывали возникновение аналогичных организаций в капиталистических странах; посвященный вопросу о синдикатах специальный труд НК РКИ— „Синдикаты и государственная торговля“ (Москва 1923 г.) на основании детального обследования синдикатов приходит к выводу, что синдикаты, об'единяющие торгово-заготовительную деятельность трестов определенной отрасли явились в результате кризиса сбыта теми органами, которые взяли на себя задачу преодоления стихии рынка“ (стр. 1), при этом, чем больше данная отрасль промышленности находится в зависимости от рынка, тем раньше появились в ней синдикатские об'единения: застрельщицей в этом движении являлась работающая на массовый рынок текстильная промышленность, затем—спичечная, соляная, кожевенная, табачная, махорочная,—последними по времени возникновения являются соглашения в области металлопромышленности.

---

[1]) Курс торгового права, том I, стр. 491.

[2]) Шершеневич, указ. соч. стр. 490.

В противоположность Западной Европе и нашей довоенной практике—возникновение синдикатского движения было окружено атмосферой всеобщего сочувствия и содействия. ВСНХ передал им значительные материальные фонды, далеко превосходившие их паевые капиталы, НКФ предоставил им целый ряд льгот по взиманию акциза, затем—через синдикаты шло распределение гос. заказов, выдача дотаций, распределение кредита и т. д.,—все это чрезвычайно усилило роль синдикатов в современной хозяйственной жизни.

Значительное большинство наших синдикатов возникло по инициативе самих трестов и только в топливной, соляной и табачной отраслях промышленности синдицирование шло сверху. Согласно большинству нынешних уставов—синдикаты учреждаются в целях об'единения и согласования торговой, заготовительной и финансовой деятельности об'единяющихся предприятий, т. е. во главу угла ставится деятельность по продаже, заготовкам и финансированию; только в уставе швейного синдиката в качестве основной задачи выдвигается „согласование производственной деятельности“, а в уставе соляного—„установление добычи соли общей и по отдельным промыслам“.

Упомянутая выше работа НК РКИ (статья М. Жирмунского) классифицирует наши синдикаты по трем группам в зависимости от степени коммерческой самостоятельности их членов: 1) организации чисто синдикатского типа, концентрирующие у себя полностью реализацию продукции своих участников—сюда относятся нефтяной, угольный, швейный и Уральский горнозаводской синдикат; в части об'единения сырьевых заготовок сюда могут быть отнесены Табачный и Махорочный; 2) ко второй группе относятся организации полусиндикатского типа, поскольку им предоставлена уставом реализация только части синдицированной промышленности—сюда относится большинство наших синдикатских об'единений; 3) к третьей группе относятся соглашения, регулирующие отдельные вопросы, возникающие в деятельности об'единяющихся организаций (о ценах, о районах сбыта и т. д.), сюда относятся: конвенция металлургических об'единений, Совет С'ездов основной химической промышленности и т. д.).

Характер взаимоотношений между синдикатом и входящими в его состав членами в области сбыта в большинстве случаев определяются, как комиссионные соглашения по продаже товаров, хотя уставы не препятствуют производить торговлю и за собственный счет, поскольку эта торговля обусловлена все же стоящими перед синдикатом задачами; гораздо шире поставлены по уставам операции за собственный счет по закупке сырья. Разверстка паев производится между членами либо пропорционально размерам их продукции, либо по размерам их оборотных капиталов, либо по соглашению.

На основании анализа синдикатских уставов М. Жирмунский приходит к выводу, что „наше синдикатское движение не нашло своего

окончательного оформления. Протекая в основе под знаком формально добровольного об'единения промышленных предприятий, которое однако не исключает регулирующего воздействия ВСНХ, оно в главной своей массе тяготеет к переходной, половинчатой форме полусиндикатского, полукартельного типа".

Достигли ли наши синдикаты тех целей, которые ставились им и, главным образом, — удалось ли им регулирование цен? Обследование РКИ отвечает на этот вопрос след. образом: „наши синдикаты не только не сумели до настоящего времени овладеть рынком, но своей оперативной политикой меньше всего способствовали урегулированию рынка, так как они находились в полной зависимости от рынка (Табачный синдикат), или своими торговыми операциями содействовали дезорганизации рынка (Кожевенный синдикат), или наконец — сами способствовали созданию кризиса сбыта своих изделий (Резинотрест)".

Естественно, что подобное положение вещей заставило ближе подойти к синдикатской проблеме и, поскольку законодательная нормировка синдикатов является немаловажным фактором их нормальной работы, был поставлен на очередь и вопрос о выработке декрета о синдикатских об'единениях.

Прежде, чем перейти к этим попыткам, полезно будет в нескольких словах изложить состояние законодательства о предпринимательских об'единениях вообще, и о синдикатских в частности,—в иностранном законодательстве.

Как это ни представляется странным, несмотря на колоссальное развитие предпринимательских об'единений в последнее время, законодательное регулирование в странах Западной Европы и Америке почти отсутствует, а те зачатки законодательного регулирования, которые имеются в отдельных странах, занимают в значительной мере отрицательную позицию в отношении предпринимательских об'единений.

Это отрицательное отношение продиктовано боязнью перед все возрастающим влиянием монополий, к чему в конце концов сводились стремления предпринимательских об'единений.

Особенно ярко сказалась указанная тенденция в законодательстве Соединенных Штатов:

Изданный в 1887 г., так назыв. Interstat Commerce Act воспретил всем возчикам (имелись в виду главным образом жел. дороги) вступать в соглашения, заключать договоры или связывать себя с целью соединять доходы от перевозки различных конкурентных дорог, или делить между собою валовой или чистый доход, или часть этих доходов.

Результаты этого закона оказались как раз обратными тем, к которым стремился законодатель: он, по словам Янжула, ускорил и усилил консолидацию или слияние многих линий.

В 1890 г. был издан известный „акт Шермана“, в силу коего„ под страхом серьезных уголовных репрессий, воспрещалось всякое соглашение, в форме треста или в другой какой либо форме, имеющее целью ограничение промышленности и торговли между отдельными Штатами или с иностранными государствами.

Этот закон, подобно предыдущему, остался мертвой буквой и в значительной степени также способствовал слиянию в одно целое- самостоятельных ранее предприятий.

В связи с неудачей указанных законов, отдельные штаты стали на путь более либерального отношения к вопросу о предприниматель ских об'единениях; так в 1889 г. Штат Нью-Джерсей разрешил образование специальных акционерных обществ для скупки акций других предприятий.

Французское законодательство до сего времени стоит на точке зрения запрета союзов предпринимателей под страхом уголовных репрессий, но французские суды под напором требований жизни почти не применяют соответствующих статей Угол. Кодекса (ст. 419 и 420). На той же точке зрения, что и французское законодательство, сгоит австрийское (§ 4 Koalitionsgesetz от 1870), и дореволюционное русское законодательство (ст. 913 и 1180 Уложен, о наказаниях).

Исключением является только германское законодательство, которое не знает запретительных норм по отношению к предпринимательским об'единениям, что, разумеется, не мешало судам в каждом отдельном случае признать деятельность предпринимательского об единения незаконной, поскольку она противоречит добрым нравам. Эта практика была усвоена и Гражданским Уложением 1896 г., (ст. 138 „сделка, противная добрым нравам, недействительна“).

В настоящее время у нас существуют два законодательных проекта регулирования синдикатской деятельности один исходит от ВСНХ СССР, другой — от НКВнуторга СССР.

Оба проекта в существенных чертах конструируют синдикаты в виде акционерных обществ с некоторыми отступлениями. Проект ВСНХ формулирует цели синдикатов в виде „сокращения^ торговых издержек, содействия и согласования финансово-торговой деятельности и рациональной организации сбыта и заготовок“ (§ 1); правда, эти цели значительно расширены § 3 проекта, где, наряду с организацией единого продающего или заготовительного органа, предусмотрена возможность и организации подсобных предприятий, необходимых для торговой и заготовительной деятельности синдиката и обслуживающих нужды всех участников последнего.

Согласно проекта Наркомвнуторга, государственный синдикат есть государственная организация, учрежденная с правами юридического лица под особым фирменным наименованием *для организованного.*

сбыта продукции, заготовки сырья и гщого материального снабжения, а такоюе кредитования входящих в состав синдиката ўчастников:

В то время как проект НКВТ предусматривает только синдикаты, проект ВСНХ наряду с синдикатами предусматривает возможность синдикатских соглашений (конвенций) по отдельным вопросам (условия сбыта, установление цен, распределение заказов и т. д.). Конвенции подлежат обязательному утверждению ВСНХ.

Порядок учреждения синдикатов по обоим проектам приблизительно один и тот же и соответствует порядку учреждения акционерных обществ: проект устава, подписанный не менее, как тремя учредителями, направляется в СТО или ЭКОСО отдельных республик; по утверждении устава для получения прав юридического лица необходимо произвести регистрацию устава в Наркомвнуторге.

По поводу капиталов синдиката проект ВСНХ постановляет, что синдикаты образуют порядком определенным в уставе, необходимые для их целей складочные капиталы, (ст. 18), а следующая ст. предусматривает образование запасного капитала. Проект НКВТ предусматривает образование след, капиталов: обязательного складочного, дополнительного складочного, запасного, амортизационного, а также других специального назначения, если последние предусмотрены законом или уставом синдиката; (ст. 64); из них дополнительный складочный образуется путем дополнительного выпуска паев.

Права и обязанности пайщиков **регламентированы следующим образом: по обоим проектам — по обязательствам синдиката члены его несут ответственность лишь своими паями (ВСНХ § 21, НКВТ § 51), но в уставе (ВСНХ § 22) может быть предусмотрена дополнительная солидарная ответственность пайщиков в кратном отношении к стоимости пая (в проекте НКВТ предусмотрена не солидарная, а индивидуальная ответственность). Каждый член синдиката в праве выйти из него, а равно и может быть исключен по постановлению общего ■собрания (ВСНХ §§ 24, 25; НКВТ §§ 54, 57).**

Передача паев допускается только по постановлению собрания уполномоченных (ВСНХ § 27), или по постановлению Правления <НКВТ § 69).

Органы синдиката: **по проекту ВСНХ органами Правления синдиката являются собрания уполномоченных, Правление, избираемое собранием уполномоченных и утверждаемое ВСНХ, и Ревизионная Комиссия (разд. VIII). Проект НКВТ в качестве органов Управления синдиката предусматривает общее собрание пайщиков, если оно предусмотрено уставом, Совет, если он предусмотрен уставом, правление или единоличный директор, ревизионная и ликвидационная комиссия.**

Сфера компетенций общих собраний (или соответственно-уполномоченных) правления и т. д. определяется также, как в уставах акционерных обществ.

Относительно *надзора* со стороны правительства проекты содержат следующие постановления: согласно проекту ВСНХ (разд. VII) синдикаты состоят в ведении ВСНХ, коему принадлежит общий надзор и руководство деятельностью синдиката; в дальнейшем проект чрезвычайно расширяет сферу компетенции ВСНХ, предоставляя ему право разрешать госпредприятиям вступать в члены синдикатов, включать своих представителей в состав ревизионной комиссии, утверждать членов Правления и выбирать членов ревизионной комиссии, отменять в течение 2 недель постановления правления, производить ревизии, отменять решения собрания уполномоченных, утверждать проект распределения прибылей и т. д.

Проект НКВТ подходит к этому вопросу несколько осторожнее; по ст. 79 проекта деятельность органов государственного синдиката находится под наблюдением, контролем и руководством Комиссариата по Внутренней торговле, им же назначается председатель Совета Синдиката и председатель Ревизионной комиссии, наконец — НКВТ предоставлено право назначать ликвидационн. комиссии, если то предусмотрено в уставе.

Прекращение синдиката, по обоим проектам производится применительно к общепринятым правилам прекращения акц. обществ.

Уже беглое знакомство с проектами законодательного регулирования синдикатов дает возможность сделать некоторые очень важные выводы; как мы уже указывали выше, в иностранных законодательствах почти отсутствует регулирование предпринимательских об'единений, как таковых, вообще, и синдикатов в частности. И это разумеется не случайно, а обусловлено серьезными причинами внутреннего характера: 1) сложностью и недостаточной законченностью подлежащих регулированию отношений, 2) тем, что в предпринимательских об'единениях сущность законодательного регулирования сводится вовсе не к формальному моменту, а к созданию тех гарантий, при которых эти организации, принося всю ту пользу, которую можно извлечь из этой комбинации капиталистического и предпринимательского элементов, приносили бы ему вместе с тем минимум вреда [1]. Задачи и цели синдикатских об'единений могут быть бесконечно разнообразны, меняются в зависимости от той или иной кон'юнктуры, поэтому можно опасаться, что создание определенных законодательных форм для синдикатских об'единений может послужить для промышленности не столько благоприятным фактором, сколько прокрустовым ложем со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Особенно большие возражения вызывает в этом отношении проект НКВТ, который вообще производит впечатление достаточно академичной, далекой от жизни работы; в самом деле ст. 1 проекта дает

---

[1]) А. И. Каминка. Очерки торгового права. 1912 г. стр. 492.

даже определение синдиката — государственный синдикат есть государственная организация, учрежденная с правами юридического лица, под особым фирменным наименованием и в порядке, предусмотренным настоящим положением, для организованного сбыта продукции, заготовки сырья и иного материального снабжения, а также кредитования входящих в состав синдиката участников, с разделением на одинаковые паи складочным капиталом и отвечающая по своим обязательствам принадлежащим ему имуществом, не из'ятым из гражданского оборота".

Не говоря уже о том, что ст. 51 предусматривает дополнительную ответственность пайщиков в кратном отношении к стоимости пая, следует признать совершенно нецелесообразной давно осужденную наукой практику давать легальные определения известных институтов, а тем более фиксировать их цели; синдикат не вексель и потому являются совершенно неуместными попытками внести в него элементы „rigor Sindicalis" (по аналогии с rigor cambialis), к чему в сущности сводится весь проект НКВТ, в особенности § 1.

Проект ВСНХ в этом отношении является гораздо более приемлемым именно постольку, поскольку он не пытается дать определения синдиката, а говорит просто о разрешении известным организациям вступать в синдикатские соглашения (конвенции) и об'единения (синдикаты); преимуществом проекта ВСНХ является и то, что наряду с синдикатами предусмотрены и конвенции, но, как и в проекте НКВТ, вызывает сомнения перечневая система целей конвенций и синдикатов по изложенным уже соображениям о невозможности предусмотреть практически запросы быстро меняющейся экономической жизни; с другой стороны, вряд ли уместно в законе, в качестве цели конвенций выставлять „изучение всех условий, определяющих рыночную кон'юнктуру данного производства", поскольку изучение рыночной кон'юнктуры не только данного производства, но и в более широком масштабе является conditio sine qua non рационального ведения хозяйства. Такой же характер Прокрустова ложа носят и попытки обоих проектов дать синдикатам определенную юридическую квалификацию.

По проекту ВСНХ синдикаты конструируются, в виде товариществ с ограниченною ответственностью; эта—сравнительно новая форма товарищества, неизвестная нашему до-революционному праву, характеризуется следующими чертами: они являются по своей идее образованием, средним между полным товариществом и акционерной компанией, при чем степень приближения к той или иной форме устанавливается подробностями организации каждого отдельного товарищества; поскольку в уставе не фиксируется размер паевого капитала и каждому товарищу предоставляется право выхода из товарищества, можно сказать, что это — товарищества с переменным капи-

талом, — а в виду возможности дополнительной ответственности сверх пая — эти товарищества называются товариществами с ограниченною ответственностью; наконец, следует отметить, что в такого рода товариществах играет большую роль элемент личного участия. Это сближает рассматриваемое товарищество с полным товариществом. Отрицательная сторона Т-ва с ограниченною ответственностью — отсутствие гарантий для кредита в связи с неустойчивостью размеров капитала.

Юридическая конструкция синдикатов по проекту НКВТ несколько неясна: с одной стороны—это, как будто, товарищества с ограниченною ответственностью (ст. 51 о дополнительной ответственности пайщиков, возможность выхода из товарищества), с другой стороны—ст. 10 фиксирует минимальный размер складочного капитала („обязательный складочный капитал“), а ст. 65 требует для уменьшения или увеличения капитала выполнения тех же формальностей, что и при утверждении устава, последние две особенности присущи акционерным обществам.

Нам представляется совершенно нецелесообразным заранее втискивать синдикатские об'единения в единственную форму вообще, и в форму товарищества с ограниченной ответственностью—в особенности; что касается последнего пункта, то здесь прежде всего необходимо обратить внимание на необходимость создания для синдиката наиболее благоприятных условий кредитования, поскольку, согласно обоим проектам—кредитование членов синдиката со стороны этого последнего является одной из основных задач синдиката, а между тем, как мы указали выше, отсутствие фиксированных капиталов в связи с возможностью выхода из синдиката отдельных членов является, разумеется, серьезнейшим препятствием в деле получения кредитов для синдикатов. Равным образом, в синдикатских об'единениях совершенно отсутствует личный элемент, присущий товариществам с ограниченною ответственностью; по этим соображениям следует признать, что гораздо более подходящей формой для синдикатских организаций являются акционерные общества и паевые товарищества. Чрезвычайно трудно, в сущности, уловить те мотивы, по которым авторы обоих законопроектов стремятся придать синдикатским об'единениям единственную форму — товариществ с ограниченною ответственностью, особенно, если принять во внимание, что все реквизиты, так сказать, формального характера оба законопроекта заимствуют полностью из акционерного законодательства (порядок утверждения и регистрации Устава, органы Управления синдиката, их права и обязанности и т. д.).

Существенным дефектом обоих проектов является отсутствие постановлений о ликвидации синдикатов; дело в том, что у нас до сих пор не существует общих правил ликвидации торговых предприятий,

а практика специально организуемых каждый раз ликвидационных комиссий способна навести на самые грустные размышления об участи кредиторов; поэтому следовало бы урегулировать этот вопрос в самом положении о синдикатах.

Имеется в обоих проектах ряд других дефектов (напр. невероятное обилие формальностей в проекте НКВТ), но мы останавливаться на них не будем—для нас важно было установить, что проекты создания специального нормирования синдикатских соглашений могут повести к очень вредным последствиям для народного хозяйства. Ведь основной вопрос в деятельности предпринимательских об'единений вообще и синдикатов в частности, это—обеспечить за соответствующими органами власти возможность надзора и регулирования их; с целью пресечь вредные для общества уклоны в их деятельности. Но как раз в этом отношении мы не можем ни на что жаловаться: государственные органы у нас наделены в этом отношении быть может даже излишне широкими полномочиями.

Что же касается частно-правового регулирования деятельности синдикатов, то в виду бесконечного разнообразия условий возникновения и деятельности синдикатов они могут использовать для этого любые формы, допускаемые частным правом—начиная от простых соглашений и кончая акционерными обществами.

Таким образом в первую очередь вопрос должен сводиться к правильному нормированию в законодательстве различных видов товариществ и в первую голову,—разумеется,—акционерных обществ и паевых товариществ с соответствующими приспособлениями их к современным условиям (чему далеко не удовлетворяет в соответствующих частях Гражд. Кодекс), а все остальное—само собой приложится.

Н. Наумов.

Новый всесоюзный декрет о товарных знаках.

Всякий хозяйственный строй, базирующий на товарном обороте, требует индивидуализации товаров различных предприятий для того, чтобы потребитель мог свободно в них разобраться и сделать надлежащий, удовлетворяющий его отбор. Для индивидуализации товаров служат так называемые товарные знаки, употребляемые торговыми и промышленными предприятиями, для помещения на товарах; знаки эти бывают самого разнообразного вида и содержания, изобразительные и словесные, при чем предприятие выбирает знак таким образом, чтобы он легко усваивался широкой потребительской массой и ассоциировался с выпускаемыми данным предприятием товарами. Товарный знак может служить в торгово-промышленном обороте удачным средством рекламы, привлекая внимание покупателя оригинальным изображением или удачным словесным наименованием; в дальнейшем же товар своими внутренними качествами должен привязать к себе потребителя. Ассоциация товара со знаком, равно и указанная реклама должны быть чисто внутренними: законодательства культурных стран не ограждают знаков, в которых имеются какие бы то ни было прямые указания на выгодность товара, его внутренние качества, цену и т. д.; эти данные не могут быть об'ектом монопольного обладания отдельного предприятия, являясь общим достоянием всех предприятий, изготовляющих данный товар. Ассоциация и реклама путем товарных знаков являются символическими: на знаках с нитками помещаются цепи для указания на прочность товара; крылья на знаках транспортных учреждений применяются для передачи понятия быстроты; знаки производств, имеющих дело с летучими ароматическими веществами, содержат изображение птиц и т. д. и т. д.

Право на товарный знак конструируется в современном законодательстве как право исключительное: право пользования ограждаемым знаком принадлежит лишь правомочному лицу; нарушение этого права третьими лицами влечет за собой ответственность, как гражданско-правовую, так и уголовную. Среди прочих исключительных прав, (право на изобретение, промышленный образец, или право авторское на литературное или художественное произведение),—право на товарный знак занимает особое место: оно не создает монопольного положения

в отношении промышленного или культурного блага, которое оказывается, благодаря этому, из'ятым из оборота и ложится бременем на общество. Товарный знак связан с предприятием и изготовляемыми в последнем товарами; без них знак самостоятельным экономическим существованием не обладает. Охрана товарного знака предоставляется владельцу соответствующего предприятия не из особого к нему благоволения, как мы это имеем при изобретении или литературном и художественном произведении, но по той причине, что индивидуализация товаров является кардинальной потребностью хозяйственного оборота. Указанная особенность природы ограждения товарных знаков, равно и необходимость охраны товарных знаков при всяком товарном обороте лучше всего выявляется в нашем революционном законодательстве. Первый этап нашей революции, период военного коммунизма, отвергает решительно все исключительные права, как патентные, так и авторские; лишь через несколько лет после установления новой экономической политики были урегулированы у нас право патентное (декрет от 12 сентября 1924 г.) и право авторское (30 января 1925 г.). Между тем ограждение товарных знаков, в том или ином виде, проходит через все этапы нашей революции. Декретом от 15 августа 1918 г. „о пошлине на товарные знаки" (Собр. узак. 1918 г. № 59, ст. 648), изданным не в *отмену*, а в *„изменение и дополнение"* царского закона о товарных знаках 1896 года, регулируется вопрос о размере и порядке уплаты пошлины за товарные знаки. При этом не только оставляется в силе закон 1896 г., но декрет признает дальнейшее существование выданных б. Министерством Торговли и Промышленности свидетельств на исключительное право пользования товарными знаками, поскольку они были зарегистрированы в указанный определенный срок в Отделе внутренней торговли Народного Комиссариата Торговли и Промышленности. В 1919 году, после национализации всей торговли и промышленности, издается постановление ВСНХ РСФСР (Собр. Узак. за 1919 г. № 33, ст. 332) „о товарных знаках государственных предприятий"; в данный момент индивидуализирующая сила товарного знака могла сохранить свое значение лишь для государственных органов, в виде главков и центров, в которых сосредоточилось производство и распределение различных категорий товаров по их групповым признакам [1]). Согласно означенного постановления, изделия и товары, изготовляемые или выпускаемые государственными предприятиями, могли быть снабжаемы товарными знаками простого образца и небольшого размера; товарные знаки государственных предприятий должны были содержать в себе наименование предприятия и подлежащего Отдела или Главка Высшего Совета

---

[1]) См. Ив. Михайловский. Защита товарного знака в РСФСР в „Торгово-Промышленной Газете" за 1923 г. № 119/336.

Народного Хозяйства, а также изображение Государственного герба (ст. 2). Вместе с тем госорганам запрещалось пользование товарными знаками бывших частных предприятий до их национализации (ст. 1); запасы этикеток, оберток, марок и т. под. прежнего образца подлежали использованию, изготовление же товарных знаков прежнего образца со дня опубликования сего постановления было воспрещено (прим. к ст. 1). Товарные знаки государственных предприятий подлежали засвидетельствованию в установленном порядке (ст. 3). Нарушение права на огражденный знак каралось денежной пеней или тюремным заключением в размере и на срок, устанавливаемый судом, а самые товары, снабженные поддельными знаками, подлежали конфискации (ст. 4).

В 1921 году вступление РСФСР в торговые сношения с Западной Европой после заключения соглашения с Германией и Великобританией, в особенности же изменение условий хозяйственной жизни Республики на началах новой экономической политики, выдвигают определенным образом вопрос об ограждении товарных знаков. Соответственно этому, патентная комиссия, образованная по декрету Совнаркома от 13 июня 1921 г. получает, наряду с другими заданиями в области регулирования прав на промышленную собственность, предписание пересмотреть существующие законоположения и составить проект нового закона о товарных знаках, согласованного с изменившимся государственным строем и с особенностями оборота в новых условиях. Наконец в 1922 г. одним из первых декретов по гражданскому законодательству, был издан декрет Совнаркома от 10 ноября 1922 г. „о товарных знаках“ (Собр. узак. 1922 г. № 75 ст. 939); декрет первоначально имел силу лишь для РСФСР; на Украине действовал декрет СНК УССР от 3 марта (Собр. узак. № 9 ст. 158) с некоторыми отличиями от декрета РСФСР; обладала отдельным декретом о товарных знаках и Закавказская Федерация. Постановлением Совнаркома СССР от 18 июля 1923 г. (Изв. ЦИК СССР от 7 августа 1923 г. № 174) действие декрета РСФСР от 10 ноября 1922 г. получило распространение на всю территорию СССР. Однако параллельно Комитету по делам изобретений при Высшем Совете Народного Хозяйства, регистрирующему товарные знаки на весь Союз ССР, производится регистрация отдельными союзными республиками (Украиной, Закавказьем) с действием выдаваемых ими свидетельств на территории соответствующей республики.

Постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 12 февраля 1926 г. „о товарных знаках“, (Изв. ЦИК от 6 марта 1926 г. № 54), вступающее в силу 1 июня 1926 г. создает в правовом отношении единый товарный знак на весь Союз с единым регистрирующим центром в лице Комитета по делам изобретений в Ленинграде.

По своей основе, как отмеченный декрет о товзнаках РСФСР от 10 ноября 1922 г., так и новый всесоюзный закон, весьма на

него похожий, базируется на принципе необходимости индивидуализации товарных знаков; согласно ст. 1 декрета от 12 февраля 1926 г. право пользования товзнаками предоставляется „для отличия выпускаемых и сбываемых товаров от товаров других предприятий“- Эта индивидуализация товаров согласуется по советскому праву с недопустимостью недобросовестных действий в хозяйственном обороте, покрывающих собой в СССР понятие недобросовестной конкурренции. Конкурренция, как таковая, играет при доминирующем плановом характере хозяйства Советской России в противовес капиталистическому Западу роль подчиненную; развитие же хозяйства страны и связанные с этим интересы широкой потребительской массы необходимо требуют соответствия всяких действий в деловом обороте об’ективной действительности. В борьбе за повышение качества продукции, связанной с действительным под’емом производственных сил страны, необходимым оружием является принцип истинности всех признаков, характеризующих происхождение товара, личность владельца и форму предприятия. Всякая мимикрия в этой области, всякое присвоение чужих отличительных признаков не дает возможности производителю' и торговому деятелю индивидуализировать свой товар и не дает возможности потребителю разбираться в товаре и сделать надлежащий отбор; между тем, как именно этот отбор и является стимулом повышения продукции, тем действительным средством, которое способствует здоровой конкурренции, состоящей в улучшении качества товаров. Необходимость для хозяйственного оборота основы истинности подчеркивается в нашем законодательстве в нормах о товарных знаках и фирменных наименованиях т. е. в основных отличиях, в отношении коих могут происходить недобросовестные действия в деловом обороте. Согласно ст. 4 нового декрета *воспрещается* пользоваться в качестве товарных знаков... б) знаками, содержащими фирму или название, принадлежащее уже владельцу другого предприятия... г) знаками, содержащими лживые или способные ввести, в заблуждение, сведения. При этом, если знак уже зарегистрирован с нарушением означенных положений, то право пред’явления иска о прекращении незаконного пользования предоставляется, наряду .с потерпевшим, также центральным, республиканским и местным органам Высшего Совета Народного Хозяйства и Народного Комиссариата Торговли (ст. 15).

Возникновение права на товарные знаки и охрану его от посягательства со стороны третьих лиц закон связывает исключительно с моментом его регистрации, имеющей конституитивное значение: „*в целях приобретения исключительного права* на пользование товарным знаком владельцам предприятий... предоставляется регистрировать свои товарные знаки в Комитете п/д изобретений“, (ст. 6). Фактическое пользование знаком до его регистрации не дает никаких прав против лица, успевшего зарегистрировать идентичный или сходный

знак: „владелец свидетельства на право исключительного пользования товарным знаком может требовать *от всякого другого лица* прекращения незаконного пользования тождественным или сходным с ним знаком“ (ст. 14). Фактическое пользование товарным знаком может иметь значение при конкурренции двух незарегистрированных знаков. „Если на тождественные или сходные товарные знаки подано несколько заявлений, свидетельство выдается тому, кто раньше начал непрерывно пользоваться данным знаком; если же никто из заявителей не пользовался знаком, свидетельство выдается подавшему заявление ранее других“ (ст. 9). Согласно практике Комитета, коллизия знаков может иметь место до момента постановления Отдела товарных знаков о подлежащей регистрации, каковой момент является решающим для данного вопроса; последующие административные действия, как сообщение этого постановления заинтересованному лицу, выдача свидетельства, публикация и проч. не являются существенными для коллидирования знаков. В одном случае Комитет отказал в регистрации знака при промежутке в 3 часа между признанием заявки А и поступлением заявки Б. Московский Губсуд, куда дело перешло по жалобе Б, признал действия Комитета правильными и в иске Б отказал. Означенная практика, соответствующая и новому закону, признана также правильной Президиумом ВСНХ с той поправкой, что постановление о регистрации имеет эффект регистрации лишь в случае, если знак удовлетворяет всем требованиям закона и не подлежит никаким изменениям и дополнениям; поскольку же Комитет извещает заявителя о возможности регистрировать знак при внесении изменений и дополнений, то постановление о том, что знак будет зарегистрирован, должно сопровождаться оговоркой „если до момента постановления о выдаче свидетельства не поступит других заявлений о регистрации сходного знака“ (Раз'яснение Президиума ВСНХ СССР от 19 января 1926 г. № 120384). Началом пользования иностранного заявителя своим знаком, поскольку нет других доказательств, должен считаться момент регистрации его на родине; если же заявитель пользовался своим знаком до этого момента, то он должен представить соответствующие доказательства. Пользование должно быть „беспрерывным“, — это имеет значение в отношении советских предприятий, не функционировавших в периоде 1918 — 1922 годов.

Товарным знаком может, согласно как ныне действующего, так и нового закона, быть всякий отличительный знак, помещаемый на товаре или его упаковке, а также и оригинальная упаковка (ст. 2); товарный знак может быть изобразительным; равно могут служить в качестве товарных знаков „оригинальные названия и слова“... Декрет 10 ноября 1922 г. говорил лишь об „оригинальных словах“, что заставляло предполагать, что для применения в качестве знака, слово должно быть абсолютно новым, специально на тот случай приду-

манным. Между тем, согласно общепринятому положению, оригинальность и новизна от товзнака требуется лишь по отношению к данному роду товаров. Словесный знак может считаться оригинальным даже представляя собой обыкновенное, не специально придуманное, слово, если обозначенное этим словом понятие ничем не связано с товаром, или даже сопоставление слова с товаром имеет характер неожиданности. Новый декрет говорит поэтому об „оригинальных названиях“, подчеркивая этим, что словесный знак должен быть своеобразным к данному роду товаров. Знаки, не отличающиеся своеобразностью к товару, имеющие к нему определенное отношение, не могут быть зарегистрированы как товарные знаки. Сюда относятся знаки „содержащие исключительно указание на способ, время или место производства товара, на цену, меру или вес товара, а также на состав, качество или назначение товара“ (ст. 5 п. „в“). Не признаются также товарными знаками, знаки, вошедшие во всеобщее употребление в качестве обозначения товаров известного рода; так называемые свободные знаки (Freizeichen — ст. 5 п. „а“). Исходя из указанной основной цели индивидуализации товаров, товарные знаки должны обладать отличимостью для потребителей. Поэтому не признаются товарными знаками знаки, состоящие из рисунков, отдельных букв, слов или цифр, которые по своему содержанию, расположению или сочетанию не обладают своеобразными отличительными признаками (ст. 5, п. „б“).

В интересах публичных воспрещается пользоваться в качестве товарных знаков: знаками контр-революционного и порнографического характера (ст. 4 п. „в“); знаками, содержащими изображение красного креста или красного полумесяца (ст. 4 п. „д“),—означенными знаками могут пользоваться лишь предприятия, принадлежащие организациям красного креста или красного полумесяца (примеч. к ст. 4); знаками, содержащими изображение государственных гербов (ст. 4 п. „е“) — означенным гербом могут пользоваться госпредприятия с разрешения государственных органов, в ведении которых они находятся (прим. к ст. 4).

Особенностью советского права является положение, что „товарный знак должен содержать обозначение фирмы предприятия и указание его местонахождения“ (ст. 3). В отношении графических знаков, Комитет требует, чтобы до регистрации знака фирма и местонахождение были бы включены в состав его; что касается словесных знаков, то Комитет, регистрируя знак, требует, чтобы охраняемое слово применялось, как знак, вместе с фирмой и местонахождением знака. Таким образом фирма и местонахождение входят, как обязательная часть регистрируемого знака. В знаках иностранных предприятий нет основания требовать, чтобы фирма и ее местонахождение были обязательно на русском языке, как это требовало русское доре-

волюционное право: они могут быть выражены на родном языке заявителя.

Практика Комитета по делам изобретений отказывает в регистрации, как товарных знаков, слов, обозначающих фамилии заявителей. Президиум ВСНХ, в порядке рассмотрения жалобы на постановление Комитета, коим отказано в регистрации фамилии, как товарного знака, согласился с мнением Комитета — в виду того, что „фамилия не является оригинальным словом в смысле закона" и, „что обозначение фирмы предприятия, равно и его местонахождение, является непременной принадлежностью товзнаков, в чем он и заключается и какого бы вида он ни был, но не самим товзнаком". Находя что фамилия не может служить в качестве словесного знака, Президиум ВСНХ вместе с тем отмечает, что в качестве товзнака фамилия могла бы быть зарегистрирована только в связи с каким либо оригинальным начертанием этого слова или в соединении с фигурным знаком.

Для регистрации товзнака подается заявление в Отдел товзнаков Комитета по делам изобретений с приложением в трех экземплярах описания знака и его изображения. При этом обязательно должно быть указано, для какого рода товара предназначается заявляемый знак (ст. 7). При заявке необходимо представить заявочную пошлину в размере 10 рублей (Правила по пошлинам ст. 3); заявление может быть подано непосредственно или направлено в Комитет по почте заказным отправлением; в последнем случае днем подачи заявления считается день отправления письма, обозначенный почтовым штемпелем (ст. 10). Отдел товзнаков производит испытание знака не только со стороны формальной, но и со стороны новизны, т. е. не является ли заявляемый знак идентичным, или сходным с уже зарегистрированными. В противоположность германскому праву вопрос о регистрации сходного знака не зависит от усмотрения прежнего заявителя. Согласно декрета о товзнаках не допускается одновременная регистрация двух идентичных или сходных знаков для тех же товаров; поскольку Комитетом будет установлено идентичность или сходство заявленного знака с уже зарегистрированным, он отказывает в регистрации.

Если товзнак не удовлетворяет требованиям Декрета о товзнаках или схож с товзнаком уже зарегистрированным, то Отдел товзнаков отказывает в выдаче свидетельства с об'яснением заявителю оснований отказа. По декрету от 10/XI—22 г. отказ в регистрации знака мог быть обжалован в Президиум ВСНХ (согласно раз'яснения Пленума Верховного Суда РСФСР от 21 июля 1924 г.). Новый декрет о товзнаках устанавливает одинаковый порядок обжалования при отказе в регистрации товарного знака, как и декрет о патентах на изобретения: отказ в регистрации товзнака может быть обжалован в двухнедельный срок со дня получения уведомления об отказе в Совет по рассмотре-

нию жалоб Комитета с подробным изложением мотивов обжалования. Совет по рассмотрению жалоб находится в непосредственном ведении Председателя Комитета; решение Совета выносится коллегиально в составе не менее пяти членов Комитета. Лица, участвовавшие в вынесении постановления по делу в первой инстанции, не могут участвовать с правом решающего голоса при разборе этого же дела в Совете по рассмотрению жалоб (ст. ст. 12 и 13 Положения о Комитете п/д изобретений). Постановление Совета, вынесенное по жалобе на отказ в регистрации товзнака, считается окончательным (ст. 8 декрета); оно не может быть далее обжалованным ни в судебные инстанции, ни в Президиум ВСНХ.

В случае полной удовлетворительности заявки Отдел товзнаков постановляет о регистрации знака; юридическое значение этого момента нами указано выше. Согласно ныне действующей инструкции (новый закон предусматривает издание новой инструкции Высшим Советом Народного Хоз. по соглашению с Народным Комиссариатом Торговли) заявитель должен представить сто оттисков знака, клише, квитанцию о взносе пошлины (по старому закону 3 рубля за год; по новому — по 5 руб. за год), соответственно всему сроку, на каковой испрашивается свидетельство, а также стоимость публикации. Пошлина должна быть внесена в течение одного месяца со дня получения заявителем извещения отдела товзнаков о неимении препятствий к регистрации товарного знака; в случае невзноса пошлины в указанный срок заявитель признается отказавшимся от своих прав на получение свидетельства (ст. 2 Правил о пошлинах). Что касается срока регистрации знаков, то последний не ограничен: свидетельство о регистрации выдается на срок, указанный заявителем; свидетельство по истечении срока может быть возобновлено (ст. 11).

По выполнении заявителем всех требований Отдела Товзнаков последний выдает свидетельство на право исключительного пользования товзнаком, заносит знак в реестр и альбом и производит установленную публикацию; последняя, согласно нового декрета производится в официальном органе — „Вестнике Комитета по делам изобретений“ (ст. 11).

Зарегистрированный знак может быть оспариваем только по суду; свидетельство сохраняет свое значение до вступления в законную силу судебного решения. Иски о признании недействительными выданных свидетельств на право исключительного пользования товарным знаком подсудны Губернским Судам (ст. 24 п. „г“ Гр.-Проц. К.); решения могут быть обжалованы в Верховный Суд соответствующей Республики. Местная подсудность определяется местом постоянного жительства или постоянного занятия ответчика, т. е. владельца оспариваемого свидетельства (ст. 25 Гр.-Проц. К.). Иск о признании знака недействительным может быть пред'явлен заинтересованными физическими или

юридическими лицами, а в интересах публичных — указанными выше органами ВСНХ и Наркомторга. Новый декрет не устанавливает (старый декрет предусматривал годичный срок со дня публикации) срока иска о признании выданного свидетельства недействительным: поэтому здесь находит применение общее положение о трехгодичной исковой давности, течение коей, в данном случае, начинается со дня выдачи свидетельства (ст. 44 Гр. Код.; ст. 14 декрета о товзнаках).

Право на товарный знак отчуждаемо, равно и переходит по наследству; при этом право на знак, а равно и на свидетельство, выданное на этот знак, может перейти лишь вместе с предприятием, изготовляющим соответствующие товары или частью его, если эта часть составляет отдельное производство и переходящий знак был предназначен для товаров, выпускаемых именно этим производством. В случае аренды предприятия или части его, право пользования соответствующими товарными знаками переходит на срок аренды—к арендатору (ст. 17). Ликвидация предприятия влечет за собой погашение товарного знака (ст. 18). Всякий новый собственник предприятия, наследник или правопреемник, равно и арендатор предприятия обязан, не позднее 6 месяцев со дня перехода к нему предприятия, представить в Отдел товзнаков официальную копию акта, удостоверяющего переход предприятия или арендования его; при этом обозначение фирмы должно быть заменено обозначением фирмы нового владельца предприятия. Означенный 6-месячный срок для доведения до сведения Отдела товзнаков о переходе предприятия и передаче права на знак является преклюзивным: несоблюдение его влечет погашение свидетельства на товзнак (ст. 18). За переписку свидетельства на имя нового владельца товзнака взимается пошлина в 10 рублей (ст. 3 Правил о пошлинах), равно и стоимость публикации (ст. 17).

Помимо указанных случаев свидетельство на товарный знак погашается: а) по просьбе владельца свидетельства, б) за невозобновлением свидетельства по истечении срока и в), если будет признано, что владелец не имеет права пользоваться знаком. В случаях „а“ и „б“, равно и в выше указанных случаях ликвидации предприятия и пропуска шестимесячного срока, погашение производится Комитетом по делам изобретений, при чем безразлично, кем будут представлены доказательства ликвидации предприятия. В случае, отмеченном под литерой „в“, погашение производится Комитетом при представлении вступившего в законную силу судебного решения (ст. ст. 18 и 13). О каждом погашенном знаке Комитет помещает публикацию в своем официальном органе (ст. 18).

Новым, по сравнению с декретом 1922 г. является положение о том, что товарный знак, погашенный Комитетом, не может быть зарегистрирован на имя владельца другого предприятия в течение 3 лет со дня публикации о погашении (ст. 19). Такая „нейтрализация“ то-

варных знаков имеет целью дать потребителю время, достаточное для того, чтобы погашенные знаки перестали ассоциироваться у него с определенным предприятием. Иначе широкая потребительская масса будет вводиться в заблуждение тем, что она будет приписывать знаки переставшему существовать предприятию.

Новый декрет не восстанавливает постановления декрета СНК СССР от 18 июля 1923 г. о знаках национализированных предприятий. Согласно ст. 3 означенного декрета воспрещено было с 1 марта 1924 г. пользоваться товарными знаками, кои принадлежали владельцам национализированных предприятий до их национализации; воспрещение это распространялось на национализированные предприятия, на бывших владельцев этих предприятий, а равно на всех прочих лиц. К вопросу о праве пользования нашей национализированной промышленности досоветскими знаками не было единодушного отношения в советских торгово-промышленных кругах: в то время, как одни категорически высказались за запрещение, именуя означенные знаки „позорными клеймами", другие доказывали, что это запрещение является безусловно вредным для государственных предприятий. Ярым защитником права пользования прежними знаками является А. Трояновский [1]. „Речь здесь не идет о фамилиях бывших владельцев национализированных предприятий. Замена прежних названий фабрик у нас произведена по всей линии. Вполне возможно также и на этикетках и упаковках заменить старые названия новыми... Полный и немедленный разрыв со старыми названиями обезличил бы в глазах покупателя товар, заставил бы относиться к нему подозрительно, с осторожностью, заставил бы, быть может, даже в некоторых случаях воздерживаться от покупки. С упразднением товарных знаков прежних образцов покупатель будет иной раз искать определенных этикеток, упаковок и проч. и, не найдя их, откажется от покупки товаров". Что касается доводов сторонников запрещения, что нынешнее производство не соответствует довоенному (доводы приводились в 1922—1923 году = замечание мое), А. Трояновский замечает: „во всяком случае, в руках советского государства остались сейчас лучшие предприятия, которые на рынке должны выступать со своими товарными знаками. Мы заинтересованы в том, чтобы товарные знаки этих лучших предприятий не потеряли своего значения и не растворились в общей массе новых знаков. Можно определенно утверждать, что мы все ближе и ближе подходим к довоенному качеству товаров и не должны это затушевывать отказом от старых товарных знаков. Старые товарные знаки национализированных предприятий мы должны сохранить с полной уверенностью, что мы никого этим не вводим в заблуждение".

---

[1]) А. Трояновский, Товарный знак—„Торгово-Промышленная Газета" за 1923 год № 119 (366).

В 1926 году вопрос этот потерял всякую остроту: наше производство укрепилось и перешло довоенную норму во многих отраслях промышленности; о введении потребителя в заблуждение применением старых знаков, речи, конечно, уже быть не может, ибо качество нашей продукции улучшается с каждым днем; много предприятий широко применяют новые знаки советской символики. Однако для целого ряда крупных предприятий сохранение старых знаков оказалось необходимым в связи с вывозом наших товаров за границу. Для примера укажу, что известный знак для галош „Треугольник", подделывается в некоторых европейских странах, и снабженные этим знаком галоши вывозятся в лимитрофные государства, где они конкурируют с нашим Резинотрестом. Наши госорганы не могут закреплять этих знаков за собой за границей, так как такое ограждение предполагает, на основании акцессорного характера защиты товарных знаков, регистрацию их на родине. Этот вредный для нашей торговли, преимущественно внешней, момент учтен ныне законодателем в новом декрете о товарных знаках. Резинотрест, равно и другие госпредприятия, для которых это окажется выгодным, смогут пользоваться старыми знаками, снабженными фирмами наших трестов и синдикатов с гербами Союза или соответствующей союзной республики.

В отношении иностранных знаков, декрет от 12 февраля 1926 г. постановляет: „товарные знаки предприятий, находящихся вне пределов СССР и принадлежащих иностранным физическим или юридическим лицам, регистрируются по правилам настоящего постановления, если владелец предприятия допущен к производству операций на территории СССР или же если владельцам находящихся на территории Союза ССР предприятий на началах взаимности предоставлено право регистрации товзнаков в стране заявителя". Под эту статью не подпадут предприятия, находящиеся за границей и принадлежащие гражданам СССР, равно и иностранные концессионные предприятия, находящиеся в СССР; означенные предприятия регистрируют свои знаки на общем основании рассматриваемого декрета.

Аналогично положению § 23 абз. 3 германского закона и ст. 6 Международной конвенции по охране промышленной собственности, Декрет о товзнаках 1922 года устанавливал акцессорность регистрации иностранных товзнаков; последние могли быть зарегистрируемы в СССР, если они к моменту регистрации ограждались в стране, где находится предприятие. Инструкция к декрету о товзнаках 1922 г. (Собр. узак. 1925 г. № 26 ст. 187) требовала для регистрации иностранного товарного знака представления свидетельства о регистрации того же товарного знака в стране, где находится предприятие (§ 6). Декрет 1926 г. говорит о „товарных знаках предприятий....", т. е. товарные знаки, подлежащие регистрации, должны принадлежать иностранным предприятиям, а такая принадлежность по системе декрета определяется реги-

•страцией на родине. В противоположность вышеуказанной Инструк ции, которая различает между иностранным предприятием, принадлежащим лицу физическому или лицу юридическому, при чем товзнаки, принадлежащие лицам физическим подлежали регистрации без особых формальностей, при представлении свидетельств о регистрации на родине. Ст. 20 декрета 1926 г. ставит одинаковые условия для регистрации товзнаков иностранных предприятий независимо от того является ли владелец лицом физическим или юридическим. Иностранному предприятию, безразлично, единоличному или коллективному, предоставлено право на регистрацию своих знаков, если оно обладает правом оперативной деятельности в СССР, на основании декрета ВЦИК от 12 апреля 1925 г. Иностранные предприятия, не обладающие правом на оперативную деятельность, могут регистрировать свои знаки в СССР при наличии взаимности, т. е. если знаки советских предприятий регистрируются в соответствующей стране. Такая взаимность может быть установлена международным соглашением, подобно Советско-германскому об охране промышленной собственности, она может быть и фактической. Согласно раз’яснения Наркоминдела фактическая взаимность устанавливается путем обмена дипломатическими нотами (такой обмен имел место между СССР и Великобританией); при отсутствии же обмена нотами каждое предприятие в отдельности должно представлять для регистрации своих знаков удостоверение соответствующего учреждения (обычно патентного), визированное консульством СССР, о взаимности в отношении данного вопроса.

Зарегистрированный в СССР товарный знак ограждается от нарушения в порядке уголовном и гражданском (ст. 16); при чем ограждение имеет место в отношении незаконного пользования не только тождественным, но и сходным знаком (ст. 14). Вопрос о сходстве является quaestio facti, устанавливаемый судом. Ответственность устанавливается, согласно законодательства союзной Республики, в котором имело место незаконное действие: гражданские и уголовные кодексы союзных Республик в общем сходны; наши дальнейшие ссылки относятся к кодексам РСФСР. Гражданская ответственность за нарушение чужого товарного знака, зарегистрированного в надлежащем порядке, состоит в возмещении понесенного владельцем товарного знака ущерба. Такое возмещение имеет место на основании ст. 403 Гражд. Кодекса, согласно коей, „причинивший вред личности или имуществу другого обязан возместить причиненный вред". Для гражданско-правовой ответственности по ст. 403, согласно господствующему мнению и судебной практике, не требуется никакой вины умышленной или неосторожной со стороны деятеля; для этого достаточно наличие причинной связи между его действиями и причиненным ущербом. Что касается размеров убытка, который может потребовать потерпевший, то наше право понимает под убытками, как положительный ущерб в имуществе, так и

упущенную выгоду, возможную при обычных условиях оборота (ст. 117 Гражд. Код.) Гражданские иски, вытекаюшие из права на товзнак, подсудны, как указано, Губернскому Суду по гражданскому отделению. Ст. 199 Уг. Кодекса РСФСР об'являет наказуемым „самовольное пользование в целях недобросовестной конкурренции чужим товарным знаком“. Преступное действие состоит в пользовании „чужим“ товарным знаком, при чем под термином „чужим“ приходится разуметь знак, зарегистрированный в Комитете по делам изобретений. Противозаконное пользование чужим знаком может выразиться как в точном воспроизведении, так и в пользовании сходным знаком. Со стороны суб'ективной преступное деяние должно быть совершено умышленно: виновный должен знать, что данный товарный знак зарегистрирован другим предприятием и что, следовательно, он пользуется чужим охраняемым знаком. При этом наряду с умышленностью у виновного должна быть специальная цель—недобросовестная конкурренция. В случае промысловой деятельности виновного, означенная цель всегда предполагается при умышленной деятельности, ибо употребление для целей торговых или промышленных чужих охраняемых знаков является основным видом применения недобросовестных приемов для нанесения вреда конкурренту и введения в заблуждение широкой потребительской массы.

Деликт считается законченным с момента наложения виновным товарного знака на соответствующие товары; момент сбыта товаров является безразличным.

Санкцией за указанное преступление являются принудительные работы на срок до одного года или штраф в тройном размере против извлеченной от самовольного пользования выгоды.

Уголовное преследование по ст. 199 Уг. Кодекса может быть возбуждено не иначе, как по жалобе потерпевшего, но прекращению за примирением сторон не подлежит (ст. 11 Угол. Проц. Кодекса). Означенные преступления подсудны народному суду в составе народного судьи и двух народных заседателей (ст. 25 Угол. Проц. Код.).

К декрету о товзнаках от 12/II 1926 года имеется постановление о введении его в действие. К моменту вступления в силу нового закона (1 июня 1926 г.) будут иметься а) знаки, зарегистрированные Комитетом п/д изобретений на весь СССР, согласно статьи 1 декрета Совнаркома от 18/VII—1923 г., распространившей действие декрета РСФСР от 10/XI 1922 г. на всю территорию Союза и б) знаки, зарегистрированные в отдельных Союзных Республиках (Украина, Закавказье) на основании республиканских законов о товзнаках, имевших силу действия лишь на территории этих республик. Что касается знаков, отмеченных под лит. „а“, то о них Вводное Постановление ничего не говорит: этим признается, что зарегистрированные на СССР знаки сохраняют вою силу и впредь до истечения срока действия выданных на них

свидетельств; тем более, что новый декрет совпадает в отношении формальных и материальных требований, пред'являемых к регистрируемым знакам с декретом 1922 года. Остальные знаки, зарегистрированные в отдельных республиках, отмеченные нами литерой „б", подлежат перерегистрации. В месячный срок со дня вступления в силу декрета о товзнаках союзные республики, регистрировавшие знаки, препровождают все свое делопроизводство по зарегистрированным и проходящим регистрацию знакам в Комитет по делам изобретений (ст. 2). Если зарегистрированный в какой-либо Союзной Республике знак удовлетворяет требованиям нового декрета о товзнаках или может быть приведен в надлежащий вид путем внесения соответствующих изменений, то он подлежит регистрации для СССР (ст. 3). В этом случае заявителю, вносящему пошлину на основании нового закона, засчитывается прежде уплаченная пошлина за время с 1 июня 1926 г. (дня вступления в силу нового закона) до срока, на который было выдано свидетельство в одной из Союзных республик; если товзнак регистрируется на срок не долее того, на который он был зарегистрирован в союзной республике, то заявочная пошлина не взимается (ст. 6). Поскольку зарегистрированные в отдельных Союзных республиках знаки не могут быть приведены к виду, удовлетворяющему требованиям нового декрета, то они регистрации не подлежат; отказ в регистрации может быть обжалован в Совет по рассмотрению жалоб в месячный срок со дня получения владельцем свидетельства извещения об отказе (ст. 4).

В случае коллизии между идентичными или сходными товзнаками, зарегистрированными в нескольких союзных республиках на имя разных лпц, приоритет принадлежит тому, кто раньше остальных заявил коллидирующий знак в соответствующее учреждение одной из союзных республик (ст. 5). Вопрос коллизии между знаками, зарегистрированными Комитетом СССР и соответствующим учреждением союзной республики на имя разных лиц Вводным Постановлением не предусмотрен; законодатель, очевидно, отдает в этом случае первенство общесоюзной регистрации.

Одновременно с введением в действие нового декрета о товзнаках отменяется Постановление Совнаркома СССР от 18/VII—1923 г. о товзнаках; центральным властям союзных республик предлагается отменить свои узаконения о регистрации товарных знаков (ст.ст. 7 и 8). Таким образом с 1 июня 1926 г. на территории Союза вводится полностью единое законодательство об ограждении товарных знаков.

Проф. **И. Я. Хейфец.**

Основные моменты реформы Гербового Устава.

В настоящее время в правительственных органах поставлен на очередь вопрос о пересмотре Устава о Государственном Гербовом Сборе, как по линии НКФ, так и по линии ВСНХ СССР, при чем последний образовал для пересмотра Гербового Устава специальную Комиссию.

Поскольку гербовый сбор является налогом на торговый оборот, а размеры его превышают в абсолютной цифре размеры промыслового налога, представляется крайне желательным выяснить основные позиции, на которых должна стоять государственная торговля при пересмотре Устава Гербового.

I. В первую очередь необходимо отметить совершенно *исключительную сложность* принятой Уставом Гербовым системы изложения: самый Устав состоит всего из 28 статей,—это, так сказать,—остов закона; к нему в законодательном порядке утверждены: 1) табель документов, подлежащих гербовому сбору (50 параграфов) и 2) перечень из'ятий по гербовому сбору (79 параграфов); далее—на основании предоставленных НКФ'ину Уставом Гербовым права—НКФ утвердил довольно большое количество инструкций по разным вопросам гербового обложения, затем—три алфавитных перечня документов (из коих один—„Подробный Перечень“—занимает около 5 листов табличного петита), и, наконец, НКФ'ом издается громадное количество раз'яснений по отдельным вопросам гербового обложения; сводка всего указанного материала уже в настоящее время занимает более 30-ти печатных листов (напр. в издании Суперанского).

Не менее сложной представляется система и размеры ставок гербового сбора; гербовый сбор делится на простой, взимаемый в фиксированных ставках, и пропорциональный, взимаемый в зависимости от суммы сделки; простой, в свою очередь, распадается на 4 разряда, а пропорциональный — на 3 разряда, но внутри каждого разряда различается нормальный и усиленный оклад, а в третьем разряде,—кроме усиленного оклада,—существует еще и пониженный; нужно отметить, что усиленный оклад 2 разряда по размерам совпадает с нормальным 1-го разряда (0,5%); следует, наконец, принять во

внимание, что в распределении отдельных сделок по разрядам трудно заметить какую-либо целесообразность, что еще более затрудняет пользование Гербовым Уставом.

Указанный основной недостаток дает первый ответ на вопрос о направлении реформы Гербового Устава: поскольку применять его на практике приходится рядовым работникам—*необходимо стремиться к максимальному упрощению как системы, так и размеров гербового сбора;* необходимо, по возможности, об'единить Устав и Инструкции к нему в единое целое и решительно сократить количество окладов пропорционального гербового сбора примерно до 3 окладов, как это было в до-революционном Гербовом Уставе, по трем основным рубрикам: 1) имущественные сделки, 2) торговые сделки и 3) долговые обязательства.

При отнесении сделок к тому или иному разряду, необходимо учесть те социально-экономические изменения, которые произошли за время революции сравнительно с до-революционным периодом, напр., следует признать совершенно нецелесообразным обложение усиленным окладом сделок по продаже жилых строений, которые в настоящее время являются в подавляющем большинстве случаев бездоходными, тоже относится и к переходу и особенно—аренде торговых и промышленных предприятий, особенно, принимая во внимание, что практика НКФ относит аренду их к передаче в собственность; значительно изменился в настоящее время и характер договора комиссии, который больше приближается к договору найма, чем комиссии в собственном смысле; возражения вызывает различие в оплате биржевых сделок сравнительно с небиржевыми, обложение усиленным окладом договоров о перевозках и т. д.

Что касается в частности оплаты усиленным гербовым сбором внебиржевых сделок, то по этому поводу необходимо иметь в виду следующее: усиленное обложение гербовым сбором внебиржевых сделок, не имеющее прецедента в до-революционном и советском уставе 1922 г., вызвано было, очевидно, стремлением поощрить совершение сделок на бирже. Однако, с этой целью были проведены и другие меры, поведшие за собою значительное увеличение расходов по заключению сделок внебиржевым порядком.

Обложение внебиржевых сделок особым регистрационным сбором в пользу биржи в размере до 0,15% с суммы сделки (до последнего времени—0,25%), налог со сделок, совершаемых или регистрируемых на бирже в размере 0,1% с суммы сделки и указанный выше гербовый сбор доходят в общей сложности до 0,5% с суммы сделки. Сделки, совершаемые на бирже, облагаются следующими сборами: 1) биржевой сбор (по Харьковской бирже)[1]) 0,08%, 2) гербовый сбор

---

[1]) По Ленинградской бирже сбор 0,125%.

0.1% и 3) местный налог—0,1%, а всего 0,28%, т. е. в два раза менее.

Таким образом рядом с повышением расходов по внебиржевым сделкам в порядке гербового законодательства, применяются и другие способы усиленного обложения внебиржевых сделок, что в общей сложности приводит к крайне значительному увеличению расходов по этим сделкам.

Это параллельное существование различных надбавок за совершение сделок вне биржи, как будто, не вызывается рациональными основаниями и в гербовом уставе должна быть проведена однообразная оплата торговых сделок, как биржевых, так и внебиржевых нормальным окладом 3 разряда.

Что касается грузовых документов, то чрезвычайно важным представляется проведение реформы обложения железнодорожных документов, и, в частности, накладных. В этом отношении необходимо признать вполне правильным постановление XVII Тарифного С'езда. Это постановление основывалось на том, что расчет гербового сбора должен ныне производиться на станции отправления с тем, чтобы на станции назначения по выяснении дополнительных сборов, был произведен дополнительный перерасчет с вторичной оплатой гербового сбора. Тарифный С'езд признал необходимым перейти от оплаты накладных пропорциональным сбором по § 41 Табели и примечанию к ст. 3 той-же Табели—к оплате этих документов простым сбором 3 разряда (15 к.). Такая оплата является вполне отвечающей интересам товарооборота, а потому ст. ст. Устава, а равно правила оплаты грузовых документов, утвержденные НКФ СССР 7/III-24 г., должны быть изменены.

Далее, необходимо распространить правило § 40 Табели о льготной оплате документов по продаже и поставке сельскими хозяевами продуктов их хозяйства на сделки, заключаемые сельско-хозяйственной кооперацией с госорганами на доставку продуктов сельского хозяйства по след. мотивам: в противоположность до-революционному времени, когда сделки по поставке продуктов сельского хозяйства действительно заключались между непосредственными производителями—помещиками,—в настоящее время в сделках подобного рода все большую роль начинает играть кооперация, особенно сельско-хозяйственная, а потому для реализации льгот, предоставленных § 40 Табели, представляется необходимым распространить их на сделки по продаже продуктов сельского хозяйства, заключаемые с сельско-хозяйственной кооперацией и ее членами.

Трудно далее оправдать различие в оплате гербовым сбором долговых документов: нормальным окладом II разряда безусловно оплачиваются только векселя, а остальные долговые документы только в том случае, если одной стороной является правительственное учреждение; является совершенно нецелесообразным оплачивать

долговые документы в том же размере, что и имущественные сделки, в размере 0,5%, особенно принимая во внимание, что наш деревенский оборот по чисто техническим причинам пользуется преимущественно долговыми обязательствами вообще, а не векселями.

Весьма существенным вопросом гербового обложения является вопрос об установлении *понятия торговой сделки.*

То определение, которое дает примечание к § 48 Перечня, является пока единственным определением понятия торговой сделки, данным в законодательном порядке. Однако, торговая практика выявила уже необходимость построения иного положения о торговой сделке. Это положение уже получило свое проявление в Инструкции Наркомвнуторга СССР от 27/VIII—24 г. В отличие от того, которое дано в уставе о гербовом сборе, оно устанавливает в качестве торговой сделки всякую сделку, в коей хотя бы одной из сторон выступает сторона, занимающаяся совершением торговых сделок в виде промысла. Таким образом отбрасывается два ограничения: 1) зависимость понятия торговой сделки только от положения покупщика и 2) необходимость выяснения каждый раз целей совершения сделки.

В отношении определения торговой сделки отмену этих ограничений необходимо считать правильной. Надо полагать, что введение в гербовый устав определения торговой сделки об'яснялось исключительно отсутствием этого определения в других актах. Поэтому, когда вырабатывался взгляд Наркомвнуторга СССР на этот вопрос, финансовое законодательство стало в разрез с торговой практикой. Необходимо ныне при пересмотре устава о гербовом сборе стать на иной путь разрешения этого вопроса. Надо дать указание о том, что обложение торговых и имущественных сделок производится в различном размере, предоставив разграничение понятия торговой сделки от сделки имущественной специальным законодательным актам.

Применяя новое предполагаемое обозначение к вопросу о биржевых сделках, необходимо отметить, что если сейчас имущественные сделки занимают чрезвычайно ограниченное место в биржевом обороте, то при новой предполагаемой системе деления, на биржах имущественные сделки будут встречаться лишь в виде исключения.

Поэтому вполне целесообразно будет добавление в указанном определении торговой сделки статьи, гласящей, что всякая биржевая сделка считается сделкой торговой [1]).

Одним из основных принципов действующего гербового сбора является тот момент, что один документ должен быть оплачен гербовым сбором только один раз.

Противоречие этому принципу на практике возникает при оплате простым гербовым сбором расписок на договорах в получении какого-

[1]) Эти точки зрения были выдвинуты на Всеукраинском Биржевом С'езде в Киеве в марте с. г.

либо исполнения по сделкам, изложенным в документах. В подобных случаях оплата расписок простым сбором в 6 коп. зачастую превышает ценность сбора, коим оплачен был основной документ.

Поэтому подобные расписки, указанные в № 165 Подробного Перечня, должны быть освобождены от гербового сбора.

В том же порядке должны освобождаться расписки на отдельных ордерах, каковые должны оплачиваться гербовым сбором только в том случае, когда эти ордера являются документом по сделке.

II. В связи с понятием торговой сделки возникает и другой более общего характера вопрос *об юридической квалификации подлежащих гербовому сбору документов вообще*: **казалось бы правильным то положение, что все юридические конструкции подлежащих герб, сбору сделок должны регулироваться соответствующими законодательными актами и Герб. Устав не должен вторгаться в сферу этих законодательных актов и создавать собственные конструкции, так как в противном случае может получиться крайне вредное для практики расхождение в юридической квалификации тех или иных инструментов; как показано было выше, в отношении понятия торговых сделок Устав Герб, стал как раз на противоположную точку зрения, создав собственную конструкцию торговой сделки; можно указать и на целый ряд других случаев подобного же рода, напр., между Гербовым Уставом и Гр. Кодексом получилось разногласие по крайне важному понятию о моменте совершения сделки, которая в качестве своего условия требует нотариального засвидетельствования, при чем Герб. Устав требует оплаты герб, сбором таких документов в момент их подписания, а не нотариального засвидетельствования.**

III. Крайне важным представляется вопрос *о моменте* **оплаты герб, сбором документов; Устав Герб, различает 3 момента оплаты: 1) основную оплату—в момент совершения документа—это общее правило, 2) последующую оплату—в течение 2-недельного срока и 3) дополнительную оплату в сделках на сумму неопределенную, при чем Гербовый Устав рассматривает последующую оплату в качестве льготной и допускает ее далеко не во всех случаях; так, напр., не допускается последующая оплата, если сделка совершается при участии правительственных учреждений, или, если по сделке выдается аванс и т. д.**

Вышеозначенный порядок представляется для практики крайне затруднительным; сплошь и рядом бывают экстренные случаи заключения договоров, когда нет под рукой достаточного количества марок или же когда внести деньги наличными представляется невозможным; представляется крайне нецелесообразным стеснять в этих случаях оборот по основаниям едва-ли имеющим под собой почву; казна в данном случае получит то, что ей причитается, хотя и несколько позднее; по этим соображениям представляется необходимым установить общее

правило, в силу которого по всем без исключения сделкам допускается последующая уплата герб. сбора.

IV. Необходимо обратить внимание на вопрос об *освобождении от гербового сбора учреждений и документов*; согласно действующему Герб. Уставу—последний знает с одной стороны освобождение от герб. сбора учреждений и лиц, с другой стороны—документов, при чем в первом случае Наркомфин в своих инструкциях установил правило, в силу которого при заключении сделки между контрагентами, один из коих свободен от герб. сбора, уплата такового переносится на другого контрагента; такой порядок вряд-ли можно признать целесоообразным; нельзя представлять льготы одним учреждениям и лицам за счет других по совершенно случайному признаку—заключения договора; кроме того следует иметь в виду, что подобный порядок часто представляется невыгодным и для контрагента, свободного от герб. сбора, поскольку в результате контрагенты, не свободные от герб. сбора, стараются избегать заключения сделок с контрагентами, свободными от герб. сбора

V. Следующий вопрос, на который необходимо обратить внимание, это вопрос—*о способах погашения герб. знаков.*

В 1924 г. широко практиковалась система выдачи расчетных листов, выдаваемых ряду учреждений, при чем вместо оплаты гербового сбора марками, стороны могли вносить их наличными деньгами в кассу учреждения, имевшего такие расчетные листы. Затем, в связи с усилением выпуска гербовых знаков, Наркомфином СССР дано было общее распоряжение о прекращении выдачи контрольных листов. Практика того времени, когда контрольные листы перестали выдаваться, показала, что подобный порядок во многом чрезвычайно неудобен для сторон, обязанности наклеить и погасить, иногда большое количество знаков, создает громоздкость самого процесса оплаты и, в связи с этим, уклонение от своевременной оплаты документов.

Поэтому представляется необходимым восстановить систему выдачи контрольных книжек, существовавшую ранее.

Техника совершения и регистрации биржевых сделок на биржах по своим признакам приближается к тем условиям, которые сопровождают засвидетельствование сделок у нотариусов. Между тем, лица, свидетельствующие свои сделки у нотариуса, могут быть уверены, что оплата их сделок гербовым сбором будет проверена нотариусом, гербовые знаки будут надлежащим образом наклеены и ответственность за могущие возникнуть неправильности будет лежать на нотариусе.

Иное дело при совершении сделок на товарных биржах. Хотя новый закон и устанавливает приравнение биржевых сделок по последствиям к нотариально засвидетельствованным сделкам, но к уплате гербовым сбором по заключенным через их посредство сделкам маклера не привлекаются.

Это обстоятельство чрезвычайно неудобно для торгующих, особенно при совершении междубиржевых сделок. По этим сделкам маклерские записки совершаются на бирже офферента и после регистрации пересылаются сторонам. При этом затруднительно выполнение правила, говорящего о том, что каждая сторона должна иметь документы с гербовыми знаками, погашенными противной стороной (ст. 10-я устава, прим. 2-е).

В подобных случаях НКФ указывает выход в виде погашения гербовых знаков должностным лицом (раз'яснение НКФ № 042313686) 511 от 20/IV—25 г.) или взноса сбора наличными деньгами.

Специальное обращение в финотделы за уплатой гербового сбора по поданым сделкам несомненно создает для сторон излишние затруднения, которые было бы легко избежать, если бы маклерам и друг. органам товарной биржи было предоставлено право погашать гербовые знаки на документах по сделкам, через биржи проходящим. В прежнее время этому мешал формальный момент. Однако формальное основание, послужившее к изданию циркуляра НКФ'а от 15/VI—25 г. № 651 („В.Ф." № 59 (149)—отпало. Этот циркуляр говорил о недопустимости погашения герб. знаков маклерами, в виду того, что они не являются ни должностными лицами, ни сторонами в сделке. Между тем постановление ЦИК'а СССР от 2/Х-25 г. о биржах в ст. 56 говорит, что биржевые маклера являются должностными лицами биржи.

Необходимо этот должностной характер распространить на положение маклеров в вопросах уплаты герб. сбора и предоставить им право погашать знаки на сделках, заключаемых при их посредстве.

Маклерская записка новым законом признается не только свободной от нотариального засвидетельствования; в том случае, если таковое для нее обязательно, она приобретает все последствия нотариально совершенного акта (ст. 85 пост. ЦИК'а от 2/Х—25 г.). Непредоставление маклерам права погашать герб. знаки по таким сделкам означало бы возможность выпуска из недр биржи сделок, имеющих силу нотариально совершенных, но не оплаченных герб. сбором.

Таким образом совершенно необходимо было бы представление маклерам и др. агентам биржи погашать знаки гербовой оплаты. Наряду с этим, конечно на них надлежит возложить ответственность за правильную оплату гербового сбора по биржевым сделкам по аналогии с п. „б" ст. 14 действующего устава [1]).

VI. Необходимо далее устранить то жесткое правило, в силу которого штраф за нарушение Устава гербового в десятикратном размере не может быть понижаем в зависимости от характера нарушения

---

[1]) Эта точка зрения также была выдвинута Всеукраинским С'ездом Биржевой Торговли в марте с. г.

(неуплата или неполная уплата, несвоевременная уплата, неправильное погашение герб. знаков); особенно важным представляется в этом вопросе различие между госпредприятиями и частными лицами; и если уклонение от уплаты герб. сбора со стороны частного лица является совершенно понятным, то совершенно недопустимо такое предположение в отношении государственных предприятий, которые по самому существу не могут и не должны быть заинтересованы в уклонении от уплаты герб. сбора.

VII. Последнее обязательство, на которое необходимо обратить внимание, это вопрос о рассмотрении жалоб при сборах между плательщиками и финорганами: вопрос об обложении сделок герб. сбором в большинстве случаев связан с точным определением юридической квалификации сделки, что представляется делом подчас весьма затруднительным.

Исходя из этого, до-революционный Устав предоставлял плательщику право, в случае несогласия с постановлениями финансовых органов, обжаловать означенные постановления в суд, который и решал окончательно спор; ныне действующий Устав в качестве конечной инстанции для решения подобных споров предусматривают НКФ союзных республик и Наркомфин СССР, не допуская перенесения дела в Суд.

Представлялось бы целесообразным установить прежде действующий порядок перенесения споров по герб. обложению в суд, или, во всяком случае — установить специальные административные суды для разрешения подобного рода споров.

Таковы те основные линии, по которым, с нашей точки зрения, должен идти пересмотр Гербового Устава.

Н. Н—в.

Новый закон о торговой регистрации.

11 декабря 1925 года опубликовано утвержденное СНК СССР 20 X—1925 г. Положение о торговой регистрации. Закон этот, вводящий обязательную регистрацию в органах Наркомвнуторга всех основных участников оборота и устанавливающий систему единого для всего Союза торгового реестра, открытого для общего обозрения и пользования,—знаменует гобои новый этап в деле развития и упорядочения нашей внутренней торговли.

От памятного первозданного хаоса торговли 1921—22 года, торговли вслепую, в нездоровой атмосфере спекуляции и риска, когда не были известны ни участники оборота, ни имеющиеся товары, ни цены на них, мы постепенно перешли к упорядоченной, и в значительной мере регулируемой уже, торговле теперешнего времени. Проделанная за это время организационная работа поистине колоссальна: Гражданский Кодекс подвел твердую правовую базу под развивающиеся рыночные отношения, биржи установили взаимную связь между торгующими организациями, введение твердой валюты создало возможность нормальной калькуляции и реальных цен на товары, наконец, создание специального Наркомата Внутренней Торговли выдвинуло на первый план задачу централизованного и планового регулирования, торговли.

В условиях неупорядоченного оборота никакое регулирование, конечно,, невозможно, поэтому все мероприятия, направленные к оздоровлению и укреплению оборота, усиливают в то же время возможности действенного руководства рынком. С этой точки зрения Положение о регистрации является громадным шагом вперед в деле упорядочения оборота и укрепления в нем регулирующего начала.

Прежде всего производимая в публичном порядке обязательная регистрация участников торгового оборота, связанная в отношении организаций и учреждений, а равно иностранных предприятий, с проверкой права их па занятие торговой деятельностью, будет много способствовать оздоровлению оборота и внесению в него необходимой четкости и ясности. Надлежаще проведенная регистрация произведет чистку участников оборота и удалит из него различные сомнительные организации, которые в настоящее время только засоряют и затрудняют оборот—т. к. не имеют ни денег, ни опыта, ни оформленных надлежащим образом уставов. Устранение этих организаций из оборота установит порядок, при котором каждый торгующий может быть по крайней мерс уверен в том. что его контрагенты—юридические лица обладают хотя бы темп минимальными гарантиями, которые дает выполнение

требования закона о порядке учреждения ц оформления права на существование самостоятельных хозяйственных организаций.

Затем торговая регистрация предоставит всем участникам оборота широкую возможность проверять по данным открытого для всех торгового реестра характер, сущность и экономическую основу своих предполагаемых контрагентов; это тоже является большим шагом вперед по сравнению с существующим положением, ибо в настоящее время, надо сказать, докопаться до существа многих организаций, выступающих в обороте, и выяснить, что же они из себя в конце концов представляют,—ведомственный ли орган, самостоятельное ли юридическое лицо, частного ли контрагента, состоящего в договорных отношениях с ведомством, или еще что-нибудь непредусмотренное-.—является делом далеко нелегким. Девуалпровапие таких участников оборота явится значительным достижением в деле оздоровления оборота и задача эта, несомненно, будет успешно выполнена регистрацией.

Помимо указанной ближайшей цели — оздоровления оборота, торговая регистрация значительно облегчит и надлежащее регулирование рынка: .в едином торговом реестре, точно и быстро отражающем состояние н движение основного распределительного аппарата страны, органы регулирования получат во-первых—богатейший и незаменимый источник сведений, а во-вторых—новый способ изучения товаропроводящей цепи и выявления тех влияний, которые на нее оказывают те или иные зависимые п независимые от правительства условия; лучшее знание настоящего, естественно увеличивает возможность правильного предвидения будущего, наблюдение за отражением в товаропроводящем аппарате тех или иных мероприятий даст возможность быстро оценивать результаты и немедленно исправлять допущенные ошибки; лее указанные условия укрепляют возможности сознательного руководства рынком и усиливают в области товарооборота моменты планового регулирования.

Следут отметить, что частично регистрация торгово-промышленных предприятий производится у нас и в настоящее время; но разница между тем. что есть, и что вводится Положением 20/X,—огромная; разница и в определении круга предприятий, подлежащих регистрации и в самом построении системы регистрации.

Существующая система регистрации касается лишь юридических лиц, не распространяясь на лиц физических—частных торговцев и промышленников,—последние регистрации не подлежат x).

Затем, по действующему у нас порядку, регистрация юридических лиц не централизована и даже не сосредоточена в ведении одного Наркомата; наряду с Наркомвнуторгом регистрация производится еще целым рядом других. не связанных друг с другом учреждений, совершенно не интересующихся торговой деятельностью получивших у них крещение организаций: в центральных и местных органах Наркомвнуторга регистрируются: тресты, акционерные общества, потребительские общества и их союзы, товарищества ню электроснабжению и частные товарищества (полные и на вере); кредитные и кооперативные товарищества и общества взаимного кредита регистрируются в органах Наркомфнпа, се.іьско-хозяйственпые кооперативные товарищества—

!) Особый порядок введен на Украине, которая в этом вопросе, как и во многих других вопросах правового характера, оказалась впереди других союзных республик; законом 2 X 24 г. о торговом реестре, на Украине введена регистрация также и торговых предприятий не ниже III разряда, принадежащих единоличным владельцам.

в органах Наркомзема, промысловые кооперативные товарищества—в органах ВСНХ, инвалидные кооперативные организации всех видов—в органах Наркомсобеса и, наконец, общества, не преследующие по уставу цели извлечения прибыли (но, тем не менее, обнаруживающие зачастую большую склонность к коммерции!)—в органах Наркомвнудела.

Такая разбросанность регистрации юридических лиц по различным разрозненным учреждениям в значительной мере умаляет практическое значение производящейся ныне регистрации и фактически ставит торговую деятельность многих организаций вне всякого контроля: возникают они без ведома Наркомвнуторга и делаются ему известными обычно лишь в связи с обнаруженными злоупотреблениями в области торговли. С введением Положения 20 X, когда все дело регистрации будет сосредоточено в Наркомвнуторге и регистрация будет централизована (единый торговый реестр), все указанные организации автоматически войдут в поле зрения органов Наркомвнуторга, что устранит возможность существования таких «диких», внеконтрольных. торгующих организаций.

Перейдем к рассмотрению основных положений нового декрета о регистрации.

Прежде всего следует отметить, что декрет 20/X проведен в порядке Союзного законодательства и потому распространяет свое действие на всю территорию СССР. Такой порядок вполне понятен—торговый оборот не может ограничиваться рамками отдельных союзных республик, он по существу своему един во всем Союзе, а потому и законы, касающиеся самых основ производства торговли, каковым является декрет 20/X, должны проводиться во всесоюзном масштабе, а не в порядке законодательства отдельной республики. Торговая регистрация, чтобы выявить все свое значение и дать ожидаемые результаты, должна распространяться на весь внутренний торговый аппарат Союза, частичная же регистрация в пределах отдельной республики, может иметь местное значение, но не в состоянии внести радикальные изменения в товарооборот.

По Положению 20/X торговая регистрация заключается в следующем: все основные участники оборота (какие—об этом ниже) заносятся в торговый реестр, ведомый органами Наркомвнуторга; в реестр помещаются важнейшие сведения об организационном. правовом и имущественном положении каждого регистрируемого предприятия и последовавшие впоследствии изменения; сведения эти органами регистрации публикуются для всеобщего ознакомления; торговые реестры и документы, на основании которых сделаны записи, открыты для общего обозрения и все желающие могут получать нужные им выписки из реестра; органы регистрации обмениваются друг с другом (порядок будет указан ниже) имеющимися у них данными, так что точные сведения о каждом участнике оборота, подлежащем регистрации, будут иметься во всех местах его работы. Такова общая схема построения торговой регистрации.

Остановимся теперь несколько подробнее на отдельных наиболее важных моментах системы торговой регистрации.

Прежде всего — основной вопрос — о круге предприятий, подлежащих обязательной регистрации.

Регистрации подлежат:

1) государственные промышленные предприятия, действующие на началах хозрасчета, и государственные торговые организации (тресты. синдикаты, торги и проч.);

2) акционерные общества—государственные, смешанные и частные;

3) частные товарищества всех видов (полные, на вере и с ограниченной ответственностью);

4) кооперативные организации;

5) состоящие при разного рода общественных, профессиональных и т. п. организациях, не преследующих цели извлечения прибыли, торговые отделы, бюро, конторы и т. п.;

6) физические лица, выбирающие патенты не ниже IV разряда на торговые и промышленные предприятия;

7) владельцы иностранных предприятий (юридические и физические лица), получившие разрешение на производство торговых операций на территории Союза ССР;

8) филиалы указанных выше предприятий и лиц (исключая пн. пн. 4 и 5).

Банки и другие кредитные организации также подлежат регистрации на общем основании, *в зависимости от той юридической формы, в которой они организованы.*

Как видно из изложенного, круг участников торгового оборота, подлежащих регистрации, очерчен очень широко; об'единив их для удобства в однородные группы, получим следующие основные подразделения лиц, подлежащих регистрации: а) все без исключения организации, выступающие в обороте в качестве *юридических лиц*, и занимающиеся торговой и промышленной деятельностью, б) *торговые и промышленные отделы* неторговых по существу организаций, в) *частные* торговцы-оптовики и полуоптовики и более крупные промышленники, выбирающие патенты не ниже IV разряда и г) все владельцы *иностранных* предприятий; в общем исключены из регистрации лишь мелкие торговцы-розничники и мелкие промышленники, работающие с патентами первых 3-х разрядов, все остальные торгующие организации и лица должны быть внесены в торговый реестр.

Сведения, внесенные в торговый реестр, и опубликованные, признаются известными третьим лицам. В реестр помещаются наиболее важные для оборота сведения о каждом предприятии; в частности, можно отметить следующие: фирменное наименование, предмет деятельности, размер уставного капитала, состав правления и местонахождение его, отдельные заведения, принадлежащие данному предприятию, патенты и товарные знаки, местонахождение филиалов и проч.

Регистрация разделяется на основную и текущую; основная заключается в открытии отдельного листа для регистрируемого лица и занесении в него всех указанных в законе сведений о нем, текущая—в последующем изменении или дополнении имеющихся сведений. Если принадлежащие юридическим или физическим лицам предприятия имеют филиалы, т. е. представительства, отделения, конторы, агентства и т. п. единицы, обладающие правом самостоятельного совершения торговых операций от имени указанных лиц, то в реестре открываются соответственно отдельные листы на каждый филиал.

Торговый реестр является по существу единым и потому лица и филиалы, внесенные подлежащим органом торговой регистрации в торговый реестр, считаются зарегистрированными в отношении всего Союза ССР, и впредь до погашения открытых для них листов торгового реестра, не могут быть подвергнуты вторичной регистрации.

Об'единение регистрируемых сведений достигается следующей системой. Торговый реестр состоит из разделов: первого, второго и третьего. 1) Раздел первый ведется Наркомвнуторгом СССР и в него включаются сведения о юридических лицах, уставы которых подлежат утверждению центральных органов Союза ССР, и о владельцах (юридических и физических лицах) иностранных предприятий, допущенных к производству торговых операций на территории Союза. 2) Раздел второй торгового реестра состоит из частей по числу союзных республик. Ведение отдельных частей раздела второго возлагается на Наркомвнуторги союзных республик по принадлежности. В этот раздел вносятся сведения о юридических лицах, уставы которых подлежат утверждению центральных органов союзных республик. 3) Наконец, раздел третий,—основной раздел торгового реестра, заключающий в себе сведения о главной массе торговых предприятий,—состоит из частей по числу местных органов торговой регистрации. Ведение отдельных частей раздела третьего возлагается на местные органы торговой регистрации—областные, губернские и соответствующие им Внуторги. В раздел третий вносятся сведения о товариществах с ограниченной ответственностью, (возникающих в явочном порядке), о товариществах полных и на вере, о физических лицах, подлежащих регистрации, (кроме указанных выше владельцев иностранных предприятий), и о филиалах зарегистрированных предприятий. В законе пропущено указание на тресты местного значения. Последние, очевидно, также должны будут регистрироваться в местных органах Наркомвнуторга,—надо полагать, что в отношении их будет сохранен существующий порядок регистрации в областных отделах Наркомвнуторга.

Между всеми регистрирующими органами установлена взаимная связь и обмен сведениями, причем и то и другое расчитано таким образом, чтобы обеспечить единство и полноту торгового реестра и соответствие каждой части реестра тому комплексу торгующих организаций и лиц, которые работают в районе деятельности каждого органа регистрации. Установлено это следующим образом: а) Центр. Наркомвнуторг СССР, сообщает сведения о каждом зарегистрированном им лице всем Наркомвнуторгам союзных республик и тому местному органу торговой регистрации, в районе деятельности которого имеет местонахождение правление, главная контора или соответствующий орган зарегистрированного лица; б) Наркомвнуторги союзных республик сообщают сведения о зарегистрированных ими лицах в Центр. Наркомвнуторгу СССР, и тому местному органу торговой регистрации, в районе деятельности которого имеет местонахождение правление или соответствующий орган зарегистрированного лица; в) местные органы торговой регистрации сообщают сведения: о зарегистрированных ими лицах, юридических или физических, Наркомвнуторгу союзной республики, который в свою очередь, сообщает упомянутые сведения в Центр. Наркомвнуторгу СССР; о зарегистрированных филиалах—органу торговой регистрации, зарегистрировавшему лицо, которому принадлежит филиал, а равно Наркомвнуторгу своей республики. На основании получаемых указанным выше способом сведений, каждый орган торговой регистрации составляет реестровые мемориалы *по отсутствующим* у него разделам торгового реестра: Наркомвнуторг СССР—по разделам первому и второму, Наркомвнуторги союзных республик—по разделам первому и третьему, и местные органы регистрации—по разделам первому и второму. Эти материалы, в связи с основными, ведущимися в данном органе регистрации разделами реестра, дадут полную картину торговых предприятий, работающих в данном районе.

Такова удачно сконструированная техника построения связи и взаимной информации между органами регистрации.

Следующим важным моментом, определяющим качество торгового реестра и соответствие его пред'являемым к нему требованиям, является установление надлежащих мероприятий, гарантирующих современное включение в реестр установленных законом сведений. В этом отношении Положением о регистрации принят такой порядок.

Торговая регистрация производится не только по заявлениям заинтересованных лиц, подлежащих регистрации, но и по письменным сообщениям финотделов и нотариальных контор и заменяющих их учреждений, а также по собственному почину органов торговой регистрации. Законные представители юридических лиц (Правление, управляющий, товарищ-распорядитель и т. п.), и физические лица, подлежащие регистрации, обязаны доставлять органам регистрации необходимые сведения не позднее двух недель со времени наступления фактов, подлежащих регистрации. В отношении первоначальной регистрации юридических лиц весьма действенным стимулом к своевременной подаче сведений служит установленная законом связь между регистрацией и правоспособностью юридического лица; так как правоспособность юридического лица возникает лишь с момента регистрации, то вновь возникшее юридическое лицо лишено возможности (по формальным затруднениям) приступить к работе до того, как оно выполнит требование закона о регистрации. Указанное обстоятельство достаточно обеспечивает включение в реестр вновь организуемых юридических лиц. Во всех остальных случаях стимулирование подачи соответствующих заявлений о регистрации будет достигнуто установленной Положением о регистрации системой перекрестного контроля и стоящей за ним угрозой уголовной ответственности за несоблюдение требований закона.

Помимо органов Наркомвнуторга, контроль за соблюдением правил регистрации возложен Положением о торговой регистрации на органы Наркомфина и учреждения, свидетельствующие сделки: учреждения, выдающие промысловые свидетельства, обязаны не позднее двух недель со дня выдачи этих свидетельств лицам (юридическим и физическим), подлежащим обязательной регистрации, сообщать об этом соответствующему органу торговой регистрации; нотариальные или заменяющие их учреждения также обязаны не позднее двух недель со дня засвидетельствования или совершения при их участии сделки лицами, подлежащими регистрации, сообщать соответствующему органу торговой регистрации обо всех обнаружившихся в связи с совершением сделки обстоятельствах, подлежащих внесению в торговый реестр. Несоблюдение установленных сроков, а равно неисполнение требований закона о сообщении необходимых сведений, допущенное, как самими лицами и организациями, подлежащими регистрации, так и указанными выше органами контроля, влечет за собой, согласно Положения о торговой регистрации, уголовную ответственность. Так как все подлежащие регистрации предприятия неизбежно должны будут пройти через финотделы, (ибо трудно допустить возможность беспатентной торговли у таких сравнительно крупных предприятий, какими являются подлежащие обязательной регистрации), и так как, кроме того, каждому торговому предприятию, за весьма редкими исключениями, придется, так или иначе, иметь случай обращаться в Нотариальные Конторы за засвидетельствованием документов и сделок, то можно быть уверенным, что установленный указанным выше способом контроль за выполнением требований закона о регистрации является совершенно реальным, и посему торговая регистрация будет проведена в жизнь полностью и в точном соответствии с установленным по закону порядком.

Таковы в общих чертах положения и система декретированной 20/X торговой регистрации. Для введения ее в действие, необходимо еще пред-

варительно провести ряд мероприятий подготовительного характера. Само собою понятно, что установка и пуск в ход такого сложного и ответственного дела требует значительной организационной работы, для которой необходимо время. Поэтому срок введения в действие торговой регистрации законом не установлен, и таковой предоставлено назначить Наркомторгу СССР.

Следует во всяком случае выразить пожелание, чтобы декрет о торговой регистрации, открывающий такие широкие перспективы, как в области упорядочения товарооборота, так и в отношении усиления регулирующего влияния государства, получил осуществление с возможно меньшими задержками. Закон этот послужит тем компасом, который выведет наш торговый оборот с извилистых, разбегающихся путей проселочных дорог на прямую и крепко-укатанную «большую дорогу».

И. Егиазаров.

О ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ И ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ.

(Резолюция пленума ЦК ВКП (б) от 6—9 апреля 1926 г. „Изв. ЦИК“ № 84 от 13/X с/г.).

I

Основным фактом, определившим укрепление пролетарской диктатуры и усиление международного значения СССР, является быстрый рост производительных сил страны в направлении усиления удельного веса социалистических элементов в народном хозяйстве.

Этот рост явился результатом такой политики партии, которая привела на основе нэпа к укреплению смычки между государственной промышленностью и сельским хозяйством и усилению руководящей роли государственной промышленности во всем народном хозяйстве. Он происходил в обстановке исторически сложившейся диспропорции в развитии промышленности и сельского хозяйства и общей экономической отсталости страны.

В первые годы нэпа в центре хозяйственной политики стояла задача быстрейшего восстановления сельского хозяйства, как исходного пункта борьбы с хозяйственной разрухой в городе и деревне, создания сырьевой и продовольственной базы для развития промышленности и рынка для сбыта ее изделий. Опираясь на растущее сельское хозяйство, на все увеличивающуюся емкость крестьянского рынка, приспособляясь к его потребностям, промышленность увеличила свое производство на 64 проц. в 1924—25 г. и увеличивает его примерно, на 30—40 проц. в настоящем хозяйственном году.

Однако, несмотря на такой рост промышленности, страна вступила в длительный период несоответствия продукции промышленности более быстро растущему как производственному, так и потребительскому спросу, результатом чего явился обостренный товарный голод на промышленные изделия. В такой обстановке развитие индустрии и вообще индустриализация страны является той решающей задачей, успешное разрешение которой определяет дальнейший рост всего хозяйства в целом по пути к победе социализма.

II

Индустриализация страны и увеличение товарной массы промышленных изделий, при достигнутом уровне развития промышленности, наталкиваются в настоящий период на специфические трудности. Промышленность почти полностью использовала унаследованный от буржуазной эпохи основной капитал и упирается в своем дальнейшем развитии в переоборудование предприятий и новое фабрично-завод-

ское строительство, что, в свою очередь, целиком зависит от размера тех накоплений, которые можно будет вложить в дело расширения промышленности.

Экспроприация непроизводительных классов (буржуазии и дворянства), аннулирование долгов, сосредоточение доходов от промышленности, госторговли (внутренней и внешней) и всей кредитной системы в руках государства и т. п.,—сами по себе дают возможность такого накопления внутри страны, которое обеспечивает необходимый для социалистического строительства темп развития индустрии.

Необходимо, однако, иметь в виду, что эта задача может быть успешно разрешена только в том случае, если партии удастся обеспечить, с одной стороны, осуществление во всей стране сурового режима бережливости, экономии и беспощадной борьбы со всякими излишними и непроизводительными расходами, а с другой—увеличить приток свободных средств населения во всякого рода кредитные, кооперативные учреждения и государственные займы, в целях использования этих накоплений для дальнейшего развития производительных сил страны и, прежде всего, индустрии.

Темп расширения основных капиталов и переоборудования промышленности, равно как повышение техники и интенсификация сельского хозяйства, в сильнейшей степени зависят от успешного развития наших экспортных операций и ввоза из-за границы необходимого оборудования, сырья и полуфабрикатов для промышленности и сельско-хозяйственных орудий для земледелия. Поэтому развитие экспорта является также необходимым условием индустриализации страны и ускорение темпа развития промышленности.

Партия и государство должны принимать систематические меры к высвобождению нашей экономики от зависимости ее от капиталистических стран, особенно выпукло выразившейся в настоящем году, когда народное хозяйство пошло к концу восстановительного периода, использовав всю технику, доставшуюся от до-революционного времени. В силу этого, наряду с форсированием экспорта с.-х. продуктов и лесных материалов и с развитием и улучшением промышленного экспорта (нефть, горные богатства и т. д.), должны быть приняты особенно энергичные меры к развитию тех отраслей хозяйства, в которых наиболее сильно ощущается наша зависимость от за-границы. Должно быть обращено максимальное внимание на развитие хлопководства, овцеводства, на усиление добычи цветных металлов, выплавку черных металлов, на развитие машиностроения и т. д.

Возможность перебоев во внешней торговле, с одной стороны, и неизбежность неувязок между отдельными отраслями нашего хозяйства, подверженного в условиях рыночных отношений и преобладания стихийных элементов в сельском хозяйстве частным кон'юнктурным колебаниям, с другой—ведут к необходимости образования в руках государства достаточных резервов, как одного из необходимых условий осуществления планового руководства хозяйственной жизнью страны. Такого рода резервы необходимо образовать по госбюджету, внешней торговле, промышленности, снабжению хлебом, по обороне страны и т. п.

В настоящий период нового строительства особое значение приобретает усиление планового начала и внедрение режима плановой дисциплины в деятельность всех государственных органов. В частности всякая сколько-нибудь значительная затрата в области нового строительства, как государственного, так и местного значения, должна быть

согласована с общим хозяйственным планом. Стихийное сепаратное развертывание строительных работ, ведущее к распылению и неэкономному использованию средств, должно решительно пресекаться. В этой области больше чем где-либо роль планирующих органов должна быть увеличена.

Наряду с борьбой за уничтожение планового сепаратизма, расхлябанности в составлении и осуществлении планов, необходимо освободить высшие планирующие органы от мелочной проверки технических расчетов низших планирующих органов, уменьшить детализацию планирования в отношении эксплоатационных планов и увеличить ответственность за них оперативных органов. Вместе с тем должно быть сокращено число инстанций, через которые должны проходить, до окончательного утверждения, оперативные планы, а также проведено твердое разграничение прав окончательного решения вопросов отдельных плановых учреждений.

Только при этих условиях может быть достигнуто более высокое качество составляемых планов, своевременное прохождение и утверждение последних и действительное сосредоточение руководящих плановых органов на основных задачах хозяйственного планирования.

В ускорении накопления, целесообразном использовании накапливаемых средств, гораздо более жестком, чем до настоящего времени, осуществлении планового начала заключаются очередные задачи предстоящего периода в развитии хозяйства.

III

Наряду с основным несоответствием в развитии сельского хозяйства и промышленности в настоящий момент наблюдается несоответствие, с одной стороны, между развитием транспорта и всего хозяйства в целом, с другой—между развитием отдельных отраслей промышленности. Транспорт в настоящее время уже стал являться тем звеном в системе советского хозяйства, без серьезного укрепления которого невозможен дальнейший рост товарооборота в стране. Сильно отстают также от потребностей рынка и от общего темпа развития хозяйства промышленность топливная, металлургическая и строительных материалов. Поэтому в первую очередь необходимо обеспечить наряду с упорядочением грузооборота и более бережным использованием транспортных средств па железных дорогах и водных путях такое развитие транспорта, металлургической промышленности, топливной и электрификационных работ, а также промышленности строительных материалов, которое могло бы устранить имеющиеся затруднения в обслуживании остальных отраслей хозяйства, растущего товарооборота и жилищного строительства.

В целях предотвращения повторения топливных затруднений, на будущее время, уже теперь необходимо, кроме лучшего использования и рационализации действующих топливных предприятий, уделить особое внимание разработке вопроса об эксплоатации новых районов минерального топлива.

Жилищному строительству на ближайший период партия и государство должны придать сугубое значение в виду того, что дальнейший рост промышленности, повышение производительности труда и улучшение быта рабочих упираются в жилищный кризис.

IV

Об'ективные хозяйственные трудности переживаемого периода в настоящем году были обострены неудачами в плановом руководстве хозяйством, выразившимися в преувеличении хлебозаготовительного, экспортно-импортного, валютного и кредитного планов, а в связи с этим и программ промышленного развертывания и капитального строительства.

Эти неудачи в составлении и осуществлении планов еще более обострили товарный голод.

Резкое возрастание спроса со стороны деревни было вызвано общим ростом продукции сельского хозяйства, увеличением его товарности, уменьшением обложения крестьянского населения и значительным ростом цен на хлеб, вызванным в значительной степени ошибочным форсированием хлебозаготовок.

Сильный рост платежеспособности спроса со стороны города и промышленности определяется, во-первых, значительным повышением заработной платы со второй половины 1925 г. (и соответственным увеличением расходов на социальное страхование), при массовом вовлечении новых рабочих и приостановке роста производительности труда; во-вторых, ростом штатов и излишеств как госбюджетных, так и хозрасчетных органов, госторговли и кооперации; в-третьих, приступом к осуществлению программы капитального строительства, дающего увеличение товарной массы лишь через продолжительный срок, и быстрым развертыванием тяжелой индустрии, пред'являющей дополнительный спрос на готовые изделия.

Кроме того, на рост платежеспособности спроса города оказывало известное влияние некоторое усиление частного накопления в области товарооборота, особенно на почве расхождения розничных и оптовых цен.

Форсирование городского спроса, поглощавшего большую часть увеличивающейся продукции промышленности, вносило расстройство в товарооборот между городом и деревней, сокращало приток в деревню фабрично-заводских изделий и тем ослабляло предложение продуктов крестьянского хозяйства.

Все это, вместе взятое, имело своим последствием под'ем общего уровня цен, резкий разрыв оптовых и розничных цен, затруднило выполнение хлебозаготовительного и связанного с ним экспортно-импортного плана, создало затруднение в области денежного обращения. Неизбежное при таких условиях сокращение плана хлебозаготовок повлекло за собой сокращение экспортно-импортного плана и поставило под угрозу возможность достижения активности торгового и в конечном счете расчетного баланса в настоящем году. Это представляет тем более серьезную опасность для устойчивости денежного обращения, что торговый баланс прошлого года оказался пассивным.

Сокращение импортного и кредитного планов привело к необходимости пересмотра и планов развертывания промышленности для приведения их в соответствие с рессурсами государства.

Приведение первоначальных планов развертывания промышленности в соответствие с реальными рессурсами государства оказалось связанным для некоторых отраслей,—особенно тех, работа которых зависит от ввоза заграничного сырья, полуфабрикатов и оборудова-

ния,—с некоторым замедлением темпа развития промышленности в текущем году.

Разрешение затруднений настоящего хозяйственного года не исключает возможности возникновения новых затруднений в дальнейшем, в частности при реализации нового урожая. В настоящее время еще нет необходимых данных для того, чтобы определить размеры нового урожая и составить хотя бы приблизительный план его реализации. Но весьма вероятно, что перед лицом нового урожая газпромышленность вновь может оказаться недостаточно вооруженной вследствие отсутствия необходимых резервов как в сырье, так и в готовых изделиях. В целях обеспечения нормального товарооборота в деревне во время реализации нового урожая пленум Центрального Комитета поручает Политбюро принять дополнительные меры для увеличения массы промышленных товаров, в частности путем возможного увеличения ввоза сырья для текстильной и кожевенной промышленности, а в случае крайней необходимости и ввоза готовых изделий из-за границы.

Наряду с мерами по увеличению массы промышленных товаров необходимо—в целях снижения общего уровня цен—в максимальной степени снизить накладные расходы хлебозаготовительных аппаратов на всех стадиях хлебозаготовок.

В виду невозможности для крупной промышленности на протяжении ближайшего будущего удовлетворить полностью платежеспособный спрос на промышленные изделия и в целях смягчения товарного голода, необходимо всемерно содействовать развитию местной как государственной, так и ремесленно-кустарной промышленности, особенно работающей на местном топливе.

Но и при наличии вышеуказанных затруднений в настоящем году происходит дальнейшее увеличение роли промышленности и рабочего класса во всей системе нашего хозяйства. Промышленность возрастает гораздо сильнее всех других отраслей хозяйства СССР. Общая продукция промышленности по сравнению с пред'идущим годом вновь увеличивается, примерно, на 30—40 проц. Впервые в настоящем году в промышленность вкладываются значительные средства на переоборудование и новое строительство, чем определяется возможность расширения индустрии в последующие годы.

V

Обнаружившиеся в процессе хозяйственного роста затруднения не только не ослабляют, но, наоборот, усугубляют насущнейшую необходимость укрепления союза рабочего класса с крестьянством на основе смычки госпромышленности с сельским хозяйством.

Промышленность сможет преодолеть трудности своего дальнейшего развития, привлечь необходимый для этого капитал только в том случае, если будет обеспечено и дальнейшее развитие сельского хозяйства.

Поэтому должно быть полностью осуществлено проведение в жизнь всех принятых партией (XIV конференция, XIV с'езд) и советской властью решений о содействии под'ему крестьянского хозяйства и улучшению положения крестьянских масс.

Рост производительных сил в деревне совершается в условиях борьбы между различными социальными группами крестьянства. Не-

избежное усиление кулачества в данный период нэпа и борьба кулацких элементов за овладевание деревней ставят перед партией задачу укрепления и расширения хозяйственной и политической смычки пролетариата с основной середняцко-бедняцкой массой крестьянства. Осуществление этой задачи должно итти, во-первых, путем укрепления смычки пролетарита и бедноты с середняком для изоляции кулачества и, во-вторых, путем материальной поддержки и организации бедноты против кулачества. Наряду с возможным увеличением в будущем специального фонда для помощи бедноте, образованного в настоящем году, и освобождением от сельско-хозяйственного налога бедняцкой части крестьянства должна быть разработана система дальнейших мер для помощи бедноте. Перед партией, в частности, стоит задача тщательного изучения опыта применения найма рабочей силы в деревне, развития арендных отношений и выработки мер по урегулированию практики наемного труда и наемных отношений, в целях ограничения эксплоататорских стремлений кулачества и защиты интересов бедноты.

VI

Достигнутая степень товарно-денежных отношений и накопления в деревне, с одной стороны, необходимость регулирования этого накопления в соответствии с интересами пролетарского государства, с другой, выдвигают задачу построения такой системы обложения крестьянского населения, которая, облегчая налоговое бремя для маломощных слоев крестьянства, по своему типу максимально приближалась бы к системе подоходного обложения. В силу этого необходимо внести существенные изменения в строение единого сельско-хозяйственного налога:

а) производить исчисления налога на основе определения доходов не в натуральной (пересчет на пашню), а в денежной форме;

б) включить в число об'ектов обложения ранее неучитываемые (или недостаточно учитываемые) источники доходов крестьянского населения (виноградарство, пчеловодство, садоводство, огородничество, имеющие промысловый характер, а также неземледельческие заработки и т. п.);

в) изменить шкалу обложения в направлении большей прогрессивности, с полным освобождением от налога наиболее маломощных групп и усилением обложения зажиточных и кулацких слоев крестьянства.

В отношении определения размеров обложения крестьянских доходов от неполеводческих источников должна быть усилена роль местных органов, наиболее осведомленных в специальных особенностях своего района.

Общая сумма единого сельско-хозяйственного налога может возрасти только в соответствии с ростом посевных площадей, расширением об'ектов обложения и общим повышением уровня доходов крестьянского хозяйства.

Из общей суммы сельско-хозяйственного налога не менее $^{2}/_{3}$ должно быть оставлено в распоряжении местных органов советской власти (волость, уезд, губерния) для удовлетворения местных нужд, особенно в деревне.

VII

Развитие кооперативного строительства в деревне, в частности сельско-хозяйственного кредита и сельско-хозяйственной кооперации, а также общее улучшение экономического положения широких масс крестьянства дают возможность сделать дальнейший шаг вперед в деле вовлечения бедняцких и середняцких масс в социалистическое строительство.

Социалистическое строительство должно охватить все отрасли хозяйства, в том числе и сельское хозяйство. Поэтому организация социалистического хозяйства СССР может быть обеспечена лишь в том случае, если сельское хозяйство будет развиваться по линии укрепления смычки с социалистической промышленностью, усиления руководящей роли последней во всем народном хозяйстве и роста социалистических элементов деревни, из которых важнейшим является кооперация.

Пленум ЦК констатирует, что решения партии (XIV партконференция и XIV партс'езд) о кооперативном строительстве в деревне не вполне еще восприняты и недостаточно проводятся в жизнь кооперативными и партийными организациями. Пленум обязывает всех членов партии сосредоточить внимание на проведении в жизнь указанных решений партии, имея в виду особенно следующие задачи:

1) вовлечение в кооперативное строительство действительно широких масс крестьянства;

2) полное обеспечение в самой кооперации интересов середняцко-бедняцкой массы крестьянства и борьба с попытками использования кооперации кулацкими элементами;

3) жесткое сокращение накладных расходов в кооперативном обороте;

4) дальнейшее расширение кооперативного оборота за счет уменьшения роли частного капитала и решительная борьба за понижение розничных цен;

5) обеспечение притока вкладов и сбережений в кредитную и кооперативную систему со стороны широких крестьянских масс;

6) всемерное укрепление кредитной дисциплины;

7) укрепление специальных видов кооперации, об'единяющей крестьянство в области производства и в особенности в деле машинизации сельского хозяйства.

Эти задачи могут быть выполнены лишь при общем улучшении деятельности кооперации, повышении ее авторитета в хозяйственной жизни крестьянских масс и реальном обеспечении выборности ее органов и ответственности их перед населением.

VIII

Исходя из указанных выше положений, пленум Центрального Комитета предлагает всем партийным организациям на ближайшее время руководствоваться при решении текущих задач следующими указаниями:

а) в области эмиссионной и кредитной политики необходимостью на протяжении ближайших месяцев достигнуть соответствия между массой обращающихся в стране денег и товарной массой в обороте и допускать расширение эмиссии только постольку, поскольку будут достигаться успехи в повышении покупательной способности рубля;

б) в области товарооборота необходимостью добиться решительного понижения розничных цен. В связи с отрывом розничных цен от оптовых, вопросы организации рынка и борьбы за понижение розничных цен приобретают исключительную важность. Успешность дальнейшего хода хлебозаготовок, а значит и выполнение экспортного плана, реальное увеличение заработной платы, достижения в борьбе с частнокапиталистическим накоплением, всецело зависит от дальнейшего снижения розничных цен как на промышленные товары, так и на сельскохозяйственные продукты. На этой борьбе в ближайшее время должно быть сосредоточено внимание профсоюзов, госпромышленности, госорганов и особенно кооперации;

в) в области политики заработной платы пленум ЦК, отмечая правильность принятых в начале хозяйственного года мер по общему увеличению заработной платы и последних мероприятий Политбюро (февраль 1926 г.) по поднятию зарплаты в угольной промышленности, на транспорте и для нарсвязи, предлагает на оставшуюся часть настоящего хозяйственного года руководствоваться необходимостью обеспечения достигнутого уровня заработной платы. Одновременно с этим необходимо принять решительные меры для повышения производительности труда как путем рационализации производства, в частности более полного использования оборудования, повышения квалификации рабочих, улучшения организации фабрично-заводских предприятий, так и путем уплотнения рабочего дня, усиления трудовой дисциплины, борьбы с прогулами и т. п.

Принимаемые партией мероприятия направлены к тому, чтобы достигнутый уровень заработной платы был реально обеспечен. По осуществлении этих мероприятий в соответствии с общим ростом производительных сил, развитием промышленности и ростом производительности труда необходимо обеспечить дальнейший под'ем заработной платы;

г) в области капитальных затрат в промышленности, госбюджета и образования специального резерва по госбюджету руководствоваться постановлением Политбюро от 25 февраля с. г.;

д) в области экспортно-импортного плана на 1925—1926 год и образования резерва по внешней торговле руководствоваться постановлением Политбюро от 21 января 1926 года.

О сущности и задачах советской биржи.

(Постановление расширенного заседания президиума Совета с'ездов биржевой торговли от 5 февраля с. г.).

1. Расширенное заседание президиума Совета с'ездов констатирует, что в сложившейся обстановке борьбы между плановыми началами в торговле и рыночной стихией товарные биржи, связанные непосредственно со всеми процессами товарооборота, могут и должны быть серьезными и экономическими рычагами для государственных регулирующих органов.

Итоги биржевой практики обнаруживают между тем перегибы у ряда бирж в сторону концентрации внимания на узко-посреднических функциях, при недостаточном использовании своих регулятивных возможностей. Главными причинами последнего признать: отсутствие единообразного подхода к определению биржевых задач, с одной стороны, и недоговоренность относительно места и характера советской биржи в общей системе хозяйства—с другой.

2. Исходя из форм советской торговли, установить, что посредничество может найти более широкое применение преимущественно в торговле местной продукцией, сбываемой в децентрализованном порядке (особенно сельско-хозяйственной) и в области междурайонного экономического обмена.

Президиум Совета с'ездов в целях развития посредничества, как одной из мер упорядочения рыночных процессов, там, где оно имеет под собою экономическую базу, и в интересах борьбы с имеющим место искажением характера биржевого посредничества, постановляет предложить биржам:

а) укрепить руководство со стороны биржевых органов деятельностью их посреднических аппаратов, не допуская, в частности искусственного применения посредничества без экономической в этом надобности (в целях показания роста биржевых оборотов и т. п.);

б) систематизировать и упорядочить межбиржевую торговлю, увязывая последнюю с задачами организации товарооборота.

3. Признать необходимым, в целях упорядочения междубиржевой связи, организовать при Совете с'ездов всесоюзный биржевой информационный орган, имеющий целью взаимную срочную информацию мест по состоянию рынков, уровне цен, а также спросе и предложении.

Поручить Бюро Президиума разработать конкретные меры рационализации междубиржевых связей, которые в частности гарантировали бы максимальную дисциплину и ответственность за выполнение обязательств, возникающих со стороны бирж в процессе междубиржевого оформления сделок.

4. Признавая, что наряду с выполнением посреднических функций советские биржи должны быть органами активно содействующими, на основе общественной самодеятельности, государственному регулированию товарооборота, установить, что работа маклера должна заключаться не только в торговом посредничестве, но и в практическом проведении в товарооборот конкретных мероприятий, направленных к оздоровлению и рационализации торговли.

Исходя из этого, предложить биржам:

а) неукоснительно внедрять в практику директивы Совета с'ездов о консультационных функциях маклеров, преподанных местам о борьбе с ажиотажем от 12 ноября 1925 г.;

б) ликвидировать практикующуюся ныне во многих местах систему куртажной оплаты, ставящую маклера в определенную зависимость от клиентуры, установив для маклеров твердый оклад с дополнительной тантьемой за интенсивность и качество работы;

в) пересмотреть там, где это является необходимым, состав работающих в настоящее время маклеров с точки зрения их квалификации, как торговых специалистов—понимания государственных задач в торговле и умения практически ориентироваться в кон'юнктуре рынка.

5. Исходя из вышепринятых положений:

а) принять в центре срочные меры для урегулирования вопроса о правовом положении маклеров, соответственно их общественному значению, и о возможностях вступления маклеров в состав профсоюзов;

б) практически осуществить имеющийся проект о создании курсов по подготовке и переподготовке биржевых работников определенных специальностей;

в) произвести в текущем квартале из центра общий пересмотр всех видов взимаемых биржами сборов в сторону их возможного понижения и унификации.

6. В целях об'единения и руководства деятельностью маклеров соответственно принятым задачам, организовать на биржах торговоразвитых районов оперативные отделы, возложив руководство деятельностью последних, по возможности на членов президиума биржевых комитетов.

7. В целях обеспечения предварительного, регулятивного воздействия со стороны биржевых институтов также на биржевые немаклерские сделки там, где таковые реально существуют, подтвердить директиву Совета с'ездов от 12-го ноября 1925 г. об обязательности производить предварительный анализ таковых сделок с точки зрения их экономической целесообразности, возложив эту задачу на заведующего отделом.

8. Установить, что основной задачей котировки является не механическое отображение состояния рынка, но установление такой биржевой (справочной) цены, которая, соответствуя экономическим условиям рынка, могла бы служить для торгующих реальной коммерческой ценой, направляющей их действия в русло государственных интересов в области организации товарооборота.

Для достижения последнего и в целях усиления регулятивного значения котировки для торговли, предложить биржам:

а) принимать в основу котировки только здоровые, имеющие действенное значение сделки (в том числе и совершаемые в порядке

планового снабжения), кон'юнктурные особенности рынка и тенденции государственного регулирования, выражаемые в тех или иных ценах, принимая последние за один из факторов котировки;

б) сократить номенклатуру котируемых товаров в соответствии с об'емом и товарным составом своих рынков;

в) производить котировку цен не реже 2-х раз в неделю;

г) для придания процессам отбора снятых и опороченных сделок возможно более широкого общественного значения передавать все опороченные котировальными комиссиями сделки на обсуждение соответствующих товарных секций и, кроме того, те из них, которые заключены биржевым порядком и маклерами, вносить на обсуждение биржевых комитетов в отношении биржевых сотрудников допустивших опороченную сделку.

9. Исходя из вышепринятого о котировке, признать необходимым:

а) уточнить термины, характеризующие настроение рынков, путем введения в них сжатых кон'юнктурных характеристик с тем, чтобы, дополняя биржевые справочные цены, они давали торгующим исчерпывающие ориентировочные указания о дальнейшем развитии рынка и наиболее целесообразной линии их торгового поведения;

б) пересмотреть формы котировальных бюллетеней в сторону установления в них максимальной четкости, достаточной для оперативной ориентировки торгующих;

в) возложить на лиц, возглавляющих котировальную работу, ответственность за правильность котировки и соответствие последней экономическим условиям рынка;

г) для наблюдения за правильностью котировки на местах с точки зрения экономического содержания котировок и для установления органической связи между крупнейшими биржами, в деле регулирования цен оптового рынка установить при Совете с'ездов постоянное изучение котировальной практики и руководство котировальной работой на местах.

10. На основе имеющегося опыта и практики констатировать, что наиболее рациональным способом воздействия на рынок, в отношении приведения цен в нормальное состояние, является оперативное размещение маневренных товарных масс государственно-кооперативных торговых организаций через биржевые органы, как всецело гарантирующие наиболее целесообразное распыление товаров соответственно задачам государственного регулирования.

Обратить внимание регулирующих органов и торгующих организаций, в центре и на местах на необходимость введения указанного порядка особенно в отношении сельско-хозяйственных продуктов.

Поручить бюро президиума срочно выработать конкретные формы проведения указанного в жизнь и согласовать их с заинтересованными организациями.

11. В области секционной работы предложить биржам:

а) ликвидировать механически (без достаточных к тому экономических оснований) возникшие секции, стимулируя развитие секционных об'единений лишь по товарам, являющимся об'ектом развитой торговли в районе биржи и нуждающимся в экономическом регулировании;

б) проводить работу секций в направлении содействия регулирующим органам в деле проведения регулятивных мероприятий

и рационализации последних, а также установления согласованных торговых методов и выступлений, ведущих к нормализации и развитию торга;

в) проводить через товарные секции общественное руководство оперативными частями биржевых аппаратов, признавая, в частности, важнейшей задачей секций выдвижение перед аппаратом конкретных заданий в области местной и международной работы, вытекающих из условий момента.

12. В целях развития секционной работы в указанных направлениях, предпринять в срочном порядке, как в центре, так и на местах, согласование с регулирующими органами вопроса о передаче в биржевые секции всей работы, направленной к координированию мнений и действий торговых организаций, так как только при этом условии работа биржевых секций может служить серьезной базой для регулирующих органов в деле предварительного выявления рыночных процессов и внедрения в товарооборот мероприятий к их упорядочению.

Поручить бюро президиума, руководствуясь изложенным, согласовать в центре вопрос о взаимоотношениях биржевых комитетов с внуторгами на местах.

13. Предложить биржам оживить экономическую работу с тем, чтобы экономотделы бирж являлись не только статистико-исследовательскими аппаратами, но и содействовали бы углублению оперативной работы бирж. В частности, дать директиву биржам об усилении всей работы по своевременной фиксации возникающих на рынке явлений для сообщения о таковых торгующим организациям, биржевым институтам и регулирующим центрам.

14. В связи с организацией совета синдикатов, ставящего задачу координирования интересов торговли и промышленности, считать необходимым установление органической связи через Совет с'ездов биржевой торговли между советом синдикатов и биржевой периферией. Поручить бюро президиума вопрос проработать и согласовать в кратчайший срок.

15. Подтвердить биржам, что задача оздоровления частной торговли и изыскания путей к подчинению последней общественному контролю продолжает оставаться одной из серьезных задач оперативной работы бирж, указав вместе с тем, что меры пассивного наблюдения и мелочной опеки индивидуальных интересов частной торговли не дают положительных результатов.

В виду того, что нынешняя практика работы секций частной торговли себя не оправдала, признать необходимым изыскать более действенные пути не только вовлечения частной торговли в биржевой торг и биржевые институты, но и активного участия бирж в практической организации и упорядочения частной торговли.

16. Учитывая, что задачи, поставленные перед биржами, требуют таких организационных и экономических условий, которые абсолютно недосягаемы для так называемых карликовых бирж, поручить бюро президиума срочно закончить проводимую работу по биржевому районированию с ликвидацией бирж, свое существование неоправдавших, и выработкой мероприятий, необходимых для экономического охвата районов, неимеющих бирж.

Возбудить вместе с тем ходатайство перед Наркомторгом о передаче на предварительное заключение и согласование всех ходатайств, поступающих с мест об открытии новых бирж.

17. Учитывая, что указанные выше задачи не укладываются в инструктирование бирж только с организационной стороны, но требуют постоянного практического руководства и оперативной увязки сложных элементов биржевой практики,—считать необходимым расширить существующий масштаб и характер работы Совета с'ездов по линии приспособления аппарата последнего к роли органа, оперативно-инструктирующего и руководящего биржевой сетью Союза.

Практическое проведение последнего поручить бюро президиума.

18. Признавая общественно-представительскую работу бирж важнейшей их функцией, органически связанной со всей их оперативной деятельностью, поручить бюро президиума наметить пути углубления и дальнейшего развития представительской работы, в соответствии с вышепринятыми оперативными задачами бирж, имея, в частности, в виду необходимость тесной увязки общественной работы бирж со всеми проявлениями общественности в области советского строительства вообще (местные советы и т. п.).

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО ТОРГОВЫМ ДЕЛАМ.

Из практики Арбитражных Комиссий ири Товарных Биржах.

Торговые де.iа по характеру своему, в виду гибкости, подвижности и массовости торгового оборота, чуждого местного и национального колорита, отличны от общегражданских дел, в зависимости от чего и судебная практика по торговым делам имеет своп отличительные черты. В этом отношении особый интерес представляет практика Арбитражных Комиссий при Товарных Биржах, которые, действуя на правах третейских судов, менее связаны соблюдением формальностей, требуемых законом от Губсудов и Нарсудов, и руководствуются не только законом, но и торговой практикой и коммерческими обыкновениями. К сожалению, материалов по практике Арбитражных Комиссий при Товарных Биржах имеется немного. Однако, и по этим весьма ограниченным материалам нельзя не отметить некоторых положений, принятых Арбитражными Комиссиями при постановления ими решений и представляющих для торговых кругов немалый интерес.

I. Неустойка и задаток.

Одним нз наиболее интересующих торговые круги вопросов является вопрос о неустойке и задатке, имеющих широкое применение во всевозможных сделках. По действующему закону ответственность но договору о неустойке не предполагается безусловной, но устанавливается альтермативное 'отношение между главным договором и условием о неустойке и допускается уменьшение неустойки и даже полное освобождение от нее. При неисправности обеих сторон в исполнении двухстороннего договора Арбитражная Комиссия при Ленинградской Товарной Бирже находила, что ни одпа из них не вправе требовать условленной в договоре неустойки. Так, ею было признано: а) по общему началу обязательственного права контрагент, который сам нарушал договор и этими нарушениями причинил к тому же другой стороне убытки, не вправе требовать обусловленной по договору пени; -б) если комитент, поручив комиссионеру продать на заграничном рынке партию лесоматериалов, обязался эти материалы поставить к определенному сроку под условием ответственности неустойкой, ио с тем, что комиссионер кредитует его в счет причитающихся за товар сумм, то в таком случае комиссионер, отказав комитенту в кредите и тем самым лишив его необходимых для заготовки денежных рессурсов. пе вправе требовать с комитента неустойки за неисполнение договора, хотя бы отказ в кредите и оправдывался со стороны комитента неисправностью.

^ **При невозможности исполнения обязательства вследствие непреодолимых препятствий та же Арбитражная Комиссия освобождала от неустойки должника. Так был освобожден от неустойки поставщик в виду пз'ятпя из гражданского оборота предмета поставки. Было признано: а) что контрагент**

крестьянской кооперативной организации, который не мог не знать при заключении договора на поставку льна о материальной маломощности ее, не вправе требовать неустойки по этому договору, оставшемуся невыполненным вследствие непредвиденного чрезмерного повышения рыночных цен на лен и издания постановления СТО о прекращении заготовки льна, и б) что если по договору продавец обязался поставить рожь и овес из точно определенного района, между тем, вследствие непреодолимых препятствий поставить ржи и овса из этого района не представлялось возможности, то в таком случае покупщик не вправе ставить продавцу в вину недоставку зерна по условленной цене из других районов и требовать неустойку за неисполнение договора. Того же взгляда придерживалась и Арбитражная Комиссия при Свердловской Товарной Бирже, которая в одном из своих решений признала, что воспрещение местной властью вывоза сена из района действия низовой кооперативной организации освобождает последнюю от неустойки за неисполнение договора по поставке сена, хотя бы район заготовки сена и не был в договоре установлен, так как район действия низовой кооперативной организации территориально ограничен. Ссылка же продавца в оправдание своей неисправности на неисполнение обязательства третьим лицом не принималась во внимание. Так Арбитражная Комиссия при Ленинградской Товарной Бирже признала, что продавец, обязавшийся поставить товар к определенному сроку и неисполнивший этого обязательства, не может оправдывать свою неисправность ссылкой на вину третьего лица, не выполнившего в свою очередь обязанности по поставке ему, продавцу, того же самого товара.

Неустойка устанавливается на случай просрочки либо неисполнения или ненадлежащего исполнения договора. Принятие исполнения после срока в том и другом случае имеет разные последствия. Так Арбитражной Комиссией при Ленинградской Товарной Бирже было признано: а) предоставление по договору права на пеню за неисполнение покупателем договора к определенному сроку и на неустойку за неисполнение им договора после этого срока не противоречит ст. 141 Гр. Код. и дает продавцу право требовать одновременно и пеню и неустойку, раз по истечении означенного срока договор покупателем выполнен не был; б) продавец, принявший на себя *поставку* товара к определенному сроку, с обязательством платежа неустойки в случае просрочки, не освобождается от неустойки, хотя бы товар и был доставлен им полностью, но с просрочкой, причинившей ущерб покупщику; в) если неустойка назначена не на случай просрочки, а лишь на случай невыполнения поставки полностью или частично, то покупщик, принявший доставленную после срока часть товара и тем самым выразивший согласие на отсрочку в доставке его, не в праве затем, при продолжающейся со стороны продавца дальнейшей поставке, отступившись от договора, требовать неустойку. Арбитражная Комиссия при Московской Товарной Бирже признала: если в маклерской записке неустойка установлена на случай нарушения условий сделки, то тем самым эта неустойка установлена и на случай просрочки в платеже за товар.

В отношении задатка Арбитражная Комиссия при Ленинградской Товарной Бирже строго следовала тому правилу, что денежная сумма, выданная при заключении сделки только в счет следуемой платы, является авансом, а отнюдь не задатком в смысле, указанном в ст. 143 Гр. Код. Тому же правилу следовала и Арбитражная Комиссия при Полтавской Товарной Бирже, признав в своем решении, что обозначение внесенной в счет платежа при совершении сделки денежной суммы термином «задаток» не является достаточным для признания этой суммы задатком в смысле, указанном в ст. 143 Гр. Код. Исходя из того положения, что задаток является таким же обеспе-

чснпем обязательства, как п неустойка и лишь с том отличием от последней. что передается кредитору в натуре ранее исполнения обязательства, Арбитражная Комиссия при Ленинградской Товарной Бирже признала, что судьба задатка, поскольку он служит средством обеспечения исполнения договора, обсуждается на тех же основаниях, как и требование о платеже неустойки, а потому при чрезмерности задатка сравнительно с убытками, понесенными вследствие неисполнения договора по вине стороны внесшей задаток, Суд вправе признать подлежащей удержанию в виде неустойки в пользу стороны, потерпевшей от неисполнения договора, лишь часть задатка.

II. Срок и просрочка исполнения.

Торговые сделки в большинстве случаев срочные. Разрешение вопроса о сроке в том или нпом смысле в торговле имеет большое значение. Правильное же разрешение вопроса о сроке и о последствиях просрочки, зависит в каждом отдельном случае от цели, с которою срок был установлен, от характера срока, от точности определения его и от других условий договора. Так Арбитражной Комиссией при Ленинградской Товарной Бирже было признано: а) если несмотря на условия маклерской записки о платеже всей покупной суммы одновременно с подписанием сделки, покупная сумма, однако, при подписании маклерской записки не была внесена, а продавец не только не требовал взноса покупной суммы, но даже распорядился о сдаче товара, то в этих действиях продавца выражается согласие его на отсрочку покупщику расчета по сделке; при такого рода отсрочке и неустановлении нового срока взамен первоначального, продавцу, согласно 111 ст. Гр. Код., принадлежит право потребовать расчета немедленно, а покупщику па исполнение этого требования должен был предоставлен 7-мидневный льготный срок; б) когда покупщик, обязавшийся по договору произвести платеж за проданный ему товар при вручении дубликата накладной, в отступление от этого условия, произвел означенный платеж авансом, т. с. до получепня дубликата, то, при неуказанин в договоре срока передачи дубликата, он в праве требовать дубликат от продавца в любое время, предоставив лишь последнему для исполнения этого, согласно 111 ст. Гр. Код., семидневный срок; задержка продавцом, при таких обстоятельствах, передачи покупщику дубликата на пять дней после заключения сделки, когда при том эта задержка произошла без вины со стороны продавца, не может быть признаваема просрочкой в смысле 121 ст. Гр. Код., возлагающей на должника ответственность за причиненные просрочкой убытки: в)несдача продавцом товара в условленный срок по сделке на срок дает покупщику право, по обще-принятой в торговле практике, отступиться от сделки, хотя бы просрочка в сдаче товара произошла по независящим от продавца обстоятельствам; г) комитент, просрочивший выплату следуемых с него денежных сумм, затраченных за его счет комиссионером, и притом когда последним он был предварен о начислении на его долг процентов в размере, превышающем узаконенный процент, и возражений с его стороны не последовало,—обязан выплачивать проценты в размере, назначенном комиссионером и не вправе ограничивать свою ответственность за просрочку в уплате означенных сумм лишь узаконенными процентами; д) при допущенной комиссионером просрочке в сдаче заготовленных нм за счет комитента мешков и холста, комитент вправе требовать возмещения причиненных неисправностью комиссионера убытков, но такая просрочка не освобождает его от обязанности расчнтаться с комиссионером на общепринятых основаниях по комиссионным сделкам и согласно условиям договора; е) продавец, сдавший часть проданного товара и не получивший за него в условленный срок платежа, вправе отказаться от дальнейшего пополнения договора. Арбитражной,

Комиссией при Полтавской Товарной Бирже было признано, что определение срока отгрузки продавцом товара выражением «немедленно» по получении задатка нельзя толковать в узком буквальном смысле этого слова, а надлежит понимать в том смысле, что срок исполнения сделки исчисляется с'момента,^ наступления тех условий, при коих выполнение договора является для обязавшейся стороны технически и фактически возможным. Арбитражная Комиссия при Московской Товарной Бирже в одном из своих решений признала: при продаже товара франко ст. отправления с условием уплаты покупщиком 25% стоимости товара наличными и открытия на остальные 75% аккредитива и отгрузки товара продавцем не позже как через 11 дней после совершения сделки, последовавшее в открытии аккредитива опоздание не может быть поставлено покупщику в вину, раз последний уплатил продавцу 25% стоимости товара, а на остальные 75% распорядился черее Московский Городской Банк об открытии аккредитива через три дня после совершения сделки; обязанность продавца отгрузить товар отпала бы лпшi, в том случае, если бы покупщик совершеиио не открыл ему аккредитива; если же просрочка в открытии такового затянулась бы до крайнего срока, отгрузки, то у продавца возникло бы право на соответствующее продление срока отгрузки товара; наконец, если бi.i просрочка была, более длительной и последовали бы повышение рыночных цен на товар, то продавец был бы в праве требовать возмещения убытков в виде разницы в ценах.

Ш. Цена и снижение ее.

В законе говорится только об условленной цене. Спрашивается, как быть в том случае, когда цена не была обусловлена. Арбитражная Комиссия при Ленинградской Товарной Бирже но этому вопросу признала, что расчет за, товар, переданный одной стороной в распоряжение другой, при отсутствии окончательного обязывающего обе стороны соглашения о цене товара,'должен производиться по рыночной цене дия передачи товара.

. На практике возбуждался вопрос, подлежат ли судебной проверке акты ПКВТ, устанавливающие цены на импортные н экспортные товары, а также вопрос о праве покупщика на сбавку с цены купленного им товара, в виду последовавшего затем снижения цены на этот товар. По этому поводу Арбитражной Комиссией при Ленинградской Товарной Бирже было признано: а) при установлении цен на ввозимые и вывозимые товары, составляющие предмет торговых сделок между частными лицами и государственными предприятиями и кооперативными организациями II. К. В. Т. руководствуется не произвольным усмотрением н не частными интересами того или другого нз участвующих в договоре лиц. а условиями кон'юнктуры внешнего и внутреннего рынка и требованиями государственного хозяйства; а потому, поскольку IiКВТ действует в пределах этой компетенции, правильность ' его актов и удостоверений не подлежит судебной проверке, а может быть лишь предметом жалобы в порядке административной подчиненности; б) покупщик, принявший от продавца партию галош, не вправе требовать от него сбавки с цены в связи с последовавшим после принятия товара снижением прейскурантных цен Гезноiреста, при том условии, если сам продавец от Резинотреста сбавки на ту же партию галош не получил; в) покупщик, приобревшпи товар со скидкой с действовавшего во время покупки товара прейскуранта, не виправе претендовать на такую же скидку с нового прейскуранта, по которому цеиа товара была понижена; допущенная продавцом при сдаче товара просрочка, лишившая покупщика возможности реализовать товар при действии старого прейскуранта, дает право покупщику отступиться от договора, приняв же товар,

покупщик уже не вправе домогаться скидки с нового прейскуранта в том же размере, какая ему была дана со старого прейскуранта, раз товар приобретен по ценам ниже новых прейскурантных.

IV. Недостатки товара

Вопрос о недостатках товара один из наиболее часто вызывающих в торговле недоразумения. Правила закона далеко не охватывают все случаи, встречающиеся в этом отношении на практике. Торговая практика, следуя общим началам Советского законодательства, восполняет и развивает действующие правила. При разрешении споров о недостатках товаров, Арбитражными Комиссиями было признано: а) негодность сена, вызванная процессом горения, вследствие спрессовки его в состоянии влажности, относится к таким недостаткам прессованного сена, которые при наружном осмотре не могут быть обнаружены; б) заявление о недостатках овса, удостоверенных актами железной дороги — горелость и запах затхлости,—должно быть сделано покупателем тотчас по обнаружении этих недостатков, но никак не спустя более 2-х недель, после принятия овса полностью; в) согласно обыкновению Ленинградской Товарной Биржи наличие сертификата о зараженности овса клещем на 1 балл существенного влияния на цену товара не имеет; г) при покупке ядрицы «осмотренного качества» покупщик не вправе требовать скидки с цены, ссылаясь на зараженность ядрицы клещем на 2 балла; д) существование двух баллов клеща в ядрице не делает ее непригодной в пищу и не влияет на ее вкусовые качества, самый же клещ, при двух баллах его, потребителем почти не замечается (по реш. АК при Ленинградской Т. Б.); е) заявление о несоответствии пшеничной муки сеянки, обусловленным сделкой кондициям, не является запоздалым, раз тотчас после получения первой партии муки оно было сделано в устной форме продавцу и маклеру, при посредстве коего была совершена сделка, а через три дня после получения муки было подтверждено в письменной форме (решение А. К. при Свердловской Товарной Бирже); ж) по сделке, предусматривающей сдачу-приемку муки на ст. отправления, осмотр муки, из'ятие пробы для сверки с образцом, хранящимся на Товарной Бирже, и самое сообщение продавцу о замеченных недостатках, должны быть приурочены к этому моменту; не выполнив же всего этого, покупатель в дальнейшем вправе ссылаться лишь на такие обнаруженные им впоследствии недостатки, которые не могли быть усмотрены при нормально тщательном осмотре товара при приемке его (реш. А. К. при Ростовской н/Дону Т. Б.), и з) принятие товара без оговорки лишает покупателя права ссылаться на недостатки, которые он не мог не усмотреть при обычной минимальной внимательности к своим правам и чужим обязанностям, а распоряжение товаром до извещения продавца противоречит цели и значению ст. 196 Гражд. Кодекса, имеющей в виду предоставить продавцу констатировать действительное несоответствие качества и тем оградить свои права (реш. А. К. при Одесской Тов. Бирже).

На практике нередко покупщик, осмотрев полученный товар в отсутствии продавца и составив акт о недостатках товара, впоследствии, ссылаясь на эти недостатки, требует сбавки с цены товара. По этому поводу Арбитражная Комиссия при Ленинградской Товарной Бирже признала: а) акт осмотра, удостоверяющий несоответствие товара образцу, не может иметь доказательной силы против продавца, раз акт этот был составлен в отсутствии его представителя, а покупатель, несмотря на предложение продавца о производстве новой экспертизы, в присутствии обеих сторон, от таковой экспертизы, уклонился; б) не заявив продавцу немедленно после получения проданных мешков о их недостатках и некондиционности, покупщик, продав

их в свою очередь, не вправе требовать сбавки с цены мешков, хотя бы недостатки их и некондиционность подтверждались произведенной покупщиком экспертизой, но в отсутствии продавца и притом более месяца спустя после получения товара; в) наличие в договоре условия о том, что качественная приемка зерна производится на фабриках покупщика, отнюдь не освобождает последнего от составления актов качественной приемки зерна общепринятым на практике порядком—через стороннего эксперта в присутствии представителя продавца и по возможности в порядке обеспечения доказательств. Наоборот, раз осмотр и экспертиза были произведены в присутствии продавца и последний не возражал против тождества осматриваемой муки и муки полученной покупщиком, то в дальнейшем по этому поводу возражения его, как это признано Арбитражной Комиссией при Свердловской Товарной Бирже, не могут быть приняты Судом во внимание.

V. Продажа за наличный расчет и в кредит под векселя.

Закон, говоря о форме сделок, хотя и различает сделки за наличный расчет и сделки в кредит, однако не поясняет, какие именно сделки относятся к тем или другим. На практике часто, раз купля-продажа сопровождается немедленной передачей покупщику проданного товара, то хотя платеж за товар и производится в течение ближайших дней, сделка все-таки считается за наличный расчет. Так, по принятой в Ленинграде в мясной торговле практике, продажа товара с отсрочкой платежа не далее 7-ми дней признается сделкой за наличный расчет, что и отмечено в одном из решений Арбитражной Комиссии при Ленинградской Товарной Бирже.

При продаже товара в кредит под векселя, самым существенным моментом является кредитоспособность покупщика. Нередко бывает, что кредитоспособность покупщика ко дню осуществления такой сделки, т. е. передачи товара покупщику и получения от него векселей на известный срок изменяется в неблагоприятном для него смысле. Спрашивается, вправе ли в таком случае продавец требовать расчета наличными вместо векселей или отступиться от сделки? Арбитражная Комиссия при Ленинградской Товарной Бирже по этому вопросу признала, что при установлении сторонами в маклерской записке условия расчета за товар векселями на известный срок со дня сдачи товара, продавец только тогда вправе отступиться от этого условия и требовать расчета за товар наличными вместо векселей, применительно к ст. 219 Гражд. Кодекса, когда бы имущественное положение покупателя впоследствии значительно ухудшилось или если бы он был признан несостоятельным или приостановил платежи. Арбитражная Комиссия при Киевской Товарной Бирже в этом отношении менее решительна. По ее мнению ст. 219 Гражд. Кодекса, в виду исключительного характера этого закона, предусматривающего специальный случай расторжения кредитором предварительного договора о будущем займе, вследствие ухудшения имущественного положения его контрагента, не дает права продавцу не выполнять соглашения его с покупщиком об отпуске последнему товара в кредит под векселя: соглашение это не является предварительным договором о будущем займе, торговые же векселя такого рода имеют в своем основании другую реальную коммерческую сделку купли-продажи и притом окончательно заключенную. Не дает этого права продавцу и 32 ст. Гражд. Кодекса, трактующая о недействительности сделок, совершенных вследствие «существенного заблуждения», т. к. продавец в момент совершения сделки не находился в заблуждении относительно платежеспособности покупателя, а опасение в этом отношении явилось лишь впоследствии в период выполнения сделки. Однако, с коммерческой точки зрения Арбитражной Комиссией было признано, что самый факт опротесто-

вания векселей контрагента по другим сделкам дает другой стороне основание, в интересах хозяйственной целесообразности, приостановить отпуск проданного в кредит товара, но лишь с соблюдением известных условий, гарантирующих торговые интересы другой стороны. Поэтому, о таком приостановлении отпуска товара продавец обязан немедленно в письменной форме поставить в известность покупателя, чтобы дать ему возможность представить гарантии точного и своевременного выполнения своих обязательств по данной сделке, а затем, при безуспешности этой меры, немедленно, по возможности в пределах срока выполнения пред'явить соответствующий иск о расторжении договора.

VI. Договор торговой комиссии.

В торговом обороте одним из наиболее часто заключаемых договоров после купли-продажи является договор торговой комиссии. Между тем закон не регламентирует такого договора. Исходя из того соображения, что перечисление в законе видов договоров не носит исчерпывающего характера и что договор торговой комиссии не противоречит общим началам Советского законодательства, Арбитражная Комиссия при Ленинградской Товарной Бирже в этом отношении широко шла навстречу потребностям торгового оборота. Так Арбитражной Комиссией было признано: а) комиссионер обязался производить заготовку льна и кудели по предельным ценам, устанавливаемым периодически комитентом на том условии, что за всякое превышение лимита, не утвержденного комитентом, переплата относится за его, комиссионера, счет; при таких условиях, как по существу отношений между комитентом и комиссионером, так и самому назначению лимита (предельной цены), расчет между сторонами должен производиться не по лимитным ценам, назначавшимся комитентом, а по ценам, фактически выплачивавшимся при заготовках и не превышающим лимита; б) отношения сторон, заключивших под видом договора о поставке скрытую сделку на заготовку льна и кудели одной из них для другой на началах комиссионного поручения, обсуждаются не по содержанию договора поставки, а по действительному намерению сторон; в) если по договору комиссионер обязался рассчитаться с комитентом за полученный им от последнего на комиссию товар наличными, между тем, комитентом были приняты от комиссионера векселя, выданные третьими лицами на имя комитента в уплату за проданный им комиссионером товар, и векселя эти были пред'явлены комитентом к протесту, то в таком случае комитент взамен означенных векселей не вправе требовать от комиссионера платежа наличными; г) расходы по командировке комитентом своего агента для контролирования комиссионера по продаже последним полученного им на комиссию товара, не могут быть относимы за счет комиссионера, раз это договором комиссии предусмотрено не было; д) если продавцем ценных бумаг был член Фондовой Биржи, действовавший как комиссионер, т. е. за чужой счет, но от своего имени и передавший затем своему комитенту полученные от маклера за бумаги деньги, то и при заведомости этих обстоятельств для маклера продавец не вправе отводить иск покупателя о возвращении покупной цены, в виду отобрания у него ценных бумаг, оказавшихся похищенными, отсылая его к своему комитенту, за счет которого он действовал, но имя коего не было означено в маклерской записке. Того же взгляда на договор торговой комиссии придерживалась и Арбитражная Комиссия при Одесской Товарной Бирже. Так в одном из своих решений ею было признано: согласно раз'яснению Наркомвнуторга СССР (Т. И. 1925 г. № 5 от 11 апреля) по договору комиссионера с третьим лицом приобретает права и становится обязанным комиссионер, а не препоручитель, хотя бы препоручитель и был назван в договоре или вступил в непосред-

ственное отношение с третьим лицом по исполнению договора, заключенного с ним комиссионером; это положение не только признано торговой практикой, но и выражено в аналогичных выражениях западно-европейскими законодательствами и теорией; поэтому препоручитель не считается стороной в сделке, заключенной комиссионером с третьим лицом, и может получить права и обязанности стороны, лишь по переуступке со стороны уполномоченного или по соглашению всех трех заинтересованных лиц.

VII. Убытки и сбавка с цены товара.

Вопрос о том, возмещение каких убытков один контрагент вправе требовать от другого, должен быть разрешаем в каждом отдельном случае, согласно обстоятельствам данного дела, имея в виду лишь то, что под убытками разумеется, как положительный ущерб в имуществе, так и упущенная выгода, возможная при обычных условиях оборота.

Так Арбитражными Комиссиями было признано: а) в случае отказа покупателя от принятия товара и уплаты за него условленной цены, продавец вправе требовать возмещения упущенной им, вследствие нарушения покупателем договора, выгоды, определяемой разницей между договорной ценой и рыночной ценой дня реализации товара; б) при отказе покупщика от принятия проданного ему по маклерской записке товара, понесенные вследствие этого продавцом убытки не могут определяться одной лишь разницей между договорной ценой товара и биржевой ценой дня исполнения сделки, независимо от того, имелся ли у продавца самый товар в это время и действительно ли понесен им ущерб от реализации или нереализации товара; в) по общепринятому в торговом обороте обычаю, при срочных товарных сделках, на неисправного контрагента относятся лишь убытки от разницы между ценою, условленной по сделке, и рыночной ценой товара; г) если по договору о продаже товара частным лицом госпредприятию с уплатой вместо наличных векселями было условлено возмещение продавцу расхода по учету векселей по ставкам Госбанка, то такого рода условие указывает на желание сторон сохранить за продавцом те же выгоды, как и при продаже за наличные деньги и, в таком случае покупщик, не сделавший оговорки об обязанности своей возместить расходы по учету векселей лишь по ставкам, взимаемым Госбанком с госпредприятий, обязан оплатить покупщику этот расход по ставкам Госбанка, взимаемым с частных лиц; д) покупщик, получивший товар несоответствующего качества и не предоставивший продавцу заменить этот товар другим условленного качества, не в праве, по отчуждении принятого товара, требовать от продавца скидки с цены товара; е) требование покупщика о сбавке с цены по несоответствию сданного ему товара условленным качествам, не может иметь места, когда продавец выражает готовность заменить сданный покупщику товар другим, соответствующим условленным качествам; ж) принятие покупщиком без оговорки проданного ему товара, сорт которого не мог не быть замечен при приемке товара,—лишает его права требовать от продавца скидки с цены по несоответствию товара условленному по сделке сорту; з) для признания требования о сбавке с цены проданного товара доказанным, когда товар уже покупщиком реализован, недостаточно одного факта несоответствия товара условленным по договору качествам, а требуется еще установление прямой причинной связи между убыточной реализацией товара и его недостатками; и) покупщик, принявший товар, предварительно испробовав его, не вправе требовать сбавки с цены товара, ссылаясь на его низкое качество; к) если контрагент принял на себя обязанность по товарообменной сделке поставить машинное масло из Ленинграда

в Ревель в обмен на подлежавший сдаче там сахарный песок и притом между сторонами было условлено, что количество масла определяется дубликатами ж. д. накладных ст. отправления (т. е. Ленинград) и что продавец масла при наличии целости жел. дор. пломб отвечает за недостачу лишь в пределах РСФСР, то при отсутствии жел. дор. актов, удостоверяющих недостачу масла в пределах РСФСР, покупщик масла не в праве пред'являть к продавцу претензии за оказавшуюся в Ревеле недостачу масла; покупатель машинного масла, не воспользовавшийся правом отступиться от сделки, вследствие невозможности своевременно сдать сахар в обмен на масло, с уплатой обусловленной неустойки, а впоследствии сдавший со значительной просрочкой сахар в обмен на масло, несет все связанные с его просрочкой расходы, в том числе и расходы по хранению масла впредь до выкупа его из таможни, когда притом ему был известен факт хранения масла в таможне в ожидании прибытия сахара; л) если продавец обязался поставить дрова франко склад покупщика, партиями, к определенным срокам, то, хотя бы покупщиком и было допущено промедление в принятии дров от продавца, на него не может быть возложена ответственность за простой судов с дровами, раз продавец сдавал дрова ранее указанных в маклерской записке сроков и притом не предварял покупщика о задержке судов; при условии продажи дров франко склад покупщика без указания места причала судов и при дополнительном соглашении сторон о доставке дров в другой район города, вместо первоначально обусловленного маклерской запиской, без оговорки о связанных с этой переменой дополнительных расходах, продавец не в праве в добавление к условленной цене за дрова требовать возмещения расходов по буксировке судов с места их первоначального причала к месту доставки дров (по решениям Арб. Ком. при Ленинградской Товарной Бирже); м) закупка олифы вследствие невыполнения продавцом договора у другого контрагента по более высокой цене через 4 месяца по истечении срока исполнения договора, не дает покупщику права на возмещение убытков в размере разницы в означенной цене и договорной, каковые убытки не имели бы места, если бы олифа была куплена немедленно по истечении срока исполнения договора, а не через 4 месяца, когда цена на олифу резко повысилась, тем более, что покупщик, приняв часть проданной олифы, доставленной продавцом с просрочкой в несколько дней, произвел с ним полный расчет, засчитав в счет платы за эту олифу всю сумму выданного аванса (реш. А. К. при Свердловской Т. Б.); н) при недоставке проса по сделке с условием немедленной сдачи покупатель вправе был не позднее пятого дня с момента заключения сделки считать последнюю нарушенной продавцом и закупить за счет последнего просо, выкормить им гусей надлежащим образом и тем избавить себя от убытков от потери в их весе и от ухудшения качества их мяса, не сделав же этого и не доказав причинной связи между неисполнением продавцом сделки и означенными убытками покупателя, последний не имеет права на них и может лишь требовать возмещения разницы в договорной и биржевой цене на просо (реш. А. К. при Воронежской Т. Б.); о) продавец, получив следуемую ему за проданный товар денежную сумму, лишь после пред'явления об этом иска, в праве требовать возмещения расходов по пред'явлению иска и убытки от непользования означенной суммой за время просрочки. (Реш. А. К. Московской Товарной Биржи).

ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Обзор законодательных и правительственных распоряжений о торговле

(январь — март 1926 г.).

Наоо?нымТпмИОННЫе ЗаДапИ' стоящие пеРеД недавно организованным Народным Комиссариатом Внешней и Внутренней Торговли — Навкпм торгом-получили свое программное выражение в приказе по Наоком торгу от 6 февраля 1926 г. № 36. В ряде положений он устйавливает

ненный IНаркомторг' " I° рНе " " - — Ï Ï Ï Ï Â

Г ол~зуяее для создания *ô m и о ^Z Z. ГССР пш п т р ™зяиетва с,пРаны* и *охрани естественных богатств (СС1 от расхищения.* Этим по существу лишь подтверждается то что раньше составляло основную задачу Наркомвнешторга Дальней шие же программные положения приказа относятся не столько к one' с. Z i r Z r : Н0,С за-границей, сколько к оР4 и Т ц Г ^озяй-' сі венных сил страны, хозяйственного тыла, на предмет НЯИЙППРР благоприятного проведения внешнего товарооборота

чение Гзт7ановЯ1Сйп раСТНОСТИ следУюп« е предположения: привлечение хозорі анов к более непосредственному участию в опепятитти

ФооТГ, ™ваРообоР°ТУ с соответствующим^из™ем решительные ме З ГкВЛИ; осУЩествление Целиком плана экспорта и решительные меры к созданию активного баланса пvтем повышения

S r потпрбі ВЫШ03а; Установление соответствия ввоза с *действительными* потребностями народного хозяйства, решительная бопьбп с непроизводительной тратой народного достояния Г-границей

Значительно более сложными являются задачи стоящие неоед Наркомторгом в области внутреннего товарооборота Здесь уже нТ ^яется° осVпргтновление «бщего на™а, что задачей Наркомторга явбытьгооаз™ *II* 0ХРаНа занять,х позиций. Роль его должна юраздо более активной, задачи более сложными а намечаемый

ХГ о ЯпоЯка3зvЧГ ?6ЬН° Разно°бР— Основными в случае *IZe modиKmи.* ' являются вопросы ***цеп па с.-х. и промышлеп-ст 1ч£ж оГ2\,?? яш&межя деревни продукцией Сове,нети еоциали-*** *■mi termи промышленности* и *ооеспечения ее с.-х. сырьем,* вопрос *о замене ◄аситого посредника между городом и деревней различными формами ко-*

оперативных об'единений. К этому присоединяются вопросы о создании *наиболее благоприятных условий для реализации крестьянской продукции*, как внутри СССР, так и за границей, *устранение колебания цен*, в особенности же *приведение розничных цен на промтовары в соответствие с оптовыми ценами промышленности*, обеспечение *правильного распределения товарных масс промышленности*, наконец, *всестороннее и систематическое содействие повышению роли социалистической промышленности в общей экономике страны* и *развитию промышленного строительства.*

Такова в основных и самых главных чертах программа работы, намеченная для Наркомторга. Своими мероприятиями она стремится охватить не только торговый оборот в узком смысле этого слова, но и отрасли хозяйства тесно с ним соприкасающиеся, таковы в особенности сельское хозяйство и государственная промышленность. Торговый аппарат, организуемый и руководимый Наркомторгом, должен послужить орудием „смычки", об'единения двух основных элементов народного хозяйства страны—промышленности и сельского хозяйства. Это об'единение мыслится приказом Наркомторга как *перерождение* страны *из аграрно - промышленной в страну промышленно - аграрную*, что должно явиться залогом дальнейшего успешного развития страны.

Все перечисленные выше задачи и мероприятия осуществляются Наркомторгом при помощи предоставленных ему законом полномочий по организации внутреннего и внешнего товарооборота. Использование этих полномочий должно происходить, как это указывается в приказе № 36, по линии *усиления организующих начал*, в особенности в области внутренней торговли.

Приказ № 36 дает нам основную программу мероприятий, намеченных Наркомторгом, как органом, через который Советское государство осуществляет непосредственно свою экономическую политику в области торговых отношений. Одновременно указываются те методы работы, которые при этом будут применяться.

Отчетный период для настоящего обзора (январь—март 1926 г.) не содержит в себе законодательных актов или правительственных распоряжений большого принципиального значения. Аппарат Наркомторга сложился окончательно еще за предшествовавший данному период времени, задачи его определились, а предоставленные уже ему государством правомочия в достаточной степени гарантировали возможность его работы. В настоящее время Наркомторг находится в периоде своей „оперативной работы", направленной на осуществление своей программы, своего „производственного плана".

В данный момент торговые отношения и оборот, как по внешней, так, главным образом, по внутренней торговле, представляют интерес и заслуживают особенно пристального внимания именно со стороны *того активного воздействия, которое должна оказывать на него организующая государственная власть* в процессе своей программной работы. Рассматривая отдельные постановления как законодательной, так и административной власти за истекшие три месяца, можно расположить их по нескольким группам в зависимости от тех сторон торговых отношений, которые в данный момент регулировались государством в лице того или иного из его органов. В дальнейшем различные постановления приведены в некоторый порядок, как по их содержанию, так и по более общему или частному значению.

Хлебное дело.

В условиях современной экономики вопросы хлебной торговли и всей связанной с этим организации хлебного дела получают особенно важное значение. С этим связан наш экспорт и активный баланс внешней торговли, а во внутренней торговле—правильный товарооборот между городом и деревней и обеспечение условий нормального развития нашей промышленности.

В виду сложности тех отношений, которые связаны с вопросом о хлебе, отличаются разнообразием изданные по этому предмету постановления государственной власти.

На первом плане в этом случае стоят за отчетный период распоряжения, направленные *на обеспечение доброкачественности зерна*. Уже раньше в этом отношении были приняты меры, выразившиеся в создании особой *хлебной инспекции* (Положение от 8 января 1925 г.), задача которой заключается в осуществлении *технического надзора, как внутреннего, так и экспортного торгового зерна*. Затем, постановлением СНК СССР от 17 октября 1925 г. было утверждено особое *Положение о хлебных Арбитражных Комиссиях*, которыми должны разрешаться *споры между органами хлебной инспекции и владельцами зерна* относительно качества зерна (классификации) или проведение мер по борьбе с вредителями зерна и с зараженностью зернохранилищ.

За январь—март 1926 г. появилось два новых постановления, относящихся к тому же предмету. Первое из них есть утвержденная Наркомторгом 4 декабря 1925 г, но *опубликованная* 12 января 1926 г. в № 4 Торговых известий за 1926 г. *Инструкция по применению Арбитража*, изданная на основании § 14 Пол. о Хлебных Арбитр. комиссиях. Эта Инструкция регулирует главным образом *процессуальную* сторону в деятельности ХАК: порядок назначения председателя и членов ее, предметы разбирательства, порядок представления доказательств и т. д. Вместе с тем Инструкция подтверждает, что ХАК в своих решениях ограничивается установлением правильности или неправильности действий ГЕХИ (Госуд. Единой Хлебной Инспекции), вопрос же о материальной ответственности ГЕХИ за убытки, причиненные ее неправильными действиями, разрешается судебными органами. Дополнение к означенной Инструкции составляет постановление СНК СССР от 16 декабря 1925 г. (Собрание Законов—1926 г. № 147), которым определяется, что споры *владельцев зерна с инспекционным аппаратом* внутренних элеваторов Госбанка подлежат разрешению ХАК.

Вторым — является постановление СТО от 2 февраля 1926 г. (Известия ЦИК от 10 февраля 1926 г. № 38) *о борьбе с вредителями зерна, продуктов его переработки и с зараженностью этими вредителями складочных помещений*. Это постановление возлагает обязанность принимать предохранительные меры на учреждения, организации и частных лиц—*владельцев соответствующих складов и элеваторов*. Относящиеся же сюда правила и постановления издаются Наркомземом—*до момента поступления продукта в товарный оборот*, и Наркомторгом—*после этого момента*. Соответственно этому органом надзора являются или представители Наркомзема или Хлебная Инспекция, которым предоставлено право доступа в соответствующие хранилища, право получения соответствующих сведений и т. д. Кроме того, постановление

СТО предусматривает открытие в пунктах большого скопления хлебных грузов *карантинных и лечебных складов*, а также *мельниц для переработки зараженного зерна*.

В области *организации хлебной торговли* большое практическое значение должен иметь циркуляр Наркомторга от 8 января 1926 г. № 352/504 о хлебозаготовках. Участие в последних ряда организаций, *не имеющих по роду своей деятельности никакого отношения к хлебной торговле* (филиалы кредитных учреждений, коммерческие агентства жел. дорог и т. п.) создают неблагоприятные условия на хлебном рынке. Учитывая напряженную обстановку текущей хлебной кампании Наркомторг признал необходимым: *а)* воспретить *занятие хлебной торговлей* организациям (как за собственный счет, так и по поручениям комитентов), для которых таковая не является основной функцией, *б)* для организаций, являющихся *непосредственными потребителями*, разрешить закупку хлеба лишь *в пределах их потребности*. Означенное мероприятие подлежит *немедленному* проведению в жизнь.

В дополнительном циркуляре от 15 января 1926 г. № 360/504 Наркомторг, подтверждая вышеизложенное распоряжение, как обоснованное постановлением СТО от 6 января 1926 г., раз'ясняет, что запрет торговли не распространяется на Хлебный Отдел Госбанка. С другой же стороны, хлеботорговые операции воспрещены также для местных низовых исполкомов, крестьянских комитетов взаимопомощи и т. п. (Бюллетень финанс. и хозяйств. законодательства за 1926 г. № 12).

Кроме приведенных двух постановлений за отчетный период был издан ряд более специальных распоряжений по тому же предмету.

Сюда относятся следующие: 1) утвержденный Наркомторгом 14 января 1926 г. *Перечень важнейших случаев изменения качества зерна, отмеченных научными наблюдениями и торговой практикой* (Торговые Известия от 19 января 1926 г. № 7). В этом *Перечне* дается ряд *чисто технических* указаний о влиянии на качество зерна различных обстоятельств, имеющих место при водной и железнодорожной перевозке. Таковы влажность или сухость зерна, метеорологические условия, температура выше или ниже +5° по Цельзию и т. д. Кроме того указывается на различные виды ухудшения, которые могут иметь место при таких обстоятельствах: затхлость, загнивание, прорастание зерна и т. п.

К этой же категории постановлений относится циркулярное раз'яснение Наркомзема РСФСР от 24 декабря 1925 г. № 599/132 (опубликованное в С.-Х. Жизни № 1 за 1926 г.) о том, что действующие правила *оптовой торговли* семенами из государственных торговых предприятий устанавливают *предельные нормы* всхожести и чистоты с.-х. семян. Ниже такового вообще *не допускается продажа посевного материала*. В виду неподготовленности торговых организаций установлены в настоящее время заведомо *пониженные нормы*. Установление таких *общих* норм не исключает возможности и даже *обязанности* разработки на местах *специальных* норм в отношении отдельных категорий семенного материала.

2) Инструкция НКПС и НКТорга *о порядке и сроках согласования и представления планов перевозок хлебофуражных грузов по железным дорогам и о порядке действия грузоотправителей при затруднениях в отправке грузов по железным дорогам и внутренним путям*. (Торговые Известия от 6 февраля 1926 г. № 14).

Приведенная Инструкция издана в отмену Циркуляра НКПС и НКВнуторга от 12 сентября 1925 г. (Вестн. Пут. Сообщ. № 816) о порядке представления и согласования планов перевозки хлебофуражных грузов по железным дорогам. Инструкция содержит подробные правила о составлении планов перевозок, о порядке прохождения их по линии как НКТорга, так и НКПС, о порядке обжалования действий ж. д. органов и т. д.

3) В инструкции от 30 декабря 1925 г. (Торговые Известия от 14 января 1926 г. № 4) *о порядке применения метрической системы в хлебозаготовительной кампании 1925—1926 г.* Наркомторг указывает, что эта кампания должна рассматриваться, как переходная—в отношении введения метрической системы. Поэтому допустимо при приемке от крестьян зерна взвешивание, как при помощи метрических мер, так и весами и гирями старого веса. Точно также смешанная система должна применяться и при записях в ярлыках (квитанциях). В остальных же отношениях, в частности при оптовой торговле, применяются постановления Междуведомственной Метрической Комиссии № 33 и № 37 (Торгово-Промышленная Газета № 16 и 97 за 1925 г.).

Вместе с тем на государственные и кооперативные хлебозаготовительные организации возлагается обязанность проведения *раз'яснительной кампании* о преимуществах метрической системы.

4) К вопросам *внешнего товарооборота хлебной продукции* относятся: 1) Постановление ЦИК и СНК СССР от 8 января 1926 г. *об отмене особого сбора с вывозимых за границу хлебофуражных продуктов* (Известия ЦИК от 21 января 1926 г. № 17), взамен какового установлен *портовый попудный сбор.* Вместе с тем СТО поручено *установить размер* этого сбора, *назначение и срок его введения* и внести таковые на утверждение СНК СССР. Одновременно отменены: *а)* постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1923 г.; *б)* п. 2 ст. 1 и ст. 2 постановления ЦИК и СНК СССР от 10 октября 1923 г.; *в)* постановление ЦИК и СНК СССР от 22 февраля 1924 г. и *г)* постановление ЦИК и СНК от 27 марта 1925 г.; 2) Приказ Наркомторга от 1 февраля 1926 г. № 26 *о порядке безлицензионного вывоза товаров* (Внешняя Торговля № 13—14 за 1926 г.). Означенный приказ, в изменение и дополнение приказа НКВТ от 26 августа 1925 г. о безлицензионном вывозе некоторых *продуктов сельского хозяйства*, устанавливает подробные правила относительно организаций, имеющих право самостоятельных экспортных операций данными продуктами, а также относительно самого порядка осуществления экспорта, 3) Приказ Наркомторга от 16 февраля 1926 г. № 47 о безлицензионном вывозе продуктов сельского хозяйства Госторгами Союзных Республик и Госсельсиндикатом (Внешняя Торговля № 15—18 за 1926 г.).

Паритетные Комиссии.

В вопросе о создании *организованной торговли* важное значение имеет новое мероприятие ВСНХ СССР, направленное *на увязку взаимоотношений госпромышленности с кооперацией в целях совместной борьбы за овладение рынком и за изживание дефектов в организационной и оперативной работе.* Задача ВСНХ заключается в данном случае в достижении того, чтобы выпускаемая госпромышленностью продукция сразу получала надлежащее направление в условиях наиболее быстрого и дешевого продвижения ее к потребителю. Согласно удачному выра-

жению одного из решений АК С.-З. ЭКОСО в Советской экономике не должно происходить *немотивированного блуждания ценностей в обороте.* К этой-то цели рационализации оборота и создания организованной торговли направлено согласованное решение ВСНХ СССР и Центросоюза

В совместном циркуляре от 12 января 1926 г. № 18 (Торгово-Промышленная Газета от 13 января 1926 г. № 10) указывается на необходимость установления теснейшей связи государственной социалистической промышленности с кооперированными массами рабочих и крестьян СССР. На почве об'единения промышленности и кооперации должно произойти *овладение стихией рыночных отношений.*

Практической мерой в этом направлении является создание особой Паритетной Комиссии, основной задачей которой должно быть устранение всяких коллизий, споров и недоразумений между госпромышленностью и кооперацией *в области их торговых взаимоотношений.* Ближайшими задачами Комиссии являются: *возможно безболезненная ликвидация конфликтов, вызываемых заключением и выполнением как генеральных, так и типовых договоров, нормализация взаимоотношений* на почве согласования планов реализации продукции госпромышленности с нуждами кооперации и т. д.

Центральной Паритетной Комиссии должно соответствовать по мысли циркуляра на местах (в более крупных пунктах) создание периодических совещаний представителей госпромышленности и кооперации. Вопросы, не разрешенные на местах, должны передаваться в Паритетную Комиссию.

Высказанная в циркуляре № 18 мысль о местных организациях получила затем более конкретное выражение в *Положении о местных паритетных комиссиях госпромышленности и кооперации,* опубликованное в приказе по ВСНХ СССР от 3 марта 1926 г. № 439 (Торгово-Промышленная Газета от 14 марта 1926 г. № 60). Означенным Положением создается местный аппарат в виде паритетных комиссий, долженствующих регулировать спорные вопросы по осуществлению договоров о реализации промтоваров, о системе наценок на товары и т. д. Местные паритетные комиссии рассматривают и решают все спорные вопросы *в согласительном порядке,* применительно к местным условиям работы. При недостижении соглашения на местах спорный вопрос передается в Центральную Паритетную Комиссию.

Практическим результатом создания Паритетной Комиссии является *циркулярное письмо о предельных наценках на промышленные товары* (Торгово-Промышленная Газета от 14 марта 1926 г. № 60). Означенное письмо предлагает включать в генеральные и типовые договоры, как *уже заключенные,* так и подлежащие впредь заключению между госпромышленностью и кооперацией, пункты, предусматривающие: 1) проведение кооперацией товаров *исключительно через свою систему* и 2) соблюдение при продаже *предельных* накидок, каковое обязательство должно перелагаться на свою контр-агентуру. Размер накидок определяется паритетными комиссиями на основании даваемой циркуляром номенклатуры основных элементов накладных расходов.

В договорах должна быть предусмотрена неустойка—на случай нарушения кооперацией принятых на себя обязательств, и расторжение договора в случае повторных нарушений его.

Возникающие при исполнении договоров споры рассматриваются местными паритетными комиссиями и, в порядке обжалования, Центральной Комиссией.

Сырьевое Совещание.

Постановлением СНК СССР от 27 января 1926 г. утверждено *Положение о Сырьевом Совещании при Наркомторге СССР* (Известия ЦИК от 9 февраля 1926 г. № 32), каковым заменяется Положение о том-же от 29 сентября 1925 г. Согласно новому Положению, Сырьевое Совещание учреждается для выяснения вопросов, *связанных с заготовкой сельско-хозяйственного и технического сырья, как для внутреннего потребления, так и для вывоза*, а также вопросов *о поддержании и развитии сельского хозяйства в соответствии с потребностями сырьевых заготовок.*

В состав Совещания входят представители ряда заинтересованных *ведомств* (ВСНХ, НКФ, НКЗ и других), а также, с правом решающего голоса, представители крупных сырьевых и промышленных организаций, по приглашению Наркомторга. В составе Совещания могут быть организуемы *специальные комиссии.* ЭКОСО отдельных Союзных Республик также могут образовывать соответствующие сырьевые совещания.

Регулирование цен.

Регулирование цен со стороны Наркомторга (осуществляемое им на основании п. „*о*“ ст. 2 и п. „*д*“ ст. 8 Временного Положения о Наркомвнуторге СССР от 9 мая 1924 г., постановления СТО от 22 февраля 1924 г. и постановления ЦИК и СНК СССР от 18 ноября 1925 г. об образовании Наркомторга), получает выражение в настоящее время в двух основных направлениях. С одной стороны Наркомторг нормирует *отпускные* цены на товары различных категорий, а с другой стороны он устанавливает *предельные накидки*, допустимые *при перепродаже* товаров. Таким образом в течение всего процесса движения товара от производителя к потребителю цены на него должны быть из'яты от влияния стихии рыночного спора и предложения.

Следует, однако, иметь в виду, что Наркомторг, несмотря на предоставленную ему законом власть регулировать цены во всех стадиях оборота товара и в отношении *всех торгующих*, в том числе и частных предпринимателей, осуществляет эту функцию лишь со значительными ограничениями. В настоящее время Наркомторг регулирует, в виде общего правила, лишь цены *госпредприятий и кооперативных организаций* и с другой стороны своей нормирующей властью охватывает далеко не всю торговую деятельность госорганов и кооперации. Регулирование цен в настоящее время не имеет характера *сплошной меры*, оно затрагивает лишь *отдельные виды товаров*, лишь постепенно приближаясь к более широкому охвату продажных цен.

За истекшие три месяца 1926 г. необходимо отметить следующие распоряжения Наркомторга в указанной области:

1) Постановлением Наркомторга, опубликованным в № 3 Торговых Известий от 9 января 1926 г. были установлены (во изменение постановления Наркомвнуторга от 27 апреля 1925 г.) новые *максимально-предельные основные отпускные цены на продукты и изделия металлопромышленности* при продаже их с места производства в количестве не менее одного вагона. Означенное постановление распространяется и на сделки, заключенные *до дня опубликования* его, хотя бы в них не предусматривалось перерасчета в связи с последующим изменением цен. Однако, в этом случае перерасчет производится лишь в части *несданного ко дню опубликования товара.*

По появившимся в текущей литературе сведениям настоящее постановление Наркомторга было приостановлено СТО по протесту ВСНХ.

2) Постановлением Наркомторга от 21 января 1926 г. (Торговые Известия от 4 февраля 1926 г. № 13) установлены (в изменение постановления Наркомвнуторга от 2 октября 1924 г.) *новые* максимально-предельные отпускные *оптовые и мелкооптовые цены* на *курительную махорку* производства *всех без исключения фабрик* при отпуске товара государственным и кооперативным торговым организациям в размере 19 рублей с 1 ящика в 20 кгр.

Тем же постановлением установлена минимальная 10% скидка с розничной цены продавца при отпусках махорки *любою промышленною или торговою организацией* предприятиям и *лицам*, ведущим исключительно *розничную* торговлю.

Наконец, то же постановление подтверждает обязательность соблюдения *этикетных* цен на махорку (в 6 коп. за пачку в 50 грамм, и 7 коп.—в ряде отдаленных местностей, в том числе в Мурманском крае).

В настоящем постановлении Наркомторга следует отметить то, что здесь он распространяет регулирование цен *за пределы только государственной и кооперативной торговли.*

3) Постановлением Наркомторга от 1 февраля 1926 г. (Торговые Известия от 9 февраля 1926 г. № 15) во изменение постановления Наркомвнуторга от 28 августа 1924 г., установлены новые *оптовые цены на кожевенные товары* независимо от суммы сделки. Вместе с тем устанавливается, что розничная продажа, на которую не распространяются нормы оптовых цен, может производиться теми же предприятиями лишь из особых магазинов или отделений, где не должна производиться никакая оптовая торговля.

Для розницы устанавливается *предельная надбавка* к установленным этим постановлением предельным отпускным ценам в размере 24% в сельских и 21% в городских местностях.

На местные органы Наркомторга возложено установление торговых накидок на промежуточные звенья—государственные и кооперативные торговые организации губернского масштаба—продающих кожтовары мелким оптом, но с тем, чтобы они не влекли за собой повышения указанной выше предельной надбавки для розницы.

4) Постановлением Наркомторга от 6 февраля 1926 г. (Торговые Известия от 13 февраля 1926 г. № 17) установлены, во изменение постановления Наркомвнуторга от 13 ноября 1924 г., *предельные цены при продаже соли Крымсольтрестом Солесиндикату* (молотая 13 коп. за пуд, немолотая 10½ к).

Вместе с тем установлено, что Солесиндикат должен производить продажу крымской соли франко-вагон или баржа промысел по ценам, не превышающим 38½ коп. за пуд (молотая) и 36 коп. за пуд (немолотая).

5) Постановлением Наркомторга от 19 марта 1926 г. (Торговые Известия от 20 марта № 30) установлены, во изменение постановления Наркомторга от 24 декабря 1925 г., *оптово-предельные цены на подсолнечное масло* в 6 р. 20 к. за пуд франко-вагон станция отправления. Означенная цена устанавливается для государственных производственных предприятий, синдикатов. акционерных обществ с преобладанием госкапитала и кооперативных организаций, производящих или перерабатывающих масло.

Новая цена распространяется на ранее заключенные сделки в части не сданных еще партий товара, за исключением тех, по которым предусматривалась сдача до 1 марта 1926 г.

Приведенные выше постановления Наркомторга об отпускных ценах содержат в себе в отдельных случаях также установление *предельных накидок* при перепродаже товаров. Кроме того установление отпускных цен в отдельных случаях может содержать в себе предельную накидку (напр., при установлении отпускных цен синдикатов). Однако. в целях более отчетливого выявления различных сторон деятельности Наркомторга в области регулирования цен, в настоящем обзоре отдельно приводятся постановления Наркомторга, направленные на урегулирование цен при торговом посреднике. Сюда относятся, изданные за январь—март 1926 г., следующие важнейшие постановления:

1) Постановление Наркомторга *об установлении предельных накидок при продаже импортных дубителей и гарпиуса* (Торговые Известия от 28 января 1926 г. № 10). Означенное постановление устанавливает предельные накидки при продаже партиями, *не менее одного вагона*, как для *импортирующих* государственных и кооперативных организаций, так и на случай *дальнейшей перепродажи импортных товаров* данного рода, в том же количестве.

При продаже *меньшими партиями* предельные накидки определяются республиканскими краевыми и областными внуторгами.

2) Постановлением Наркомторга от 16 января 1926 г. о продажной цене книг и брошюр (Известия ЦИК от 28 января 1926 г. № 22) установлена обязательность *указания на обложке книги ее продажной цены*. С означенной цены *все издательства и книготорговые организации* т. е. не только государственные и кооперативные, но и *частные* должны делать скидку центральным и краевым книготорговым организациям в размере от 40% до 32% в зависимости от рода литературного произведения, при чем крупнейшим организациям (Центросоюз и др.) предоставляется дополнительная 3% скидка. Указанные нормы уменьшаются для губернских и уездных книготорговых организаций на 5%. Просветительные организации получают скидку в 10%. *Индивидуальным потребителям скидка не допускается.*

3) Постановлением Наркомторга от 4 февраля 1926 г. (Торговые Известия от 13 февраля 1926 г. № 17) распространено постановление Наркомвнуторга от 30 октября 1925 г. о *предельных накидках* на изделия *бумажной промышленности* на государственные, кооперативные, профессиональные и партийные *издательства при продаже ими означенных изделий.*

В том же № 17 Торговых Известий опубликован список складов трестов, на которые распространяется предельная 5% накидка, установленная на основании вышеуказанного постановления Наркомторга от 30 октября 1926 г. и согласованная с Бюро С'ездов Бумажной Промышленности. К числу таковых по Ленинграду принадлежат склады Ленинградбумтреста и С.-З. Леса.

4) В постановлении Наркомторга от 23 февраля 1926 г. № 14/715 *о предельных надбавках при продаже импортной мануфактуры местными торговыми организациями* (Торговые Известия от 9 марта 1926 г. № 26) раз'ясняется, что для государственных и кооперативных торгующих организаций обязательны установленные предельные надбавки не только в отношении мануфактуры полученной от трестов, но и *импортных текстильных изделий.*

В отношении *частной* торговли регулирование цен должно достигаться путем *договорных соглашений* госорганов, отпускающих товар, с частными лицами и предприятиями о максимально предельных продажных ценах.

Кроме вышеперечисленных мероприятий в данной области необходимо отметить еще постановление СНК СССР от 27 января 1926 г. *о надзоре за соблюдением этикетных цен* (Известия ЦИК от 6 февраля 1926 г. № 30). Надзор этот возлагается на Наркомвнуторги союзных и автономных республик и их местные органы. СНК Союзных республик предлагается издать инструкции по применению надзора, в которых должен быть предусмотрен порядок привлечения нарушителей этикетных цен к ответственности судебной и административной. Вместе с тем повышается размер штрафа, налагаемого в административном порядке.

Стандартизация кожсырья.

III. Постановлением Наркомторга от 9 февраля 1926 г. (Торговые Известия от 4 марта 1926 г. № 24) *о распространении правил всесоюзного стандарта на кожсырье на все сделки государственных и кооперативных органов в части несданных и непринятых до 10 декабря 1925 г. партий*, установлено обратное действие правил о всесоюзном стандарте—в части несданных и непринятых партий—в связи с чем госорганы и кооперативные организации должны в соответствующей части изменить заключенные ранее сделки и договоры. Договоры названных организаций *с частными лицами* должны быть изменены *в порядке согласования.* При отсутствии такового договора сделки *подлежат расторжению на основании ст. 144 Гражд. Кодекса.* Сверх того Наркомторг устанавливает *премию* продавцам кожсырья *за правильно снятые шкуры* в размере 3% стоимости их. При обнаружении же искусственного *утяжеления* ими шкур с корыстною целью Наркомторг предлагает привлекать таких контрагентов к ответственности по ст. 187 Угол. Код.

Регистрация внебиржевых сделок.

1. Регистрация внебиржевых сделок была впервые введена постановлением СТО от 1 сентября 1922 г., замененного затем постановлением СТО от 11 апреля 1924 г. Целью установления обязательной регистрации внебиржевых сделок было осуществление учета оборота товаров, *происходящего вне биржи* и потому ускользающего от учета непосредственно *на бирже.*

Согласно приведенным выше двум постановлениям СТО учету посредством регистрации подвергался вне-биржевой оборот *лишь государственных предприятий и учреждений*, как между собою, так и с частными лицами. Тогда как товарный оборот, не соприкасающийся с государственными органами, оставался до сих пор совершенно неучтенным.

В настоящее время СТО издало *новое постановление* по тому же предмету от 24 февраля 1926 г. (Известия ЦИК от 24 марта 1926 г. № 67). Главное отличие этого постановления от действовавшего до сего времени заключается *в расширении круга учитываемых сделок.* Ныне регистрации подлежат, сверх указанных выше, также сделки, совершаемые *кооперативными организациями*, предприятиями, *обязанными пу-*

бличной отчетностью (в том числе *и частными*), а также *арендаторами государственных предприятий*. При этом СТО точно определяет, кто из контрагентов должен производить регистрацию заключенной внебиржевой сделки (ст. 6). Из общего правила о регистрации допускается ряд исключений, точно перечисляемых в постановлении. Таковы—плановые сделки Наркомвоенмора, Особых Отделов и ОГПУ,—сделки НКВД на предмет снабжения милиции, сделки первичных сельских потребительских, сельско-хозяйственных и промысловых кооперативов. Не подлежат регистрации также некоторые сделки городских кооперативных об'единений при условии представления ими сведений на биржу два раза в месяц.

По сравнению с ранее действовавшими правилами *понижен сбор за регистрацию*, каковой не должен превышать 0,15% с суммы сделки (вместо прежних 0,25%).

2. В связи с вышеприведенным следует упомянуть утвержденные Наркомфином РСФСР 18 января 1926 г. *Правила по взиманию местного налога с совершаемых или регистрируемых на бирже сделок* (Бюллетень НКФ № 16 за 1926 г.).

Торговые агенты.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 25 октября 1925 г. *о торговых агентах* предусматривало в ст. 9 издание особой инструкции Наркомторгом и ВСНХ СССР по применению нового закона. Таковая утверждена вышеуказанными органами 16 февраля 1926 г. (Торговые Известия 16 марта 1926 г. № 28).

Инструкция содержит в себе ряд пояснений к отдельным постановлениям нового закона. Из них следует отметить то, что торговый агент, не состоя на службе госпредприятия, *может пользоваться фирменным наименованием обслуживаемого (или обслуживаемых) им предприятия (предприятий)*, с обязательным, однако, указанием на *наличие агентурных отношений*, путем добавления слов „агент", „агентура" и т. п. и с обязательным указанием своего собственного фирменного наименования. Полномочие агента на заключение сделок и договоров *не должно быть обязательно засвидетельствовано в нотариальном акте доверенности*, а может получить выражение в самом агентурном договоре, в коммерческой переписке и т. д.

Вознаграждение агенту, выплачиваемое в виде % с суммы совершенной им сделки, должно выплачиваться *не ранее поступления платежа по таковой*. Наконец, Инструкция указывает на то, что агенту *не может быть предоставляемо исключительного права* на совершение в указанном для него районе торговых сделок от имени обслуживаемого им госпредприятия.

Кредит.

В области вопросов о кредитовании торговли за истекшие январь—март месяцы не состоялось каких-либо *крупных* законодательных или административных распоряжений. Здесь необходимо отметить только следующие, опубликованные в официальных органах, постановления:

1) Циркуляром Правления Госбанка от 22 декабря 1926 г. (опубликовано в № 30 Вестника Финансов за 1926 г.) раз'яснено, что действующие *кредитные лимиты* Госбанк ныне считает не целесообразным

разделять на две группы: кредит под векселя и под товары. Филиалам банка предоставляется *самим выбирать*, в пределах разрешенного ему лимита, *более подходящее обеспечение* для каждого отдельного клиента.

При этом Правление напоминает *о целесообразности, в данное время, кредитования клиентов под товар.*

2) Постановлением Наркомфина СССР от 23/27 января 1926 г. (Вестник Финансов № 36 за 1926 г.) произведено, по поручению СТО от 28 октября 1925 г. и в видах оздоровления товарного оборота и укрепления денежного хозяйства, *сокращение товарного кредитования банками.* В этих целях прекращения выдачи ссуд и открытие текущих счетов под товары следующих групп: мануфактуры, пряжи, кожи, ряда металлоизделий, посуды, бумаги, резиновых галош, растительных пищевых масел.

Если эти товары уже служат обеспечением кредита, то следует принять меры к замене их другими товарами.

Затем НКФ предлагает сократить до минимума сроки подтоварного кредитования в отношении грубошерстных тканей и некоторых металлоизделий. Кредитование всех указанных категорий товаров под железнодорожные дубликаты производить лишь *на срок, необходимый для перевозки груза, если товар предназначен для снабжения определенного района и самая перевозка не носит спекулятивного характера.*

Принадлежащие банкам товары указанных категорий и невыкупленные грузы подлежат немедленной реализации.

3) В циркуляре от 9 февраля 1926 г. № 72 (Вестник Финансов № 44 за 1926 г.) Правление Госбанка указывает на то, что до сего времени существует ряд хозяйственных организаций, *не оформивших своего юридического положения.* Считая *совершенно недопустимым кредитование таких организаций*, Правление Госбанка предлагает своим филиалам не только воздерживаться впредь от вступления с ними в кредитные отношения, но также проверить свою клиентуру в этом отношении. При обнаружении в составе таковой неоформленных юридически хозорганизаций надлежит потребовать или немедленного погашения долга или немедленного же оформления своего устава или положения.

4) В приводившемся уже ранее постановлении Наркомторга от 16 января 1926 г. *о продажной цене книг и брошюр* (Известия ЦИК от 28 января 1926 г. № 22) содержится отдельное постановление *о кредитовании государственными и кооперативными издательствами книготорговых организаций.* Именно — центральным и краевым организациям издания отпускаются в кредит сроком на 6 месяцев, а губернским и уездным—на 4 месяца.

Изменение Положения о векселях.

Постановлением ВЦИК и СНК от 22 февраля 1926 г. *об изменении ст. 12 Положения о векселях и примечания к ней* (Известия ЦИК от 9 марта 1926 г. № 56) прежняя редакция Положения о векселях изменена в том смысле, что уплата по векселю, пред'явленному нотариусом или нарсудьею, должна последовать *на 3-ий*, а не на следующий день после пред'явления векселя. Примечание к ст. 12 в *прежней* редакции предусматривало невозможность пред'явления нотариусом *в срок* протестуемого векселя вследствие *дальности расстояния* или

перерыва сообщения, в каковом случае закон допускал протест без пред'явления векселя. *Новая* редакция примечания *формулирована иначе.* Она говорит, что в случае *неизвестности местонахождения* обязанных по векселю лиц, а также *нахождения их вне места платежа*, протест производится без пред'явления требования о платеже, но с тем, чтобы таковое обстоятельство было *указано в записи о протесте* и *в отметке на самом векселе.*

Изменение постановлений об акционерных обществах.

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 4 января 1926 г. изменена редакция ст. 327 Гражданск. Кодекса в том смысле, что *о признании акционерного общества несостоявшимся* в силу обстоятельств, предусмотренных этою статьей закона, публикация производится не в „Известиях ЦИК“, но в газете „Экономическая Жизнь“. (Известия ЦИК от 26 января 1926 г. № 20).

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 2 марта 1926 г. *дополнено* постановление от 24 апреля 1925 г. *о порядке утверждения уставов акционерных обществ* статьей 6[1], согласно которой изменения в действующих уставах утверждаются органами, утверждению которого подлежал бы и устав в целом. Однако в отдельных случаях необходимо утверждение изменяемого пункта устава со стороны СТО или СНК СССР. Это имеет место тогда, когда изменяется такой признак устава, утверждение которого зависит от СТО (напр., участие в акц. об-ве общесоюзного значения) или от СНК (участие в акц. об-ве иностранцев и др.).

Сроки выгрузки.

Постановлением СНК СССР от 5 февраля 1926 г. *об изменении срока выгрузки грузов, установленного ст. 64 Устава железных дорог* произведено сокращение срока выгрузки средствами получателей грузов *до восьми часов* и лишь для тех грузов, которые по своему свойству не могут быть разгружены в этот срок, установлено 12 часов. Списки последнего рода грузов утверждаются Центральным Комитетом по перевозкам и публикуются в сборнике тарифов (Известия ЦИК от 2 февраля 1926 г. № 42).

Метрическая система.

Проведение в жизнь метрической системы мер вызвало за истекшее время (январь—март 1926 г.) ряд специальных постановлений подлежащих госорганов. Сюда в частности, кроме упоминавшегося ранее постановления Наркомторга *о порядке применения метрических мер в хлебозаготовительной кампании* 1925/26 г. относятся еще следующие:

1) Обязательное постановление Центральной Метрической Комиссии при СТО № 53 *об установлении основных измерительных единиц в промышленности, торговле и транспорте* (Экономическая Жизнь от 27 января 1926 г. № 21).

2) Обязательное постановление Наркомторга от 2 февраля 1926 г. *о переходе торговли к отпуску товаров в метрических мерах* (Торговые Известия от 18 февраля 1926 г. № 19). В этом постановлении указывается, что в большинстве городов местные *государственные, коопера-*

тивные и частные предприятия, переходя на метрические меры, не изменяют розничных цен соответственно новым единицам (напр., стоимость 1 фунта принимают равной стоимости 1 кгр.).

В виду этого Наркомторг обязывает торговые предприятия вывешивать прейскуранты с прежними и новыми ценами на товары. Местные внуторги при всяком установлении розничных цен должны стремиться к округлению цен в метрических единицах товара в сторону их снижения. Кроме того обязательное постановление предписывает местным органам, наряду с надзором за выполнением настоящего постановления, провести соответствующую раз'яснительную кампанию.

3) Постановлением СНК СССР от 26 г. *об изготовлении мер и весов иных систем, кроме метрической*, определено, что таковые могут изготовляться не иначе, как с особого разрешения Центральной Метрической Комиссии (Известия ЦИК от 2 марта 1926 г. № 15).

Внешняя торговля.

1) Постановлением СНК СССР от 26 января 1926 г. (Известия ЦИК от 3 февраля 1926 г. № 27) введен в действие *новый таможенный тариф по вывозной торговле*. Таковой вступает в силу с 1 февраля 1926 г. При этом Таможенно-Тарифному Комитету предоставлено право распространять действие нового тарифа на вывезенные, начиная с 1 августа 1925 г. и не оплаченные полностью или частично пошлиной товары, на которые новым тарифом пошлина отменена или понижена против прежнего тарифа.

С введением в действие нового тарифа отменяются ряд постановлений СНК СССР, специально перечисленных в настоящем постановлении от 26 января 1926 г.

2) Приказом Наркомторга от 4 января 1926 г. № 8 (Внешняя Торговля № 11 за 1926 г.) вводится *государственный бракераж на экспортируемые мясопродукты в живом и битом виде*. Целью таковою является установление контроля над экспортными мясопродуктами в смысле проверки *соответствия их минимальным экспортным кондициям*. Контроль такого рода устанавливается в ряде пограничных мест, в частности в Красном Острове, Новом Порту, Кингисеппе, Себеже и других пунктах.

В том же приказе опубликована *Инструкция бракерам по осмотру бэкона*.

3) Постановлением СТО от 29 декабря 1925 г. (опубликованным 26 января 1926 г. в Известиях ЦИК № 20) введен *возврат таможенных пошлин при вывозе за-границу медных изделий и выделанной кожи*. Возврату в данном случае подлежат пошлины, уплаченные *за употребленные для производства этих изделий материалы*. К постановлению приложен *Табель* возврата указанных пошлин.

4) Приказом Наркомторга от 10 февраля 1926 г. № 41 (Внешняя Торговля № 16 за 1926 г.) отменена выдача плановых нарядов для проведения *импортных заявок* за счет валюты, отпускаемой по бюджету, и взамен этого на означенные заявки *распространен общелицензионный порядок*.

5) Постановлением СТО от 26 февраля 1926 г. (Известия ЦИК от 17 марта 1926 г. № 62) о *возврате таможенных пошлин при вывозе спичек*, в отмену постановления СТО по тому же предмету от 22 июня

1923 г. установлены новые правила о возврате пошлины за употребленные для выделки спичек материалы. Срок введения и действие новых правил устанавливается НКФ СССР.

6) Приказ Главного Таможенного Управления от 23 февраля 1926 г. № 79 *о применении тарифа к самопишущим ручкам с золотыми перьями* (Внешняя Торговля № 16 за 1926 г.).

7) Постановлением СНК СССР от 5 марта 1926 г. *об изменении таможенного тарифа в европейской торговле* (Известия ЦИК от 10 марта 1926 г. № 57) внесены изменения в ставки таможенных пошлин по ряду привозных товаров в сторону их повышения.

Разные постановления.

Постановлением СНК СССР от 2 февраля 1926 г. признаны имеющими силу для СССР Брюссельские конвенции 23 сентября 1910 г. о столкновении судов и оказании помощи в море и Парижская конвенция 14 марта 1884 г. по охране подводных кабелей (Известия ЦИК от 9 марта 1926 г. № 56).

Более узкое значение имеют следующие постановления:

а) Приказ ВСНХ РСФСР от 12 января 1926 г. № 256 с опубликованием утвержденного ВСНХ, Наркомторгом и Наркомздравом Положения *о торговле ядовитыми и сильно действующими веществами, употребляемыми в промышленности, технике и хозяйстве* (Торгово-Промышленная Газета от 17 января 1926 г. № 14).

Означенное Положение регулирует порядок регистрации такого предприятия, устройство торгового помещения, порядка хранения и отпуска указанных веществ и т. д.

б) Постановление СТО от 2 февраля 1926 г. *о разрешении мелкого развеса чая для столовых, чайных и буфетов государственных и кооперативных организаций и профессиональных союзов* (Известия ЦИК от 17 марта 1926 г. № 62).

в) Циркуляр НКФ СССР от 16 февраля 1926 г. № 328 *об организации продажи золота в пробирных учреждениях* (Вестник Финансов № 41 за 1926 г.), которым регулируется отпуск золота 999 пробы для выделки кустарных изделий, зубоврачебной техники и иных целей.

г) Постановление СНК РСФСР от 19 марта 1926 г. (Известия ЦИК от 27 марта 1926 г. № 70) *о воспрещении в некоторых районах РСФСР продажи, покупки, хранения и вывоза сусликовых шкур*, имеющих в виду предупреждение распространения чумных заболеваний в районах эпизоотии чумы на грызунов.

д) Постановление СНК РСФСР от 19 марта 1926 г. *о производстве торговли медикаментами* (Известия ЦИК от 27 марта 1926 г. № 70), коим установляется право продажи государственных, кооперативных и общественных организаций и *частных лиц* при условии получения разрешения Наркомздрава или его местных органов на основании Инструкции, утвержденной Наркомздравом и Наркомвнуделом.

Редактор **Б. Бинкин.**

Цена 3 р.

Адрес редакции: Ленинград, Полтавская, 12. Тел. 99-13.